

уральский

следопыт

№3 **** 1979

ИЗ МУЗЕЯ В МУЗЕЙ

Юрий
РЯЗАНОВ

Фото
А. Нагибина

Эту карманного формата книгу в добротном кожаном переплете, с золотым тиснением за полвека ее пребывания в фондах Свердловского областного краеведческого музея держали в руках многие. Полистав и заглянув в каталожную карточку, где значилось, что это Новый завет, напечатанный в типографии Киево-Печерской лавры при императрице Елизавете Петровне, книгу, как малоинтересное издание, ставили на место.

Читайте стр. 49.

в номере:

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Д. Часов ТАТЬЯНИН ДЕНЬ. Репортаж	2
Р. Хисаметдинова, Р. Мифтахов, К. Аралбаев, А. Ахметкужин, Муса Гали БАШКОРТОСТАН — РОДНАЯ СТОРОНА. Стихи	6
Б. Вайсберг ВЕРТУШКА ДЛЯ ДОМНЫ ИВАНОВНЫ	10
И. Каплун СЕВЕРНЫЙ РИС	13
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	14
В. Булавин ГРИВНА С БРИЛЛИАНТОМ	16
Б. Рябинин ГДЕ ПРЯЧЕТСЯ ЗЕЛЕНАЯ ЯЩЕРКА	17
В. Михалев СЕРЕЖИН ДЕЛЬФИН	19
Е. Гуляковский СЕЗОН ТУМАНОВ. Повесть. Продолжение	20
А. Матвеев ЯЗЫК ЗЕМЛИ. Продолжение	45
Ю. Рязанов ИЗ МУЗЕЯ В МУЗЕЙ	49
В. Егармин И ДЕВУШКА НАША ПРОХОДИТ В ШИНЕЛИ...	50
О. Ларин С ПИЖМЫ НА ПИЖМУ	52
Л. Осинцев КСЕНИЯ НЕКРАСОВА	57
Б. Орлов МАШИНИСТ-ТРУБОУКЛАДЧИК	58
Е. Ищенко СПАСЛИ МУЗЫКУ	59
Н. Малышева ЧЕЛОВЕК В МОРЕ ПРОФЕССИЙ	60
Е. Субботин «О, ЭТИ РУССКИЕ!..»	62
Н. Бойко ТРОФИМ-МИГРАНТ. Рассказ	65
Г. Байбурин ВАРАКУШИ	68
М. Аптекарь, В. Пуронен БОГАТЫРИ РОССИИ	70
М. Антонова ТАК ПОГИБ ЕЖИК	77
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВНИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Маяя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 30/XI 1978 г.
№С 11006.
Подписано к печати 16/I 1979 г.
Бумага 84×108/16.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 11,9
Тираж 247 000.
Заказ 572.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
Л. СМЕРНОВОЙ и В. САВИ-
НОВА

© «Уральский следопыт», 1979 г.

№3 * 1979

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Д. ЧАСОВ
Фото
А. Нагибина

Тракторист заглушил мотор (сразу стало слышно ручеек в канаве) и взобрался на крышу кабины. Помахал шапкой над головой. Потом повернулся в другую сторону и снова помахал. И так — четыре раза, на все стороны света.

— А придет?

— Придет, если увидит, — сказал он с крыши, и остался стоять...

Как на загадочной картинке: поле слева, поле справа — на все стороны — до кромок синего леса на окраинах. На поле — россыпи горожан, — приехали на прополку. В центре — мы. Задача — отыскать бригадира Свердловского овощесовхоза.

Бригадир появился незаметно. По тропке в борозде привихлял мотоцикл, и с заднего сидения спрыгнула молодая женщина.

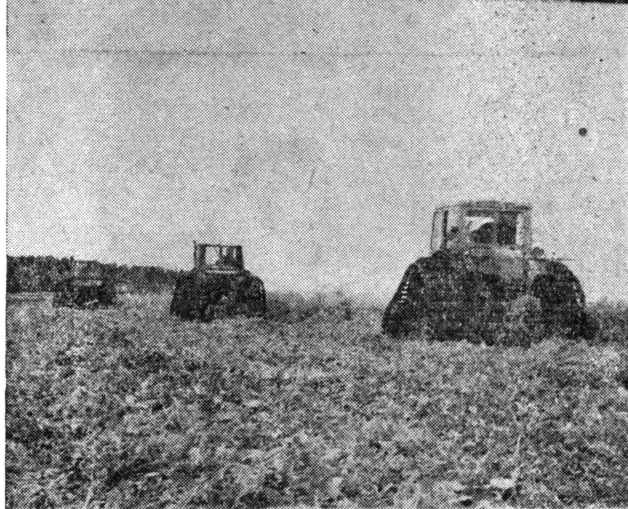
— Кто спрашивал бригадира?

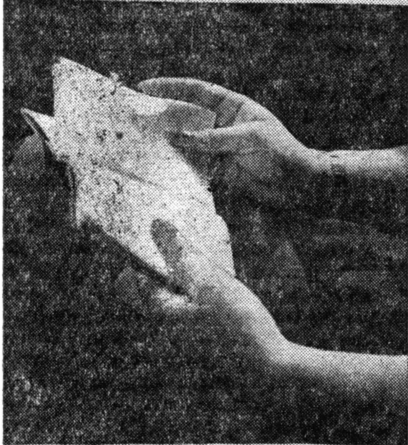
Пока редакционные «Жигули» по дороге на покосы (нам было назначено туда) осторожно пробирались узенькой колеёй дамбы, Татьяна Петровна Субботина, или просто Таня, подсчитывала что-то в блокноте, шевеля губами.

Я посматривал на ее руки и удивлялся про себя своему удивлению: здорово же въелись в нас старые представления о сельском труде. Раз земля — значит и сам человек в старой отслужившей одежде, и руки его — бороздки с въевшейся в трещины чернотой... Таня одета легко, даже не без элегантности, в модной, хоть и рабочей, куртке и брюках. И руки у нее гладкие, маникюр — по самой последней моде на данный день, яркий, густокрасный, словом, руки из тех, что знакомы и с кремом и с лосьоном. («Не употребляю», — сказала она позже).

Когда-то, скажем, в относительную старину, сын или дочь, подрастая в семье, видели изо дня в день только тот труд, которым занимались родители, и постигали смысл и свойство этого труда как естественную часть и своей жизни. В представление о будущем краеугольным камнем укладывалось представление о главном деле жизни — дающем хлеб ремесле отца или матери.

Теперь юноша или девушка за долго до часа выбора уже знает о жизни намного больше, чем его сверстники пятьдесят или сто лет назад, и часто больше, чем его родители, поглощая информацию из десятков источников — книг, газет, школы, телевидения, кино. Он, современный подросток, знает, что не только из заводов и станков, или учительства и тетрадей, больницы и врачей, поля и фермы ли, как у

отца или матери, состоит выбор. Он знает больше, и знает, что может больше. И никому не странно, что сын рабочего становится программистом, дочь швеи — хирургом, сын доярки — инженером.

И все-таки и в наш электронно-вычислительно-энтэровский разборчивый век с его безбрежной дробностью занятий, множественностью специализаций остаются главные профессии — строителя, рабочего, крестьянина, остаются и крепкие привязанности к ремеслу отцов.

Ни о чем этом, конечно, Таня не размышляла, выбирая себе работу. Но и в этом «невыворе» была своя традиция. Отец — хлебороб, один из первых комбайнеров. Мать — колхозница. С детства родные ей запахи по́ля и тракторов (синий несамходный комбайн отца двигался за трактором). И она узнала сперва труд хлеборобский в поле, на току.

Овощеводом же стала случайно...

Вышло так, что десятилетку Таня не сразу осилила, ушла из девятого. Но дома отсиживаться не пришлось. «Баловство это без дела слоняться», — сказал отец и велел идти работать. О том, чтобы послушаться отца, и в мыслях не было.

Жили они тогда в Курганской области, в селе Мартино, названном так по имени первого поселенца... Пошла Таня работать — зерно перелопачивать, да в мешки ссыпать. Почелночила так с полгода, поняла, хоть никто и не учил уму-разуму, надо к какому-то знанию прибавиться. Подала документы в Кайтское сельскохозяйственное ПТУ. Потом уже сообразила, что профиль-то у училища плодоовощеводческий. Закончила, получила аттестат мастера-плодоовощевода, назначение в Свердловский овощеводхоз. Перед дорогой подала документы в Шадринский совхоз-техникум, и тоже на овощеводческое отделение, на заочное. В совхозе послали ее работать в теплицу. Так и определилась Танина линия.

Разве что с высоты птичьего полета, да из окна бегущего мимо поезда теплицы на полях покажутся пасторальными картинками благостного сельского быта. Дело тепличное трудное, а порой изнурительное. На улице двадцать, а внутри — жара под сорок, а при влажности 96 — пятьдесят. Как в бане. Ну, в бане попарился и ушел, а тут семь часов отработать, да по-двигаться. Поспел урожай — ящики тридцатикилограммовые таскать. Сейчас автокары в совхозе, а тогда — тачки до подвесной тележки своим ходом. И не в короткую страду на две-три недели, а как на кон-

вейере, знай снимай через день поспевающие плоды.

Но есть в этом труде радость, а то чего бы ходить сюда... Не зря ни разу за много лет не явилась мысль сменить работу. Когда своими руками просто дерево посадишь, совсем другое отношение к нему, не то что из окна вагона, а тут — целый урожай, не дерево. Особенно когда войдешь зимой, с мороза вбежишь, а тут, как в кино, — зеленые пупырчатые, в слезе, дары перед тобой. К 8 марта, к женскому дню, первый урожай. Не зря поклонялись, не зря по тридцать пар резиновых перчаток сменили за сезон. (Женщины, что постарше, не принимают эту моду — в перчатках работать, а молодые тепличницы приучили себя, работают споро, но руки берегут, чтоб все честно — кожа гладкая была и маникюру, хоть в городском автобусе, хоть в театре покажись — не стыдно.)

Вот когда вспомнишь теплицу! Когда носишься по полю да поглядываешь на небо — смилостивится или нет. Там, под стеклом, ни мороз, ни сушь не помеха, какой климат надо, такой сотворим. А здесь... Когда, проучившись заочно четыре года, Таня закончила техникум (заодно и десятилетку) и ее назначили бригадиром, не думала, не гадала она, что объявится у нее такой вредный союзник, союзник-враг: погода. Ни отменишь, ни приноровишься — выкручивайся, как знаешь. В те годы еще куда ни шло. В это же лето погода будто мстила полям и людям за что-то. Дождь за дождем сочился сутками, изнуряя землю и выматывая души. Старожилы говорят, такое было только один раз, то ли в тридцать шестом, то ли в тридцать седьмом. А тут еще поле трудное, привязано к поливу, к трубам, без отдыха шестой год рождает подряд одну капусту, устало поле. Жадно ловили просветы, подсохи. В один из таких погожих дней город-шеф, индустриальный Свердловск как опустел — все, кто мог, двинулись за город — на субботник.

Сушью ли, распутицей ли начинается утро — бригадирю всегда одна дорога — в поле. В страду дни похожи как близнецы, но от этого не становятся легче, каждый надо прожить наново. А есть и особенные, авральные, как этот. Встает бригадир в шесть утра и по дороге с центральной усадьбы проигрывает мысленно день, который предстоит по этим вешкам-наметкам прожить. В 7.45 в конторе, за столом, в 8.00 —

разнарядка. Бригада в сборе, все двадцать пять. Двух трактористов — на покос, возить сено, одного — с «ДТ» — на «дэдээнку» — дождевальную установку, это трое, четвертого — подвозить и наращивать трубы на поливе. Уходчиц, всех шестнадцать, на парники, разнорабочих — на погрузку сена, подноску труб.

Разнарядка подошла к концу, когда за окном загудели машины — стали подъезжать горожане. Сегодня их много, и когда бригадир делает отметку в блокноте, то окажется — только к ней из города приехали с 36 предприятий и учреждений. В половине десятого подкатили последние, Таня подсчитала — прикинула: около двух с половиной тысяч. Быстро, на ходу разбираясь с прибывшими (многих уже знает в лицо с прошлых встреч), прикидывает, кого куда поставить. Вон там большой массив обещает хороший урожай, по нынешним временам вот так важно сохранить, и она посылает на прополку бригады из Унихита, мединститута, института экономики — эти работают добросовестно, не подведут. Ну, а вот здесь, у дамбы, морковка не задалась, хоть сколько бы собрать, сюда можно и тех, кто не шибко хваткий...

Теперь можно и на покос с тракторным порожняком. Покос ей сейчас в особинку. Обычно на заготовку сена посылают до двухсот человек. А нынче шефы в райкоме (над совхозом шефствует Верх-Исетский район) решили: чем каждый год посылать случайных малообразованных людей, не сколотить ли постоянную бригаду, ведь есть же среди горожан умельцы. Таких оказалось человек сорок. И они, сорок, стали справляться с заданием, которое было иногда не по силам случайным двумстам. Косари подбирались ловкие, среди них — и второй секретарь райкома на удивление Тане отмахивал косою так, что любо-дорого смотреть... Поставила Таня тут несколько рабочих из совхоза — косы отбивать, инвентарь чинить. Сейчас едет — не надо ли какую помощь.

Вернувшись с сенокоса, приняла работу, отпустила людей, выдала справки тем, кто справился с нормой. С четырех засела в конторе — закрывать наряды.

Дома вечером ждали контрольные работы, для института...

А на другой день, в который раз за это лето, зазудил нудный, по-осеннему беспросветный дождь.

Снова встретились мы с Таней несколько месяцев спустя. На поля в борозды зима бросала первые снеги нового своего урожая. Отгуляла Таня все свои заработанные от-

гулы и ездила теперь ежедневно в УРАЛНИИСХоз на курсы повышения квалификации.

Трудной была уборочная страда. К осени дожди напододали еще больше, многие поля были залиты водой, уборка давалась на редкость тяжело. По телевидению выступил секретарь обкома, говорил проникновенно, трудностей не скрывал, и люди с новым упорством шли в поля — убирать прихваченную морозом картошку, собирать зерно. Трудно. И все-таки так нелегко доставшийся урожай дошел до закромов. Танина бригада с планом — по сенажу, сену, моркови, огурцам — справилась, а вот капуста уродилась неудачная, много пошло в цвет, много пустокочанной.

Близилась зимняя сессия в сельскохозяйственном институте, где Таня учится заочно.

— На овощеводческом, конечно? — спросил я.

— Ну!

— А специальность-то плодородная, — я сделал ударение на слове «плодо» — Разве не тянет сады сажать, фрукты выращивать?

— Нет, не тянет.

— Ну уж... Вон романтики-то сколько в этом, в кино белопенные сады снимают, художники картины пишут, и песни поют ведь не про овощи, а про то, как «сады стоят зеленые, а в них идут влюбленные».

— Пусть, — сказала Таня. — Пусть южане обеспечивают страну фруктами, побольше садов разводят, им сподручнее. А нам, уральцам, овощи нужнее. Медицинская норма овощей на человека в год 146 килограммов, а у нас пока приходится по 135. Еще работать и работать.

Сказала серьезно, без пафоса, как о понятном. Спор с тем, кто в чем-то сильно убежден, обречен. Я и не собирался спорить, а «подначивал» так, все-таки интересно — почему не сады.

...В жизни человеческой, говорят, есть свое утро, день и вечер. Он только-только начинается Большой день Тани Субботиной, агронома, бригадира, вчерашнего комсомольского секретаря, члена КПСС, студентки института. И сам он стоит из тысяч дней, полных всем, чем полна жизнь человека работающего.

Башкортто

Рисунки
В. Меринова

Прекрасна Башкирия своими людьми и своею природой. Песенный, гордый край, свободолюбивый и удивительно гостеприимный. Помнит и чтит Башкортостан сподвижника Пугачева легендарного Салавата Юлаева, полководца революции Василия Чапаева и комиссара Михаила Фрунзе, героя-уфимца Александра Матросова и дважды Героя Советского Союза Мусу Гареева.

Современная Башкирия — это высокоразвитая промышленность и сельское хозяйство, один из основных нефтедобывающих районов страны, крупный центр науки и культуры.

В составе РСФСР Башкирия — первая автономная республика. Декрет о ее создании был подписан В. И. Лениным в марте 1919 года.

**Рамзиля
ХИСАМЕТДИНОВА**

Родной язык

Язык родной!
Гусей ли диких стон —
Кыйгак-кыйгак — орлов парящих клеток?
За тем ли манит синий небосклон
Меня вдоль звеньев облаков высоких?

Душа народа клику птиц сродни,
Что над озерным берегом трепещет —
Не высь ли голубая плещет в них,
Не белизна ль березовая блещет?

Народ мой птицегорлый!
Потому ль
Слова мои крылаты и певучи?..
Судьба!
Я воздаю тебе!..
Тону,
Как перышко, в твоих крылах могучих.

Люблю!

Ты в тетради моей любви —
Первый выплеск беспечной строчки...
Фраз обрывки... И слезы мои
Между ними — немые точки.

стан — родная сторона

У беспечной первой строки
Постепенно крепнут суставы.
О, теперь ей такое с руки! —
Чувств пожары и ледоставы.

Упираюсь во взгляд ледяной —
Страсти никнут,
Шипя, как пена...
Как жесток ты, любимый мой,
Что вошел в мою душу напевом!

Весь твой холод свербящий стерплю!
Не огнем — так пребуду мерцаньем.
За пронзительным словом «люблю»
Замираю — вся восклицанье!

Радуга

В полнеба радуга взошла...
А воздух,
Светом напоенный,
Объят дыханием тепла,
Как будто он одушевленный!

Земля моя!
Когда бы мне
Расстаться привелось,—
К тебе бы
Я воротилась по струне
Той светлой радуги в полнеба!

Переводы Г. Шафикова

Риф МИФТАХОВ

Башкортостан!..
Услышу это слово,
И видится мне в миг в красе земной
Синь поднебесья, сень родного крова,
Рек половодье раннею весной,
Садов, полей зеленая обнова,
Пути-дороги,
 приденные мной...
Башкортостан!..
 Светлей и родниковей
Слов не найти.
 Родная сторона,

Тебя я вижу каждый день как внове,
Моя душа всегда тобой полна.
Не верю даже в смерть — при этом слове
От векового я воспряну сна:
Башкортостан!

Перевод Ю. Денисова и Н. Коновского

Я буду жить....

*«Я буду жить.
Молодость не погаснет навсегда,
Даже если враг выстрелит
 в мое сердце,
Невозможно, чтобы я исчез,
Если даже Идель потечет вспять».*

1943 г.

Из последнего письма брата Фатхрахмана.

Течет Идель,
Камыш, волной колышим,
Шуршит, склоняясь низко к берегам,
И вроде голос в этом шуме слышен:
«Твой старший брат
Вернуться должен к нам...»

Весной на фронт
Мы брата проводили,
И каждый год над миром,
 по весне,—
«Вернется он, вернется в дом родимый!» —
Гогочут гуси в гулкой вышине.

Березы будто шепчут:
«До заката
Перед уходом с нами он сидел,
Он должен жить...
Мы ждем его обратно,
Ведь он в стихах воспеть нас не успел».

Я по следам его ходил и бегал,
И, одержим надеждою одной,—
«Вер-нет-ся!» —
 Я кричал горам,
И эхо
Вдаль уносило крик недетский мой.

«Вернется!» —
Мать надеется на чудо,
Мол, все с людьми случается в войну:
Чуть стукнет где-то —
 вздрагивает чутко
И припадает к низкому окну.

Мой брат, мы ждем тебя домой,
и если
Ты даже в сердце поражен свинцом,
Ты не исчезнешь, будешь с нами вместе —
С такой надеждой все мы здесь живем.

Мы будем верой жить, что на планете
Убийства, войны — все сойдет на нет,
Что письма треугольные на свете
Не будут больше вестниками бед.

Перевод Ю. Денисова

**Кадим
АРАЛБАЕВ**

Ковыли

Родной земли седые ковыли —
Встревоженное белое движенье,
Какое вы таите притяженье,
Когда из черной бездны корабли
Спускаются на белое волненье,
И космонавту первое явленье —
Волна седая молодой земли!

Моя земля, ковер твой серебрист.
Как он сверкает радостным узором!
В своей любви перед цветами чист —
Люблю ковыль, пьянен его простором!

Ковыль, ковыль!
Земли любовь и песнь,
Ты как легенда, древнее сказанье.
Но почему я молодею здесь,
Средь этого седого колыханья?

Колоч и нежен, бел и серебрист,
Ты не поляжешь под смертельным ветром.
В своей любви перед народом чист —
Сравню народ свой с ковылем бессмертным!

Земля моя, ты вечно молода.
Как я спешил к тебе после разлуки!
И мое детство, вскидывая руки,
Бежит навстречу мне через года...

Седой ковыль колыхнется во сне...
Все позади: и беды, и печали,
И я стою у юности в начале,
И юность нескончаема во мне,
Как ветер волн ковыльных нескончаем!

Перевод Д. Даминова

Лейла и Меджнун

О, как ко мне явилась ты
Сиянием рассвета?
Иль сам я на твои следы
Напал?.. Не жди ответа.

Как отыскала тропы те,
Что вьются, как твой локон,
Нашла меня в моей беде,
В любви моей высокой?

Когда единственную я
Искал в толпе столикой,
Как догадалась ты меня
И встретить, и окликнуть?

Явилась солнечным лучом,
Сошла небесным чудом —
И все мне стало нипочем,
Все стало по плечу мне!

И чувств нежнее нету струн —
Все радостью запело!
Один из нас двоих — Меджнун,
Другая — Лейла.

Перевод Г. Шафикова

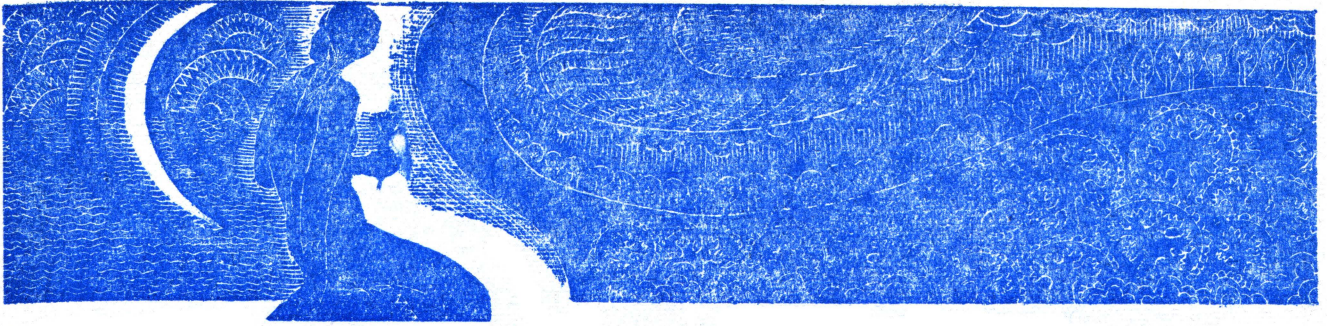
**Асхаль
АХМЕТКУЖИН**

Благословенье

— Мой аксакал!
Благословенье дай:
Путь мой далек —
В край песен,
Звонкий край.
Всю тяжесть дум,
Весь груз мечты своей
Навьючил я
На спины слов-коней...

— Эй, мой джигит!
Внимательней гляди:
Гористая дорога впереди...
Готовым будь
К опасностям ее,—
Подкуй
Ты слово каждое свое!

Перевод Н. Милованова

На Деме

Здесь все не просто.
Все не просто:
И трав некошенных парча,
И краснотал, что выше роста,
И цвет черемух у плеча...

Игрой мечты и ярких красок
Давно затянут я сюда;
Как вдохновенна и прекрасна
Здесь Демы тихая вода!

Здесь соловейка просветленно
С цветком-сэсэнэом говорил;
Здесь, удивленный и влюбленный,
Не мог не петь
Мустай Карим.

И под одними небесами
Сплелись здесь новь и старина;
Здесь плачет светлыми слезами
Всему причастная волна.

И бредит,
Светлой бредит датой,
И просит не гасить огней:
— Придут батыры Салавата
Моей водой поить коней!..

И птица, схожая с кураем,
Поет совсем как человек,
И месяц-мальчик
Острым краем
Глядится
В лучшую
Из рек.

Перевод Н. Бражниковой

Муса ГАЛИ

Я выгляжу, наверно, странным,
Когда в меня устремлены
Напевы песен многогранных
Родной страны и стороны.
Я словно бы дитя везений,
Опять в душе звенит моей
И серебро ручьев весенних,
И золото осенних дней.

Через дожди,
Через метели
На крыльях вещей высоты
По миру птицами летели
И возвращались вновь мечты.
Наверно, выгляжу я странным
По всем дорогам
На коне
И пеший,
Я плутал в стране,
В своих годах, уже пространных!..
Да, слово — странный — прижилось
За мной и честно утвердилось.
Когда Отчизне не спалось
И мне ничуть не веселилось.
Она в печали — я в печали,
Я не сомкну тревожных глаз.
И жизнь моя еще вначале,
Я странный!

Уверю вас!..

Перевод В. Сорокина

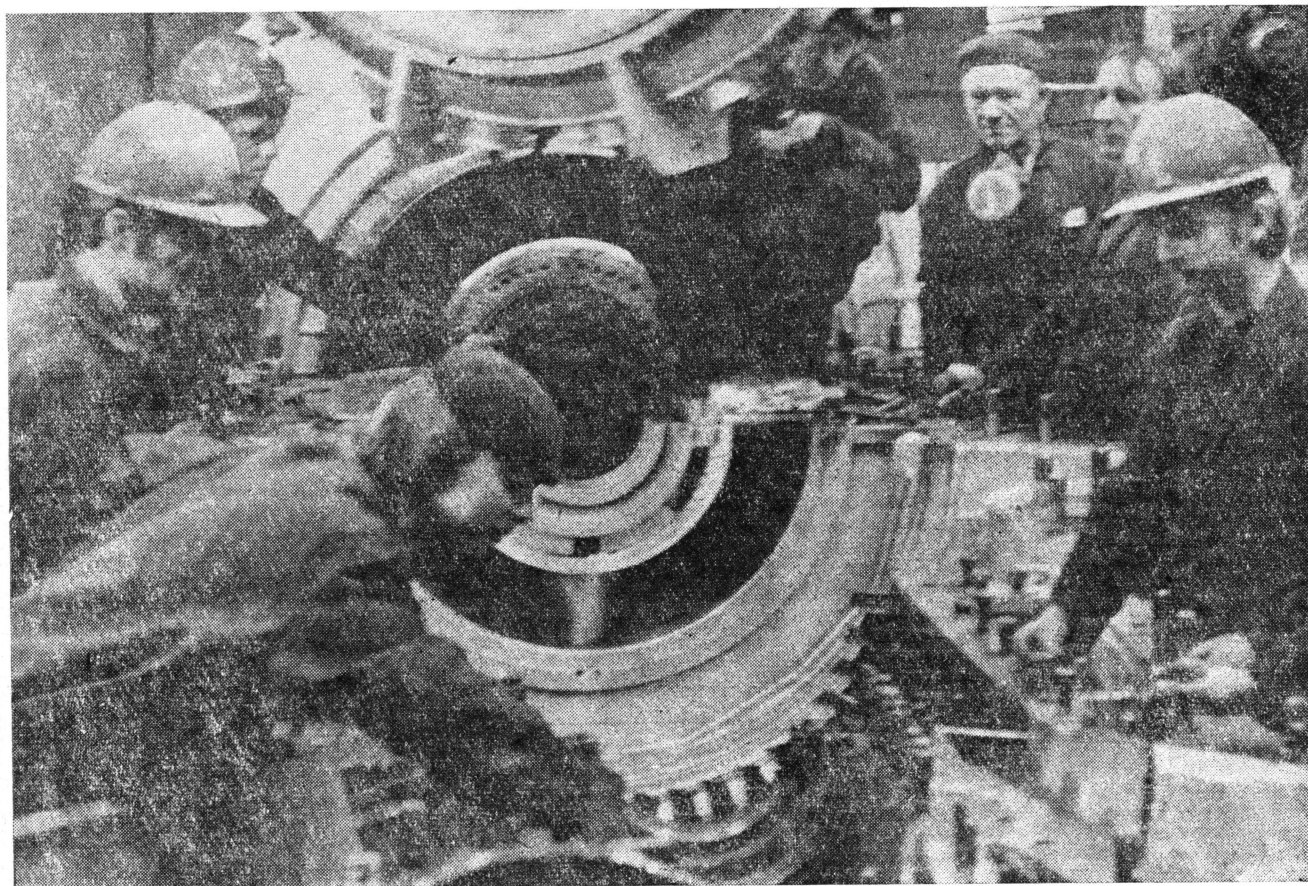
Уведи меня, милая

Вспыхнув пламенем белым, поднялся буран,
Неба взгляд — как мгновенная вспышка огня...
Ветер пел, как безумный, тоской обуян,
Гривы елей трепал... В белой замети дня
Небеса ли на землю спустились? Гляди,
Не земля ль — в небеса?.. Шелестит тишина...
Все смешалось, запуталось... Стужа в груди...
А в глазах — пелена. Пелена. Пелена...
Уведи меня, милая, да поживей,
За буран — я к тебе припадаю в мольбе!
Одинокое сердце мое пожалей,
Оно страстно и яростно рвется к тебе.
Уведи же в объятия белых полей,
Мы проложим дорогу и вместе пойдем,
Уведи меня, милая, волей своей —
В круговерти бурана исчезнем вдвоем...
Ах, как кружится ветер, как мечется снег —
Мчит, подобно пчелиному рою, жужжа.
Ветры белые крыльями сделав, весь век
Рвется-мечется сердце, стенает душа...

Тот буран — на земле
Или в сердце моем?..
Я не знаю того, не пойму, не скажу.
...Тихо-тихо стою, опаленный огнем,
Я смотрю на тебя, с тебя глаз не сожгу.

Перевод Е. Николаевской

Вертушка для Домны Ивановны

**Борис
ВАЙСБЕРГ**

*Фото
В. Борисова*

Турбина, притихшая, стояла на стенде. Была она готова к пробному пуску и ждала команды. Знакомый инженер Арнольд Колчанов сказал мне накануне, что есть возможность присутствовать. Я понял: такой возможности после не будет. Испытательный стенд маленький, на официальный пуск приглашают только тех, кто создавал машину, и, разумеется, высокое начальство. Ни тем, ни другим я не был, а посмотреть очень хотелось. Чертежи турбины я видел и раньше, но живая машина — совсем другое. В назначенный час поднялся на стенд по крутой железной лестнице, словно на палубу корабля.

Вокруг турбины ходили монтажники, инженеры, что-то поправляли, сверяли с чертежами, переговаривались на языке, понятном лишь по-

священным. Мне приходилось видеть разные газовые турбины, новорожденная была на них непохожа. Приземистая, какая-то гладкая, без привычных «архитектурных излишеств» в виде камер сгорания — они обычно выпирают с боков, без компрессора, нагнетающего воздух для сжигания горючего. Словом, она и на турбину-то не слишком похожа. И очень уж маленькая, просто птичка-невеличка, подумалось мне, неужели она даст мощность десять тысяч киловатт?

Глядя на Колчанова, одного из создателей новой машины, я заметил, что он волнуется, как и все вокруг, хотя и ходит спокойно, словно по привычной палубе судна. Здесь, на стенде, многое напоминает корабль, а Колчанов — в недавнем прошлом морской офицер.

Передалось волнение и мне. Действительно, сотни людей круглый год разрабатывали технический проект, составляли рабочие чертежи, изготавливали узлы и детали, монтировали машины. И вот сейчас она оживет. Удивительной обещала быть эта турбина. Такой не было еще ни у нас в стране, ни за рубежом. И не оттого, что очень сложная или чем-то особенная. Напротив, устройство довольно простое, но вот, бывает же так: просто, а никто не сделал!

Перед тем, как писать об этой турбине, я полистал школьные учебники. Говорится в них о паровых, гидравлических, газовых турбинах, есть даже авиационный турбореактивный двигатель. Этой же маленькой машины в учебниках еще нет, не успела она туда попасть по причине своей крайней молодости. Впрочем, когда напишут о ней, а уверен, что скоро напишут, посвятят немного строк, что-нибудь вроде: «В отдельных случаях, например, в доменном производстве, применяют специальные утилизационные турбины, вырабатывающие крайне дешевую электроэнергию за счет расширения в них избыточного давления доменного газа (см. рисунок такой-то)».

Хочу заранее пояснить суть дела. Все знают домну — печь для выплавки чугуна. Под крышей печи скапливается газ — продукт отхода производства. Газ этот сжигают в топках. Однако кроме калорийности, газ еще имеет энергию давления, он сжат примерно до 2—3 атмосфер. Вот в этих атмосферах и все дело: их теряли раньше и никак не использовали даровую энергию. Теперь появилась эта маленькая турбина. Вот она стоит на стенде в ожидании команды на пуск. Дали ей имя ГУБТ, составленное по первым буквам технической характеристики.

В этот момент раздался грохот — турбину запустили. Показалось даже, что сверкнул огонь, будто при пуске космической ракеты. Срезонировали цеховые стены, усилил звук во много раз. К крутому боку турбины монтажники приставили стержень со шляпкой — «стетоскоп» и стали выслушивать ее. Послушал Колчанов, я попросил у него «стетоскоп», прижал конец стержня к турбине, шляпку — к уху. Услышал только гудящие с призвоном шорохи да слабую вибрацию корпуса, будто нетерпеливую дрожь некоего живого существа, готового сорваться с места.

Колчанов показал на прибор, показывающий электрическую мощность турбины: 10 тысяч киловатт. Это примерно 14 тысяч лошадиных сил. Легкое усилие фантазии — и вот уже не пол стенда вибрирует у меня под ногами, а земля дрожит под копытами тысяч лошадей, сорвав-

шихся, наконец, с места. Образ уносящегося вдаль могучего табуна, мне кажется, довольно точно передает главную особенность новой турбины. Она подбирает ту энергию, которая раньше от нас уходила, растворялась, словно пыльное облако.

Теперь вот табун — в упряжке, пусть трудится!

Уже полчаса грохот, у меня звенело в голове. Колчанов понимающе улыбался и кричал мне на ухо, что вот и все, так и будут гонять турбину несколько часов, можно и уйти. Я вспомнил, что хотел расшифровать имя турбины — ГУБТ. Лучше всего начать с конца.

Т — конечно, турбина. Могу ручаться, мало кто видел турбину в «живом виде». Любую — паровую, гидравлическую, газовую. Это — одна из немногих машин, укрытых от любопытных взглядов широкой публики. Не из-за каких-то секретов, просто турбины находятся обычно в закрытых помещениях.

В то же время буквально на каждого из нас трудятся турбины. Вы включили в комнате свет — значит где-то на электростанции трудится турбоагрегат, вращает генератор. Вы зажгли на кухне газ, — значит где-то на магистральном трубопроводе работают турбины, вращая нагнетатель газа.

Между прочим, одна паровая турбина мощностью 100 тысяч киловатт обеспечивает электроэнергией и теплом 100 тысяч человек — целый город! И все эти люди могут жизнь прожить и ни разу не увидеть свою благодетельницу.

Первое впечатление, когда видишь турбину на электростанции: какая она маленькая! В огромном машинном зале ТЭЦ она впечатления не производит. И только поднимаясь и опускаясь по крутым железным лестницам, начинаешь ощущать всю мощь этой машины, спокойно дышащей паром.

На одной из «палуб» за столом сидит человек, посматривает на щит с приборами и ест суп с булкой. Сопровождающий инженер пояснит вам, что обслуживающему персоналу приносят обед прямо на рабочее место, чтобы он — персонал — не отвлекался. Вы удивитесь такой организации труда и заботе о человеке. Но не спешите радоваться, быть может, инженер не без иронии заметит, что суп — это показатель не столько заботы, сколько слабой автоматизации управления агрегатом. Турбины в скором времени вообще не будут иметь obsługi, а управление ими станет дистанционным и автоматическим.

Значит, можно жизнь прожить и турбины не увидеть. И по странной иронии, едва ли не первая игрушка, которую мастерят дети, — именно турбинка, вертушка. Обычная бу-

мажная вертушка на палочке. Дуешь на нее — крутится, бежишь — вертится скорее, пристроишь к велосипеду — и вовсе крыльчатки не видно от быстроты вращения. То-то восторг!

И то сказать, на заре техники один из первых механизмов, изобретенных человеком, — опять же турбина в лице ее прабабушки — ветряной мельницы. Дальше история шагала через водяное колесо, гидравлическую турбину до современных атомных электростанций, на выходе которых стоит не что иное, как паровая турбина. А там пошли газовые турбины — это уже XX век. Возникло новое направление в технике, на Урале наш завод единственный изготавливает такие машины.

Б — бескомпрессорная. Всякий уvažающий себя газотурбоагрегат в числе других устройств непременно имеет компрессор, нагнетающий сжатый воздух. Нет, это не тот воздух, что «дует на вертушку», иначе получился бы классический образец «перпетуум мобиле» — вечного двигателя. Компрессор приводится во вращение турбиной, а та в свою очередь — компрессором? Вытаскивать самого себя за волосы бесполезно уметь лишь незабвенный барон Мюнхгаузен. В технике такое не проходит.

Нет, компрессор качает воздух в камеру сгорания, туда же подходит топливо. В камере смесь эта сгорает, рождая огромное количество газа. Вот он-то и «дует на вертушку».

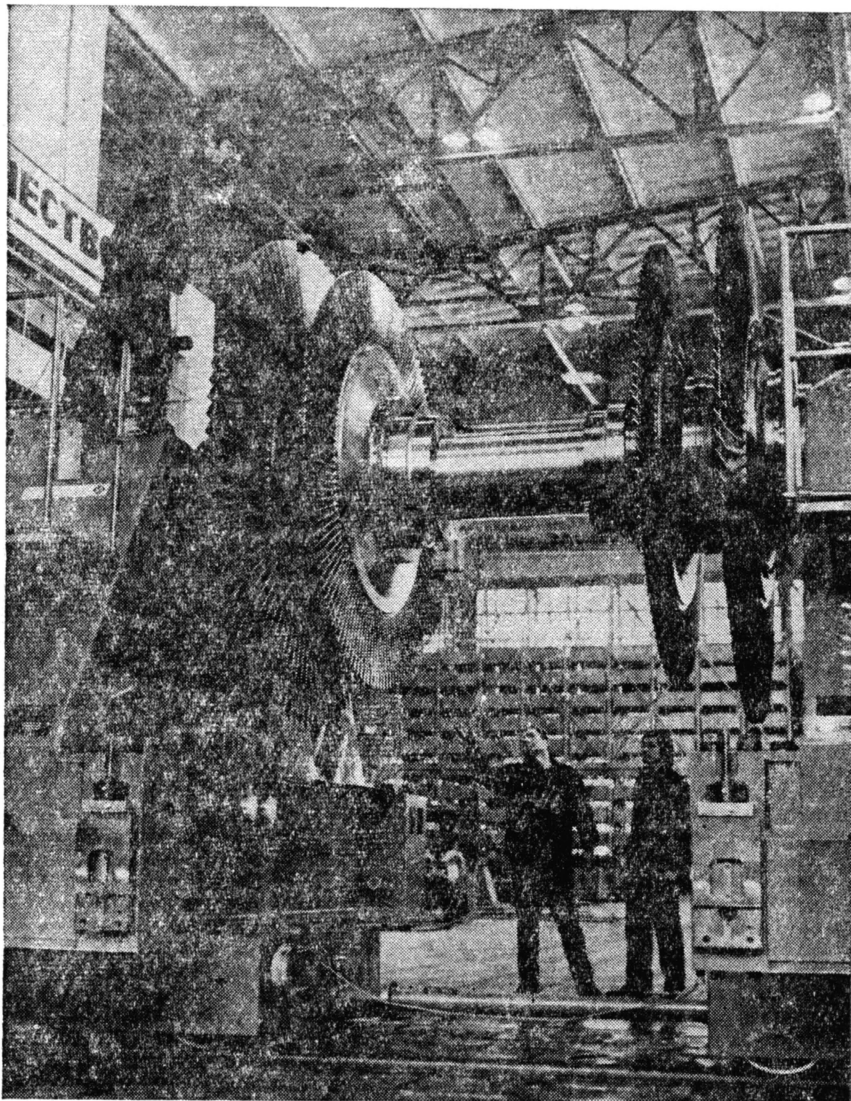
Так происходит, повторяю, во всякой нормальной газовой турбине. У нашей ГУБТ — все иначе. Компрессор ей попросту не нужен. Нет у нее и камеры сгорания — тоже не нужна. Стало быть, не требуется и топливо. Буква «Б» в таком случае может означать, так сказать, бескомпрессорная, бескамерная, бестопливная

— Что же у нее есть? — спрашивал я с удивлением у Колчанова. — Корпус да вертушка на валу? — Две вертушки, — отвечал он, — но это не принципиально. В простоте и была вся сложность. И трудности пришлось преодолевать совершенно другие, нежели для обычных газовых турбин: очищать газ от пыли, подсушивать его.

Да, но если ничего, кроме лопаток на валу да корпуса, нет в самой машине, то где-то же все это есть! Чудес в технике не бывает, а если и бывают, то их можно найти.

Все дело в доме, в ее величестве Домне Ивановне, как говорили старые металлурги.

Нашу турбину испытали и смонтировали на Череповецком металлургическом заводе. Пустили ее, между прочим, как-то буднично, без должного торжества, это тоже урок своего рода.

частенько путают. Рассказывает человек, к примеру, о газовой турбине типа ГТ-6-750, его спросят, почему она называется газовой. «Потому что перекачивает газ по магистральному трубопроводу». Тут его и подковырнут: а ГУБТ что перекачивает? А паровая, а гидравлическая? И начинает понимать человек, что турбина берет себе имя не по названию того, что она движет, а по тому, что ее двигает. Газ, значит, газовая.

Но все же и в таком простом деле наша турбина не проста. Рабочее тело поступает в нее извне и, расширяясь, вращает ротор. Но это же принцип действия паровой турбины! Роль котла отлично[®] играет опять же домна. И по высокому к. п. д. — коэффициенту полезного действия — ГУБТ ближе к паровым турбинам, чем к газовым.

Никаких внутренних агрегатов, вроде компрессора, вращать не приходится, потому и высокий к. п. д. Впрочем, нынче все стали грамотными по части экономики, сразу поправят автора: не совсем даровая энергия, сама турбина кое-что стоит. Проект, изготовление, испытание, отправка, монтаж, обслуживание. Все верно, однако и здесь все было рассчитано. Вычислили доходы, вычли из них расходы, получился экономический эффект — без малого миллион рублей. Приличный эффект, не правда ли?

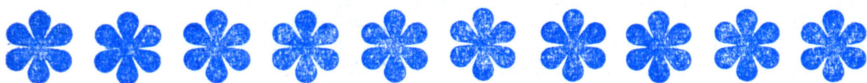
...И вот Колчанов вернулся из Череповца и рассказывал специалистам: все идет нормально, турбина работает, вышла на стабильный режим.

Вместе со всеми радовался успеху и я. Удалась уральская турбинка! По срокам внедрения «от проекта до объекта», как пишут в газетах, она побила все рекорды. Полный цикл от эскизных проработок до пуска занял два года — срок небывалый. Привыкли мы растягивать этот срок вдвое. Вот и еще один большой урок маленькой машины. Но и это еще не все.

Притихли скептики, ворчавшие всю дорогу: не стыдно-де выходить на люди с такой простецкой турбиной, неужто нельзя было придумать что-нибудь посложнее? Не стыдно и не нужно сложнее. В простоте ее достоинства, зачем городить огород. Отпали последние сомнения: не повлияет ли турбина на работу домны, не ухудшит ли ее — домны — режимы? Все же лишнее сопротивление на пути газа. Не повлияла и не ухудшила.

Меньше, чем за год, турбина окупилась все затраты и начала накручивать чистую прибыль. Не потребовался ей даже обслуживающий персонал (помните человека, евшего суп с булкой?), она полностью автоматизирована.

Просто на пульте управления

Колчанов уехал в Череповец, а я размышлял. Получается интересная вещь: турбина вырабатывает электроэнергию, которая покрывает часть энергетических затрат, идущих на вращение воздуходувки, которая наполняет воздух в домну. Создалась цепочка машин, невольно напоминающая шотландскую народную «собирушку» — стихотворение в переводе Самуила Маршака. Помните: про птицу-синицу и дом, который построил Джек? Стих у Маршака очень длинный и смешной, а у нас в конце получится такая картина: «Вот домна, которая кроме чугуна вырабатывает газ, который вращает турбину ГУБТ, которая крутит генератор, который выдает электро-

энергию, которая приводит в движение мотор, который вращает нагнетатель, который гонит воздух в домну, которая, кроме чугуна, вырабатывает газ...»

Незаметно оказалась у нас расшифрованной третья буква названия — **У: утилизационная**. Турбина перерабатывает вторичное сырье. Вот где мы нашли все, что есть в нормальной турбине: компрессор, камеру сгорания, топливо, воздух. Получается, что наша хитрая турбина взяла себе в помощницы не более не менее как саму домну!

Осталась последняя буква — **Г**. Правильно, **газовая**. Здесь как будто ничего удивительного нет. Хотя студенты на экзаменах по теплотехнике

домной появилась еще одна кнопка.

Последним штрихом в этой замечательной картине стала симпатичная фигурка в пятиугольнике — Знак качества.

А дальше и мне довелось принять участие в судьбе турбины.

Выпустили отчетную информацию, технический кинофильм, рекламный проспект. И началась вторая жизнь машины. О ней узнали во многих странах — в Польше, США, ФРГ, Японии. Приезжали в город Череповец немцы посмотреть в работе «айне интересанте турбине».

Самыми предприимчивыми и оперативными оказались, как и следовало ожидать, японцы. Быстрее всех они изучили рекламу, познакомились с уральской новинкой и оформили заказ нашему заводу на изготовление нескольких экземпляров. Арнольда Колчанова назначили ведущим инженером по экспортным турбинам. Пришлось ему вместе с машиной сдавать новый экзамен: приводить в порядок чертежи, дорабатывать конструкцию, оттачивать технологию, подумать о товарном виде турбины. Все нужно было поднимать на порядок выше, и было это для заводских специалистов хорошим уроком. Японская фирма предъявила высокие требования к внешнему виду, то, на что мы у себя почти не обращаем внимания. Машина должна выглядеть идеально, радовать душу и ласкать глаз.

Однажды мне поручили ознакомиться с заводом группу чешской молодежи, студентов-турбиностроителей. Ходили мы без переводчика, и я, волнуясь, поймут ли меня ребята, говорил четко выговаривая слова. И все же не избежал конфуза. Не из-за плохого знания чешского языка, чехи сами прилично говорили по-русски. Ребята улыбались «землякам» — расточным станкам чехословацкой фирмы «Шкода». Остановились у чего-то красивого и ярко окрашенного, словно на выставку, спросили, что это такое. Тут-то я замаялся, не смог ответить. Гости не заметили заминки или вежливо сделали вид. Подозвав мастера, я спросил, откуда и куда сия красавица. Он ответил одним словом «японка» — так прозвали в цехах для краткости экспортную турбину. Совершенно новая обшивка, современные элегантные формы — немудрено не узнать старую знакомую ГУБТ.

Вскоре турбину отправили в Японию, уехали туда на монтаж и пуск наши специалисты, среди них Арнольд Колчанов. Началось томительное ожидание, как там пойдут дела, не оплошает ли «японка».

Я думал о непростых уроках, преподанных ею. Вот еще один, может быть, самый главный урок. Ведь что, по сути, делает турбина? Использует бросовую энергию домен-

ного газа. Сколько в стране домен? Не знаю, много, и теряется там еще не мало энергии, потому что строить ГУБТы стали недавно. А тем временем сколько разбрасывается у нас другого добра! Нефть качают — газ жгут, ГЭС строят — лес топят, лес рубят — щепки бросают. Оглянитесь кругом — увидите сами. Даже оправдательная поговорка придумана на счет того же леса и щепок. Нередко можно услышать: страна (город, завод) у нас богатые, стоит ли мелочиться? Стоит! Несмотря на то, что действительно мы не бедны. Только не нужно путать: есть богатства, которые еще предстоит добыть, взять, а есть — которые уже получены, их надо сохранить, не растерять, экономно использовать. В сумме мелкие потери образуют такую величину, которую трудно себе представить. Бережливое отношение к народному добру — вот главный урок, преподанный новой турбиной.

...Наконец, раздался междугородний телефонный звонок — Колчанов сообщает из далекой страны восходящего солнца: машина на ходу, акт подписан, кадиллом махали... Почему кадиллом? По японским традициям запуск нового оборудования происходит в присутствии духовенства. Размахивая кадиллом, священники ходят вокруг турбины, якобы изгоняя из нее злых духов. Затем один из них делает «первый удар по мячу» — нажимает на кнопку пуска.

После, вернувшись на завод и рассказывая о подробностях монтажа и запуска, Колчанов заметил, что, присутствуя на этой церемонии «изгнания злых духов», он подумал: нам нужен свой ритуал. И верно — два года сотни людей трудятся над созданием машины, преодолевая массу трудностей. И вот наступает момент, когда она оживает. Разве это не торжественный момент?

...Мы стояли с Колчановым на стенде, здесь собирали очередную ГУБТ на экспорт. Колчанов вновь предостояло отправиться в Японию на монтаж. Что запомнилось в Японии любопытного, спросил я. Колчанов достал две деревянные палочки (ими японцы едят), изобразил довольно ловко, одной рукой, как это делается. Я взял палочки, попробовал повторить, они упали, подошли монтажники, стали смеяться, глядя на мои манипуляции. Потом сами пытались орудовать палочками, ничего не получалось. Колчанов подсказывал, и начало получаться. Так мы стояли на стенде рядом с полусобранной турбиной, «ели» по-японски и смеялись.

СЕВЕРНЫЙ РИС

Высокие пищевые качества гречихи известны давно. Эта ценная продовольственная культура успешно возделывалась за Уралом в давние времена. Даже на юге Тобольской губернии, в этом суровом крае, еще в XVIII веке крестьяне сеяли «северный рис» и получали неплохие урожаи. Оказывается, более 200 лет назад гречиха давала урожай сам-шесть и более.

В 1761 году на запрос из Петербурга: «В каждой провинции каких родов хлебов сеют больше, плодovито ль выходят?» — Тюменская воеводская канцелярия отвечала: «При городе Тюмени сеют рожь, овес, пшеницу, ячмень, гречиху, горох и от того в благополучные годы прибыли бывают против семян в шестеро и более...»

В свое время гречиха была одним из главных продуктов питания в Сибири, и неудивительно поэтому, что жители этих районов стремились разводить местные высокоурожайные и морозоустойчивые сорта. Это поощрялось и губернскими властями. В 1767 году Сибирская губернская канцелярия предписывала тюменскому и другим воеводам:

«...всякому в своем ведомстве чрез жителей разводить, имеется ли самородная гречиха, называемая дыкушем и курнником, которые стужи не боятся, как ординарная греча, и где она есть или в посеве бывает... то коликое число подлежит к размножению... О том, забрав от обывателей известия... уведомить».

Кроме того, гречиха — один из лучших медоносов — способствовала развитию в Западной Сибири пчеловодства.

Исай КАПЛУН

● О ленинских событиях 1912 года, о земляках-бодайбинцах — участниках Отечественной войны, о передовиках-золотодобытчиках рассказывают экспонаты школьного музея в поселке Васильевский Иркутской области.

● Триста школьных музеев насчитывается в Москве. Музей Маршала Советского Союза Г. К. Жукова в школе № 831 Ворошиловского района столицы стал триста первым.

● Новая экспозиция появилась в ленинградской 168-й школе. Она посвящена комсомольцам — ополченцам Смольненского района, истории создания народного ополчения в сорок первом году.

● Командир противотанковой батареи Вахтанг Гордуладзе погиб под Будапештом. Далеко спрятав похоронку отец погибшего героя, чтобы не убить горем больную мать. Вскоре оба старика умерли, унеся с собой тайну гибели сына. Лишь недавно, в одной из отцовских книг, младший сын обнаружил похоронную на Вахтанга. Извещение передано красным следопытам села Дзедзилетти Цулукидзеевского района.

● Исполняется шестьдесят лет со дня проведения первого коммунистического субботника. Комитет комсомола 210-й школы Ленинграда обратился с призывом: каждой комсомольской группе отработать шестьдесят часов в школь-

ном музее, посвященном блокадному Ленинграду.

● Краеведческий музей в Приозерске представляет историю края. Но мало кто знает, что начало ему было положено давным-давно... гренадерами Кексгольмского полка, созданного по приказу Петра I. Полк имел свой музей. Благодаря этому сохранились до сегодняшнего дня многие ценные подлинники, фотографии, документы столетней давности. Архив Кексгольмского гренадерского полка хранится нынче в Приозерском музее.

● Еще один музей писателю-воину Аркадию Гайдари открыт в ужурской школе-интернате № 7 в Красноярском крае. Почетное право перерезать алую ленту предоставлено И. К. Шабышеву — боевому соратнику Гайдара, вместе с которым он сражался с врагами революции на Украине и в Сибири.

● Экспозиция, посвященная истории завода Ростсельмаш, открылась в школе № 20 города Ростова.

● Торжественное открытие комсомольского зала состоялось в музее 413-й школы Петродворца. Стенды его рассказывают об истории районной комсомольской организации; под стеклами витрин лежат комсомольские билеты ветеранов, мандаты участников конференций, приглашения на праздники двадцатых годов, газетные вырезки, рассказывающие о делах первых комсомольцев.

● Продолжаем искать

Книги, фотографии, документы передал в Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей Г. М. Купченко — директор роменской школы-интерната имени А. А. Деревской. В школе много лет существует музей Александры Аврамовны Деревской — матери сорока восьми приемных детей.

Незадолго до этой поездки в школе состоялась премьера художественного фильма «Праздник печеной картошки», который рассказывает о семье Деревских. Название красноречиво говорит о том, как жила многодетная семья. В 1945 году Деревские переехали в Ромны Сумской области. У них уже было тридцать детей на воспитании. Первых четверых Александра Аврамовна взяла еще живя в Грозном.

Об этом периоде жизни А. А. Деревской — кроме того, что она родилась в семье нефтяника, что работала в юности медсестрой — известно очень мало. За этим и приехал директор школы-интерната имени матери-героини: возможно, удастся узнать что-то от старожилов, от ветеранов нефтяных промыслов. В какой семье росла Александра Аврамовна Деревская, что за атмосфера была в семье, где истоки этого великого гражданского подвига?

Поиск продолжается.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

● Партизанский пропуск

К свердловским следопытам обратился отряд имени Эрнста Тельмана из чехословацкого города Хеб: помогите найти советского солдата, который был в партизанском отряде имени Яна Жижки, на территории Чехословакии во время Великой Отечественной войны.

Этот солдат был большой умелец. Он изготовил ручным способом пятикопеечную монету, которая служила партизанам пропуском.

Вот фотография самодельной монеты, присланная чехословацкими следопытами. Кто узнает монету-«пропуск»?

● Борцам революции

Далеко Кисловодск от Северобайкальска. Живет в нем бывший кадровый офицер В. С. Даниэль. А письма идут ему из Сибири, от красных следопытов: «Расскажите о своем отце, Симоне Францевиче!»

...Симон Францевич Даниэль и его товарищ Сергей Моисеевич Долбнев были сосланы на каторжные работы в Восточную Сибирь в 1911 году. Вместе с другими политическими ссыльными строили Амурскую железную дорогу. После трех лет каторги — вечное поселение, так определил царский суд. В Нижне-Ангарске, где политическому ссыльному было определено место поселения, Даниэль стал школьным учителем. Новый учитель отменил в школе физические наказания и чтение молитв... Помогал местным жителям составлять жалобы на чиновников... Искал связей с другими политическими... Полицейскому надзору это не понравилось: ссыльного отправили в глухое таежное село Горемыку.

После Октябрьской революции Даниэль организует на селе партийную ячейку. Сходки, собрания, антирелигиозная пропаганда — всему этому секретарь партийной ячейки отдается со страстью коммуниста, беспредельно верящего в торжество нового строя.

Но 9 декабря 1921 года село захватила банда... Жестоко расправились белогвардейцы с членами партийной ячейки: Даниэля били прикладами, кололи штыками, выжгли ему глаза. Умирая, секретарь горемыкской партийной ячейки сказал карателям: «Не вернете старые времена!»

В Северобайкальске, бывшей Горемыке, стоит сейчас памятник борцам революции. И высечены на нем имена первых коммунистов села.

● Дом-музей Коли Мяготина

Более пятидесяти пионерских дружин, шестьсот пионерских отрядов в Курганской области носят имя Коли Мяготина. Коля Мяготин погиб от рук кулаков-бандитов в 1932 году, повторив судьбу Павлика Морозова.

На его родине, в селе Колесниково, открыт Дом-музей пионера-героя. Здание

построено по проекту молодых архитекторов под руководством А. С. Якушенко. Возводили его строители Кетовской ПМК-446, комсомольцы Кургана и Кетова, студенческие отряды.

Символический ключ от нового Дома-музея вручен пионерам колесниковской восьмилетней школы.

● По тропе Емельяна Пугачева

Двести лет минуло со времен крестьянской войны, в которой предводительствовал Емельян Пугачев. Но сохранились зримые свидетельства того времени: оружие, указы... Особенно бережно хранят их в Белорецке, бывшей «столице» Пугачева. В местном краеведческом музее им отведен специальный отдел. Есть даже родословный фотостенд: все потомки Пугачева, вплоть до ныне живущих...

В музей приезжают туристы со всей страны. Многие из них едут много верст по тропе войны пугачевских полков. Теперь тропа почти заросла, местные жители зовут ее «Бычьей»; туристы преодолевают ее верхом, на конях.

Двести десять километров — такова протяженность Всесоюзного конно-верхового маршрута Башкирского туристско-экскурсионного бюро. Этот маршрут очень популярен. На нем можно встретить туристов из Вильнюса, Свердловска, Одессы, Архангельска, Москвы...

Фото Е. Бюрюкова

ГРИВНА С БРИЛЛИАНТОМ

**Владимир
БУЛАВИН**

...я из окошечка на ту вон поляну гляжу. Она мне и цвет и узор кажет. Под солнышком одно видишь, под дождиком другое. Весной так, летом иначе, осенью по-своему, а все — красота.

П. Бажов. «Малахитовая шкатулка».

Начало 60-х годов для свердловских ювелиров было переломным этапом, когда вчерашние воспитанники профессиональных училищ стали мастерами. За плечами у них был благородный груз потомков: старинные традиции уральских камнерезов, богатство природной кладовой седого Урала. Многие были забыты, потеряны. Надо было возродить прежнюю любовь к камню — они это сделали.

Возрождение уральской школы ювелирного искусства надо поставить в заслугу целой плеяде мастеров — Е. Васильеву, В. Комарову, Н. Стаценковой, Л. Устьянцеву, В. Храпцову...

В творчестве Леонида Устьянцева, как в капле воды, отразился сложный путь поисков, становление характеров, разнообразие почерков уральских умельцев.

В своих изделиях он оживил не только камень, но и себя, свою натуру, свой характер, свою биографию. Признание его мастером произошло на многих всеююзных и международных выставках.

Л. Устьянцев показывает несколько своих последних изделий — брошь «Снежок», кулоны «Верба» и «Таюткино зеркальце», кольцо «Гу-

мешки», браслеты с малахитом, подвески из прекрасных поделочных камней. Все это заключено в прозрачные ажурные сеточки, кружева, овалы и завитушки, сплелось в тонкие узоры, сверкает сдержанным серебряным светом.

— Кто мне сейчас поверит, — говорил Устьянцев, — что недавно я просто не переносил этот коклюшечный стиль. А ведь я его чувствую сейчас повсюду, во всем. Раньше я делал вещи, в которых ясно читалась железная конструкция, было много влияния западного дизайна... И мне пришлось бежать от этого, меня охватила внутренняя тревога, что можно превратиться в заурядного конструктивиста.

В середине 60-х годов Л. Устьянцеву поручили выполнить заказ для Алмазного фонда СССР — сделать гарнитур, одним из элементов которого была шейная гривна. Это древнее украшение бытовало на Руси вплоть до татарского нашествия. Выполнялась она из толстого прутка металла, а позднее из трех перевитых кованых прутьев, что помогало выявить игру света, тени, бликов.

В руках же у Л. Устьянцева лежал бриллиант, требовавший совершенно иного подхода, переосмысления старых традиций. Алмаз сам по себе требовал необычный материал для основы — белое золото.

Динамична и необычна композиция гривны. С тонкого ободка ее спадает вниз свободно подвешенная стрелка с бриллиантом на острие. Резкие лучики, срывающиеся с его поверхности, неожиданно находят себе поддержку в сверкающей игре граней стрелки и создают оригинальный, вполне оправданный эффект.

Каждый, кто бывал на выставках советского искусства в Манеже, в отделе прикладного искусства, непременно отмечал своеобразие изделий уральских мастеров, их манеру подачи и раскрытия особенностей камня — малахита, яшмы, родонита.

— Мы романтики! — говорит про себя и своих друзей Л. Устьянцев. —

Мы стремимся как можно ближе подойти к природе камня, ищем нечто необычайное в его цвете, узоре. Для нас камень — божество, которому мы безгранично доверяем. Остальное — чувствуют руки.

Задумка изделия часто приходит к художнику внезапно, как вспышка молнии, как зазвучавшая вдруг в голове мелодия: блеснет ли рябь на реке, травинка ли как изогнется, кора ли дерева вдруг обернется филином или решетка старинного особняка узор подскажет... При встрече с мастером камень торопится показать свою красоту. Тогда и мастер торопится занести увиденное на клочок бумаги.

Для броши «Верба» была подобрана халцедоновая щеточка, напоминавшая распутившуюся ветку вербы: дымчатые пушистые комочки на сверкающей серебряной ряби воды. Щеточка была обрамлена двойным рядом завитков, отдаленно похожих на маленькие листочки вербы.

Легкий и изящный почерк выработался у Л. Устьянцева. Художника отличает богатое воображение, он никогда не повторяется, стремится пышно убрать камень сплетенной из легкой паутины сеточкой.

Одна за другой появлялись его вещи: браслеты «Огненные грезы» и «Хозяйка Медной горы», кольцо «Каменный цветок»... От сухих, скромных и незатейливых изделий, рассчитанных на массового потребителя и на дешевый материал, Леонид Устьянцев пришел к созданию индивидуальных произведений искусства. И каждое из них — шедевр, творение рук Большого Мастера.

Фото Е. Малахова ▶

ЗЕЛЕНАЯ ЯЩЕРКА

**Борис
РЯБИНИН**

Много примет у родной земли. Мы хотим рассказать о тех, которые ныне получили название — памятники природы. Памятник — это всегда память о ком-то или о чем-то, что было и что мы не хотим предавать забвению.

Памятником природы может быть объявлено озеро или гора, лесное урочище и даже отдельный камень: ведь внимательному глазу, пытливому уму и он может сказать многое.

Как сообщается в пресс-информации Всероссийского общества охраны природы, на 1 января 1978 года в РСФСР было выявлено 5523 природных объекта, подлежащих охране. Среди них: 823 геологических памятника, 1280 водных, 2187 ботанических, 224 зоологических; ландшафтных и прочих — 1009. (Как видите, даже ландшафт может охраняться.) 2612 уникальных природных образований объявлены памятниками природы, в том числе — 2110 Советом Министров РСФСР, Советами Министров автономных республик, краевыми, областными Советами народных депутатов, а 502 — исполкомами районных, городских Советов народных депутатов. Для 1494 памятников составлены паспорта, для 884 — охранные обязательства, переданные организациям и учреждениям, отвечающим за охрану редких произведений природы.

Весьма значительную работу проделала Комиссия по охране природы Уральского научного центра АН СССР, чтобы выявить и взять на учет памятники природы Урала: урочища, скалы, горы, озера, деревья-долгожители, месторождения редких ископаемых и любопытные геологические образования, памятные места, связанные с историей края, парки. В 1960 году Свердловский облисполком официально утвердил список памятников природы Свердловской области, которые необходимо взять под охрану и наблюдение. Их 83. В новом списке, утвержденном в 1975 году, их уже 275. И, конечно, это еще не все достопримечательности Среднего Урала. Работа по выявлению реликвий родной земли должна и будет продолжаться.

Но взять все на учет — только половина дела, главное — сберечь

красу края. Иногда памятники природы разрушаются лишь потому, что люди не знают, что перед ними редкое творение. А как жаль, когда прекрасное утрачивается, исчезает навсегда...

Все созданное природой — непотворимо. Разрушенный дом можно построить заново. Погубленная кедровая роща — невозстановима. Поэтому умышленное разрушение, порча памятников природы карается законом (статья 230-я Уголовного кодекса РСФСР; соответствующие статьи есть в Уголовных кодексах всех союзных республик). Какое наказание ждет осмелившегося посягнуть на памятники природы? Лишение свободы до двух лет, год исправительно-трудовых работ, 100 рублей штрафа.

Об этом не мешает помнить тому, кто бесцеремонно ведет себя на природе: «А, что ей сделается!» Так вели себя когда-то варвары в завоеванной стране. Но человеку давно уже пора перестать «завоевывать» природу.

На территории памятников природы категорически запрещается рубка леса и вообще порча зеленых насаждений, распашка земли, неразрешенное строительство, прогон и пастба скота, разжигание костров, стоянка автомобилей и мотоциклов.

За сохранность памятников природы отвечают местные Советы депутатов трудящихся, организации и предприятия, Общество охраны природы и все граждане. Все и каждый в отдельности! Вот почему с этого номера журнал начинает серию публикаций о памятниках природы.

Берегите приметы родной земли! Природа их создала, ты —охрани!

Азов-гора

Конечно, все видели и знают традиционный уральский сувенир: на куске полированного цветного камня — изысканная ящерка. Это изделие стало такой же приметой рабочего края, как в годы войны символом, зовущим в бой с врагом, на защиту Ро-

дины, была картина «Седой Урал кует победу».

На сувенире ящерка бронзово-зеленая, отливающая золотом. Живая, настоящая ящерица — зеленовато-серая, сливающаяся с землей. А где обитают зеленые ящери, верные услужницы Медной горы Хозяйки, о которых говорится в сказах Бажова?

...Примерно в пятидесяти километрах к юго-востоку от Свердловска в обжитой долине между гор спрятался город Полевской — бывшее Полевское, в прошлом вотчина заводчиков Турчаниновых. Подъезжая к нему, издали видишь на фоне неба двугорбый характерный профиль горы, высоты, господствующей над всей окружающей местностью.

Азов-гора истари служила «маяком», приметным географическим пунктом: когда-то у подножья горы вилась тропа, по которой шли «за Камень», за Урал — в Сибирь. Шли беглые, работные люди, искавшие воли и другой жизни, не желавшие мириться с царским угнетением и гнуть спину на богатеев-хозяев. Шли издалека. И название горы — Азов тоже, видать, привнесенное издалека, с юга. Есть море Азовское, была крепость Азов. Азов-гора тоже как крепость, одна из тех, кон в стародавние времена стояли на страже родной земли.

Помните, о чем говорится в бажовском сказе «Дорогое имячко»? Жили когда-то в этих местах «старые люди». Хорошо жили. Спокойно. Безбедно. Ни в чем не нуждались и горя не ведали. Промышляли охотой да рыбной ловлей. Золото, самоцветные камни добывали. Тем и жили. Но вот пошли на них войной другие люди. Худо пришлось старым людям. Укрылись они в пещерах на Азов-горе, спрятали там свои богатства, что накопили за века, обрушили своды пещер, и похоронили все вместе с собою. Вот так и стала Азов-гора стражем-хранителем сокровищ родной земли.

Скажете, сказка, выдумка? Ан и нет. Геологи так же думали. Они обследовали Азов-гору и заявили: нет там никаких пещер, не было никогда и быть не может. А все же старый сказ не солгал. Нашли на Азове древние сокровища.

А вышло так. Как-то пошла на Азов группа полевских парней и девушек. Глядь, под корнями вывороченного ветром дерева что-то блеснуло. Подумали: не золото ли. Места-то вокруг золотиносные. Подобрали, даже о песочек потеряли. Нет, не то... Оказалось, ценность даже большая, нежели было бы чистое золото: жертвенные украшения времен бронзового века, напоминающие каких-то фантастических клювастых птиц. Всего было найдено около сорока предметов, в том числе обломок копья, Видимо, на горе было мольбище.

Всякий сказ, предание, легенда, говорил П. П. Бажов, не голая выдумка (он говорил «придумка»), а отзвук каких-то далеких событий, происходивших в глубокой древности. За истекшие века и тысячелетия они обросли фантастическими подробностями, потеряли реальные очертания и, тем не менее, в основе их всегда есть что-то действительное. Такова была точка зрения Бажова на всю уральскую историю, и время подтвердило, что он был прав.

Зубчатый гребень Азов-горы сложен из диабазов, напоминают скалы «Ворота», но пока доберешься до этих «ворот», попытаться и семь потов сойдет... крутизна! Зато уж и красота, ширь, когда окинешь взглядом сверху!

И пещеры есть на Азове, утверждают старожилы-полевчане, отвергая мнение геологов: «Видали: иней на Азове. Кругом нет, а тут — есть, на скалах и около них. Почему? Не знаете? Потому — пещеры. Не добрались только еще до них...»

Что ж, как говорится, поживем — увидим. Может, и еще какие-нибудь неожиданности преподнесет нам Азов-гора.

Азов-гора — памятник природы геологический, археологический и историко-литературный, описанный в сказах Бажова.

Думная

А с другой стороны над Полевским висится Думная. Подъем на нее начинается сразу за городскими строениями. Говорят, когда-то сидел на этой горе народный вожак Емельян Иванович Пугачев и думал думать — как помочь бедному люду. С тех пор и прозвали гору — Думной. Сюда собирались на тайные сходки рабочие. Думная не раз упоминается в сказах Бажова. Сейчас на горе стоит памятник героям гражданской войны, отлитый из уральского чугуна на Каслинском заводе, а вокруг шелестят свежей листвою молодые деревья, посаженные полевчанами... Думная — геологический и историко-революционный памятник природы.

Гумешки

С Думной, как на ладони, — Гумешки, старый медный рудник. Гумешки в черте города Полевского, рядом дымит Криолитовый завод, это уже более позднее, современное сооружение, а Гумешки — живая история, свидетель славного прошлого Урала.

Официальное открытие Гумешек относится к 1702 году, однако многие признаки указывают, что добыча руды и выплавка меди начались намного раньше. Кто были первые металлурги? И здесь народные предания толкуют о чуди, народе бронзового века, давно исчезнувшем с лица земли, то есть все о тех же «старых людях»...

О прошлом Гумешек напоминают остатки шахт: колодцы-срубы, разверстками черными зевами приглашающие совершить опасное путешествие — заглянуть внутрь земли (упаши бог, и думать не смейте! завалится гнилая крепь — быть беде!), деревянные барабаны — подъемные устройства, успешно служившие дедам нынешних рудокопов. Помню, как в 1939 году тут ходили старики-полевчане вместе с П. П. Бажовым, приехавшим в ту пору в родные места, искали знаменитую Георгиевскую шахту, прикидывали, а что еще могут дать старые Гумешки... По общему мнению, ведь не выработаны сокровища Гумешек, только затаились они, «ушли» в глубину, а попробуй-ка, достань их оттуда! Дело не простое и даже опасное: на клочке земли нарыто без малого две сотни шахт, многие обрушились, от других и признака не осталось, а начини копать... Впрочем, копать здесь, наверное, больше уж не придется: ныне Гумешки — тоже реликвия старины, природный и историко-трудовой охраняемый объект.

Долгое время Гумешки давали высокосортную медную руду; горный город Екатеринбург (нынешний Свердловск) получал медь, выплавленную из руд Гумешевского месторождения. И не только медью снабжали Гумешки. Спутник меди — зеленый камень малахит. Здесь была найдена глыба «во сто пут» — мировая редкость, и поныне хранящаяся в музее Ленинградского горного института. Отсюда пришло название — «Малахитовая шкатулка». Малахит — драгоценнейший поделочный камень, ныне маленько не в цене золота. Вредный для здоровья был камень: у мастеров-малахитчиков зубы крошились и выпадали, от зеленой ядовитой пыли душил кашель и пропадали легкие; но уж и красоты неописанной! Шкатулки, вазы, всякие другие художественные изделия из гумешевского, уральского малахита

украшают многие крупнейшие музеи мира. Модницы в наши дни мечтают о малахитовых украшениях...

Зюзелька

Четыре километра пути от Полевского, и мы — на Зюзельке, в старинном горняцком селении. Конечно, сразу же привлечет внимание «провал» — огромная впадина на окраине поселка: дневная поверхность опустилась в подземные пустоты, выработки. Здесь тоже добывали руду.

«Синюшкин колодец» — сказ о Зюзельке. А почему «синюшкин»? А потому, что там, где залегают медные руды, часто видали густой синий туман, — он служил признаком этих руд и помогал их розыску, когда других примет не было. У Бажова даже была написана специальная статья — «Под знаком синего тумана», о прошлом тяжелом быте и труде рабочих медных рудников.

Ну, а почему «колодец»? Кругом — болота, топи, как говаривали в старину, гиблые места. Пойдешь — не вернешься, утонешь и следов не останется, сгинешь, как в колодеце. Ну, это было в прежнее время, а сейчас, пожалуй, потеряться негде. Все обжито, застроено; и труд, и быт, все стало другим. И потому скромная Зюзелька ныне тоже памятник...

Марков Камень

Еще одно примечательное бажовское место — Марков Камень в соседнем с Полевским Сысертском районе. В 1939 году, когда в последний раз приезжал сюда Павел Петрович, Камень высился над зеленым океаном леса. Куда ни кинь взгляд, сосны, сосны, стройные, бронзовостволовые, одна к одной, бесконечной стеной; и серый гранит Камня с обзорной пожарной вышкой и самодельными солнечными часами на вершине казался естественным дополнением к этому пейзажу. Ныне леса нет — срубил, оголился Камень, обдуваемый всеми ветрами, стал вроде как выше и... сиротливее. Жаль.

По преданию, здесь, у подножия Камня, во времена крепостнического Урала, — а лес тогда был еще гуще и непроходимее, чем в предвоенные годы, — скрывался от барской немилости и расправы рабочий Марк, по прозвищу Береговик... Отсюда и пошло название Марков Камень.

Брошь «Морское дно». 1972—1973 гг.
Гелиотроп, мельхиор.

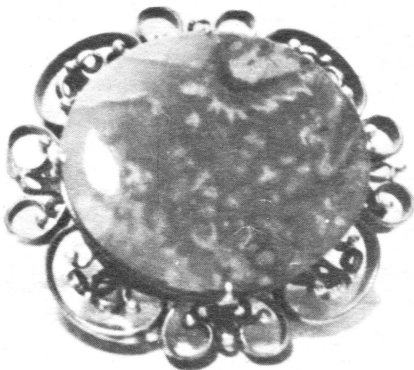
Леонид Федорович Устьянцев

Гарнитур «Осенний» (браслет, серьги). 1972—1973 гг. Сердолик, мельхиор.

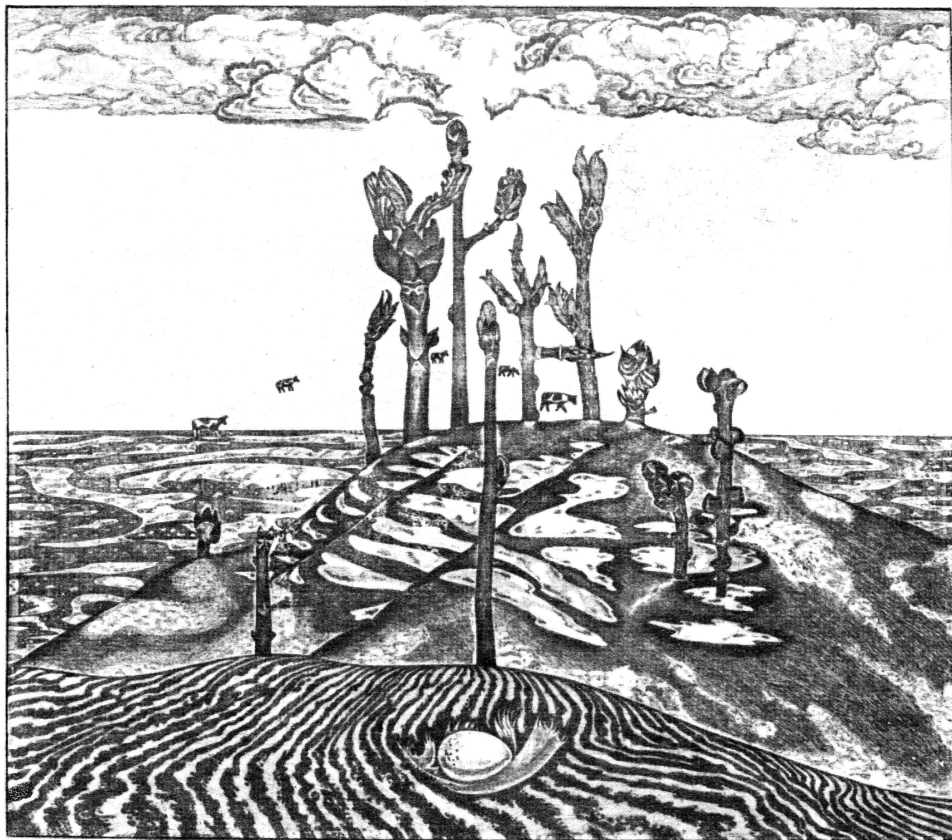

Нагрудное украшение «Сова». 1964 г.
Малахит, серебро.

Брошь «Весна». 1973 г. Гелиотроп,
мельхиор.

Гравюры
Николая
Гнатченко

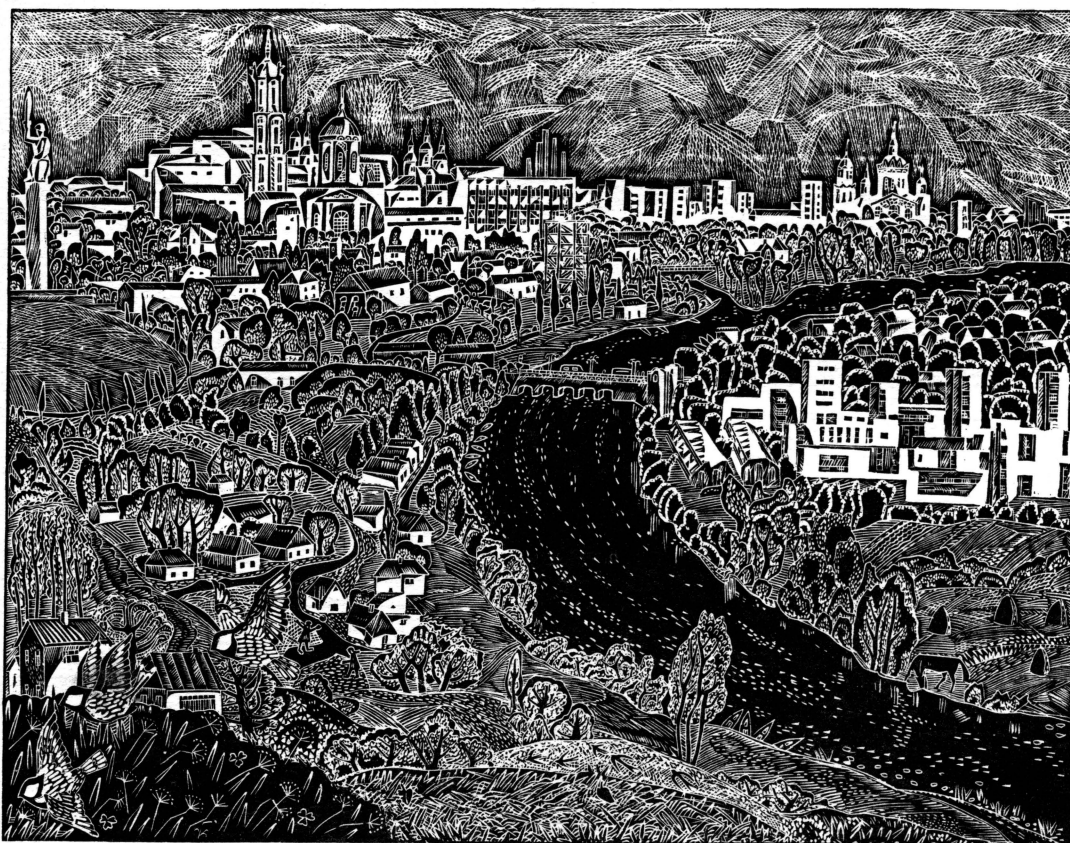
Пробуждение

Весной на реке Уды

Моя родина Золочев

Город Сумы

На снимках: вершина Азов-горы; памятник борцам за революцию на Думной горе; Гумешки.

Фото В. Ветлугина

СЕРЕЖИН ДЕЛЬФИН

**Василий
МИХАЛЕВ**

Погода стояла ночная и тихая. Уставшее от штормов море покачивало на зеленых волнах нерп и морских чаек.

Рыболовецкая бригада, установив невод-ставник у Петровской косы, в ожидании хода кеты занималась ремонтом другого невода, сорванного штормом с якорей и выброшенного на берег.

На наблюдательном пункте обязательно был кто-нибудь из рыбаков, чтобы подать сигнал о первых гонцах лосося.

Вблизи расположения бригады каждое утро подплывал к берегу дельфин-белуха и подолгу рассматривал рыбаков.

Кто-то сказал:

— Ребята, дельфин тоже, видимо, ждет хода кеты. Надо его застрелить, а то он всю рыбу отгонит!

— Как поворачивается у тебя язык сказать такое... А может, он помощи у нас просит! — загорячился Сережа Голубев.

Этот паренек знал многое: и скорость звука в воде, и голоса рыб, зверей и птиц, и какая жирность молока у китихи, и почему лососевые, выметав икру, погибают, и многое, многое другое.

Бригадир ему говаривал:

— Сережа, тебе не рьяком быть, а натуралистом, езжай учиться.

— Как заработаю денег для мамы и, если отсрочку от призыва не отменят, подамся...

Дельфина, казалось, интересовало все: смена наблюдателей на вышке, ремонт орудий лова, кунгасы, стоящие на приколе, обед и отдых рыбаков. Он подплывал к самому берегу и, высунув из воды голову, подавал сигнал «кик-кик!» Сережа приносил куски хлеба, корюшку и бросал дельфину. Тот мгновенно хватал добычу и нырял. Однажды дельфин подплыл к берегу и молча ждал кормильца.

Голубев пришел и стал из рук кормить животное, гладить по голове дельфина. Вернувшись в палатку, Сережа с грустью сказал:

— А дельфин-то слепой...

Новость взволновала всех. Как дельфин ориентируется в море, как находит он их, рыбаков, и почему не живет в дельфиньей стае? Все теперь старались принести ему хлеб, кашу, рыбу. Дельфин допускал к себе всех, но из рук пищу брал только у Сережи. Однажды дельфин не выплыл на «трапезу», не было его и назавтра.

Сережа предложил:

— Давайте выставим на берегу патефон!

Голубев завел пластинку «На сопках Манчжурии». Прокрутил ее дважды. Дельфина не было. Закрыв патефон, Сережа вдруг услышал сильный всплеск и радостное: «Кик-кик!» Дельфин проворно поедая все, что давал ему молодой рыбак.

Все это лето слепой дельфин навещал рыбаков и кормился из заботливых рук Сережи.

В один из погожих дней стадо белых дельфинов шло вдоль косы. Их развернутый строй был удивительно красив. Первая шеренга, соблюдая интервалы и равнение, набрав воздуха, враз ныряла, а вторая в тот момент выныривала.

Вдруг дельфины заметили нашего дельфина, который, приткнувшись носом к берегу, ел корм. Правосторонний дельфин подплыл к берегу и свистнул, как будто сказал своему собрату: «Марш домой!» Слепой дельфин громко кикикнул и поплыл за вожак. Как только наш дельфин пристроился к стаду, вожак свистнул — и удивительные звери устремились по одному им известному морскому пути. Рыбаки махали вслед дельфинам фуражками...

СЕЗОН ТУМАНОВ

Повесть

**Евгений
ГУЛЯКОВСКИЙ**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

Из города Филин выбрался подозрительно легко, и это его не радовало: после уличной схватки так просто его не могли выпустить. Но он не стал долго над этим раздумывать, потому что привык к действиям, а не к сложным рассуждениям. Вот доберется до своих и вернется в город с отрядом — пилота они вырчат.

Скоро должен был показаться четвертый пост.

Такие посты опоясывали весь город, они служили опорной базой для дневных операций. На ночь людей там не оставалось. Четвертый пост поставили совсем недавно. Филин всегда предпочитал выбирать для возвращения такие вот, резервные, наверняка неизвестные синглитам посты. Долгие годы войны научили его осторожности.

Продолжение. Начало см. в № 2.

Пост представлял собой маленькую бревенчатую хижину в глубине леса. Там должны были дежурить три человека. Всех он не помнил. Только старшего назначил сам, и это был Гэй, молодой парень, которому Филин втайне симпатизировал, хотя и не подавал вида, так как считал всякие сантименты между мужчинами не только излишними, но и вредными для бойца. Хижина оказалась среди зарослей, и он предвкушал уже вкусный обед, короткий отдых и откровенную радость Гэя, которую тот не научился еще скрывать.

Однако пора бы часовому обратить на него внимание. Филин нарочно шел, шумно ломая ветки. Пятьдесят метров, сорок... Филин остановился. Что-то было не так. Цепким взглядом он окинул пространство вокруг хижины, отметил про себя полную неподвижность окрестных зарослей, приоткрытую дверь, консервные банки, валявшиеся около самого порога. Гэй никогда не оставил бы здесь банок. Никто из них не оставил бы... Слишком они заметны. Филин медленно и бесшумно опустился в траву, растворился в ней, исчез. Сине-зеленая пятнистая куртка, такая нелепая в городе, здесь совершенно сливалась с окружающей растительностью.

Прошел час.

Золотистый жук-навозник никак не хотел улетать от кустов в трех метрах правее хижины. Он то и дело садился на эти кусты, взлетал, описывал короткие круги и садился снова. Там было для него что-то привлекательное... Сжав кулаки так, что побелели кисти рук, Филин медленно пополз среди зарослей.

Гэй лежал в траве ничком, прикрыв голову руками. Как всегда, на теле не было ни малейшей ранки. Полный упадок сил, потом шок. Они выкачали из него все, что недавно было Гэем, осталось только это — не понадобившаяся оболочка...

Горечь и боль заставили Филина забыть об осторожности. Взяв на руки тело юноши, он вошел в хижину. Никого. Повсюду валялись разбросанные вещи, переломанная мебель. Он беспомощно оглянулся, в конце концов, положил Гэя прямо на пол и долго стоял рядом. Рано или поздно он сам будет лежать точно так же, и хорошо, если кто-то из товарищей сможет с ним проститься. Они редко находили тела погибших.

Постепенно Филин стал выбирать из своей непродвинутой горечи, потому что мысли произвольно все время цеплялись за что-то важное, за что-то такое, о чем он не имел права забывать... Пост, ну, конечно, пост. О нем никто не знал, почти никто. Случайно наткнулись? Нет. Это исключено. Чтобы захватить пост врасплох, надо знать, где его искать, нужны точные сведения о том, когда именно бывают здесь люди. А об этом, кроме него и тех, кто здесь дежурил, знали еще только два человека...

За последнее время все чаще стали погибать их передовые посты. Слишком часто появлялись засады и ловушки именно там, где должны были пройти люди. Слишком часто... Но об этом он подумает потом. Когда похоронит Гэя и отомстит тем, кто убил его...

Он нагнал отряд синглитов незадолго до заката. Времени оставалось в обрез. Двенадцать сгорбленных фигур с тяжелыми заплечными мешками пробирались через заросли. Те, что шли впереди, несли тяжелое реактивное ружье и куб электронного искателя. Нужно было кончить все сразу, одним ударом, потому что если они уцелеют до темноты — ему несдобровать. Филин достал излучатель, опустил предохранитель до отметки максимальной мощности и ударил по ним сзади расширенным до предела лучом. Но прежде, чем он нажал на спуск, тот, что

шел впереди с искателем, издал предостерегающий крик. И они стали падать в траву. Он срезал четверых, видел, как они мгновенно обуглились, превратились в пар, но тех, кто лежал на земле, луч не достал — мешали мокрые плотные кусты. И хотя кусты довольно быстро горели, Филин ничего не мог сделать, потому что вокруг него уже все трещало от ответных выстрелов, летели комья вывороченной реактивными снарядами земли, а он не ждал ответной стрельбы и плохо выбрал позицию. Пришлось отступить. И теперь они сами оказались у него за спиной. В искателе наверняка была кассета с образцом его запаха. Ситуация сразу стала для него чрезвычайно опасной. Теперь это походило на поединок зрячих со слепым: они могли контролировать каждый его шаг на расстоянии не менее ста метров, он же в быстро сгущавшихся сумерках терял последние возможности ориентироваться. О преследовании больше не приходилось и думать. Филин вынужден был свернуть к базе, — времени уже не оставалось, вот-вот могли появиться люссы...

Он нырнул в узкую ложбинку, переходившую в глубокий овраг, и побежал по его дну, стараясь оторваться от синглитов. Но овраг вскоре кончился. Прежде чем подняться наверх, он замер, прислушиваясь. Справа от него на краю склона слышался какой-то шорох. Значит, они опередили, и он проиграл еще одно очко в этом поединке, может быть, последнее... Теперь ему придется подниматься под их выстрелами, и если он промедлит еще хотя бы секунду, они его накроют прямо здесь. Он рванул вверх по левому склону. Только бы успеть выбраться из этого проклятого оврага, прежде чем начнут стрелять... Но он не успел. Первый выстрел настиг его метрах в трех от края. Снаряд реактивного ружья ударил чуть ниже, и волной его подбросило почти до самого верха. К счастью, он не потерял сознания от этого удара. Одним прыжком он перемахнул через край оврага и сразу упал. Оставляя за собой длинный шлейф дыма, над головой с воем пронесся новый снаряд и ударил в деревья где-то в стороне... Теперь его не достать. Теперь им самим придется сначала перебраться через овраг, и они, конечно, не такие дураки, чтобы лезть напролом под его выстрелы. Значит, пойдут в обход.

Он прикинул, что минут пять у него есть в запасе, и расстегнул куртку. Вся правая сторона предплечья превратилась в багровый синяк. Боль только сейчас навалилась на него со всей силой. Он пошарил в своей видавшей виды котомке, достал с самого дна тряпичный узелок с корнем красаны, смешал сухой порошок с горстью воды из фляги и тщательно растер ушибленное место. Боль стала отступать. Красана действовала почти мгновенно, без нее не выходил в путь ни один охотник.

Поздно он ввязался в драку, перед самым закатом... И еще этот искатель с его запахом... Он не ускользнет от них, не сумеет, придется принимать последний бой. Не зря он ждал какой-нибудь пакости, когда так легко ушел из города. У них была кассета, и откуда-то они узнали о его намерениях. Разгромленный пост был хорошей приманкой. Похоже, он попался на этот раз. Не помог весь его опыт.

Филин осторожно приподнялся, осмотрелся, стараясь угадать, с какой стороны они подойдут. Боли не было, но в ушах звенело, подступала тошнота, — контузия не прошла даром. Наверное, из-за этого звона он не услышал шорохов за своей спиной. И когда из кустов на него бросился первый из них, было уже поздно. Его-то он отшвырнул, сбросил с себя, но они все были здесь, подошли раньше, чем он ждал, и теперь на него смотрели со всех сторон ощерившиеся, короткие стволы лучеметов.

Терять было нечего. Единственное, что ему осталось,— спровоцировать их на стрельбу, чтобы не взяли живым, как Гэя. Он прыгнул в сторону, упал и покатился в кусты, каждую секунду ожидая жгущего последнего удара. Но они не стали стрелять, его расчет не оправдался. На него набросили веревочную сеть и затянули концы. «Все у них предусмотрено. Выходят, как на зверей...» Он рванул раз, другой, увидел перед лицом терсиловое волокно сети, которое не поддавалось даже автогену, расслабился и закрыл глаза: «Ну, все. Недалеко я от тебя ушел, Гэй. Вот и мой черед настал...»

Каждый вечер из леса выплывали густые облака тумана. Наступало их время пока только ночью. Позже, когда повысится влажность воздуха, понизится температура и наступит шестимесячная зимняя ночь, они станут безраздельными хозяевами планеты. А сейчас, пока сезон туманов полностью не вступил в свои права, им хватало и ночи.

Слоистые полотнища то расплзались по земле, то сливались друг с другом. Издали они напоминали огромную голодную амэбу, протянувшую во все стороны щупальца своих ложноножек. Знакомый запах давно не давал ей покоя. Он был где-то здесь, совсем близко, он сочился из каждой щели одиноко стоявшей на опушке леса скалы... Амэба окутала своим телом всю скалу снизу доверху. Она искала щель — и, в конце концов, нашла ее. Входная дверь закрывалась недостаточно плотно. Но люди приняли здесь дополнительные меры предосторожности. В коридоре нежное парообразное тело наткнулось на безжалостный поток нейтронов, мгновенно уничтоживший миллиарды живых частиц, проникших в пещеру. Амэба дернулась от боли, на несколько секунд ее тело потеряло устойчивость, расплзлось на отдельные, разбежавшиеся в разные стороны клочья... Но вот словно неслышный приказ одновременно остановил их движение. Медленно, точно нехотя, клочья поползли обратно, влились в основную массу тумана, окружавшего скалу. Часа три туман оставался совершенно неподвижным и теперь уже ничем не напоминал живое существо. Необычным было лишь само расположение плотного сгустка, равномерным слоем покрывшего всю скалу от подножия до вершины.

Внутри скалы в небольшой пещере на двух десятках квадратных метров пространства, отвоеванных у каменной тверди, спало вповалку человек двадцать.

Двое дежурных, сидевших за столом у входа напротив распределительного щита генератора нейтронов, сразу же заметили скачок мощности, но не увидели в этом ничего необычного. Нападение повторялось каждую ночь. Проникнуть в скалу снаружи, пока работал генератор, было невозможно. Обязанность дежурных как раз и состояла в том, чтобы следить за его бесперебойной работой. Они хорошо знали, что после неудачной попытки прорваться противник будет ждать до утра. Раньше, когда у них была лишняя энергия, люди могли позволить себе ответную атаку. Сейчас они вынуждены ждать наступления утра, когда солнце загонит люссосов обратно в их норы.

Дежурные обменялись взглядом и поудобнее устроились у своих пультов. Ночь едва вступила в свои права, до рассвета не меньше шестнадцати часов, и эта липкая мразь, что растеклась сейчас по поверхности скалы, будет ждать всю эту ночь, и все последующие, ждать бесконечно долго и терпеливо, раз за разом повторяя свои попытки...

— Может, разбудим инженера! Длительная атака сегодня, хорошо бы врезать этой гадине...

— Он все равно не позволит.

— Смотри!

Сигнальная лампа на щите ярко вспыхнула и не гасла: генератор непрерывно забирал из накопителей мощность, превращая ее в жесткое излучение. Обычно хватало секундного укола... Сомнений не оставалось: снаружи происходило что-то из ряда вон выходящее. Не сговариваясь, дежурные вскочили со своих мест и, включив сирену, бросились к выходу.

Узкий проход сворачивал почти под прямым углом, отвлечение от основного хода заканчивалось небольшой кабиной. Здесь располагалась аппаратура наружного наблюдения, сюда и спешили сейчас дежурные.

На экранах локаторов плясали одни помехи. Это означало, что люсс полностью экранировал своим телом антенну. На самой вершине скалы были установлены оптический перископ, прожектор и дополнительный излучатель. Дежурным пришлось воспользоваться всей этой аппаратурой, и только через минуту, когда пространство вокруг перископа очистилось, стали видны контуры окружающих предметов. Дежурные не успели включить прожектор, надобность в нем неожиданно отпала: ослепительная вспышка у самого подножия скалы вспорола ночь. Пламя поднялось вверх широким голубым протуберанцем, и в его расширяющемся свете их глазам предстала невиданная доселе картина.

Из ночного леса выходил человек... Он шел медленно, сгибаясь под тяжестью второго, которого нес на руках. В первую минуту они приняли его за синглита. Но синглиты не ходят ночью. Впрочем, и люди тоже...

Атака возникла сама собой, стихийно. Никто не ждал команды. Люди словно вознаграждали себя за долгие ночи бездействия.

От входа до самого подножия скалы пролегла огненная река, выжженная в тумане тепловыми излучателями. В эту ночь не жалели энергии.

Тропинка, ведущая к пещере, так раскалилась, что ее пришлось охлаждать водой. От входа до самого низа протянулись энергетическую арочную защиту.

Минут через пятнадцать после взрыва последней гранаты Ротанов увидел вокруг себя смутные, в облаках пара, силуэты людей. Со всех сторон к нему протянулись руки, помогая преодолеть последние метры до защитного коридора.

Комната, куда его ввели, походила на рубку корабля. Небольшая каменная ниша, вырубленная в скале, была сплошь забита аппаратами контроля и наружного наблюдения. Здесь едва умещался крохотный рабочий стол. Человек, вставший ему навстречу, был одет в просторную кожаную куртку. Из-под нее выглядывала парусиновая рубашка очень грубой выделки, несомненно местного производства. Усталому лицу придавали угрюмое выражение розовые пятна от недавних ожогов. Еще больше усиливали неприятное впечатление черные очки. Словно понимая это, он сразу их снял и протянул руку. Ротанов задержал его ладонь чуть больше, чем нужно. Приятно было почувствовать живое человеческое тепло этой руки. Теперь, когда очков не было, лицо человека, казалось, осунилось еще больше. Вместо бровей виднелась запекшаяся корочка недавних шрамов, но воспаленные глаза смотрели зорко и холодно.

— Савицкий. Инженер и руководитель боевых групп. Возникла пауза. Инженер, очевидно, ждал, что Ро-

танов представится по всей форме, и тот невольно усмеялся, поскольку терпеть не мог официальных процедур.

— Ротанов. Пилот корабля И-2.

— Мы получили сведения о вашей посадке. С вами был кто-нибудь еще?

— Нет.

— В таком случае вы, очевидно, не только пилот?

— Если для вас это так важно, то я еще и инспектор главного управления внеземных поселений.

— Нельзя ли познакомиться с официальными документами?

— Вот так сразу начнем с документов?

— Я хотел бы знать, с кем говорю, прежде чем начать беседу.

— А знаете, я здесь новичок, и у меня больше оснований опасаться неожиданных сюрпризов после всего, что я видел в городе... Не нужно делать вид, что вы принимаете меня за кого-то другого. За синглита, например.

— Да, вы правы, но есть одно обстоятельство, которое заставляет меня быть осторожным.

— Можно узнать, что именно?

— Конечно. Дело в том, что ни одному человеку не удавалось ночью пройти через лес. Нас попросту загнали в щели,— он обвел рукой тесное пространство рубки.— А вы свободно разгуливаете по лесу ночью, накануне сезона туманов. Если исходить из нашего опыта, вас не должно быть в живых. Понимаете? Ночью в лесу хозяева — люссы...

Ротанов протянул инженеру небольшой пластиковый квадрат со сложной системой выдавленных на нем знаков. Инженер повертел его в руках и нахмурился.

— Это все?

— Ах, да, простите... Я забыл, сколько лет у вас не было связи с Землей. Это личная карточка, ее нужно вставить в компьютер с идентификационной приставкой. Подделка исключается.

Инженер криво усмеялся.

— Действительно, так просто. Только у нас тут нет подходящего компьютера. Или вы его захватили с собой?

Ротанову не понравилась его ирония.

— Есть и другая документация,— сухо проговорил он, протягивая инженеру листок элана со светящимися старинными буквами и печатью всемирного совета.— Специально для таких вот случаев.

Инженер долго изучал бумагу. Наконец отложил ее в сторону и смотрел теперь задумчиво, как бы сквозь Ротанова. Казалось, вообще забыл о нем.

— Где же вы были раньше?

Этот вопрос Ротанов слышал сегодня от Филина и отвечать на него вторично не собирался. Вообще решил, что настала пора самому задать некоторые вопросы.

— Что произошло на планете?

Но инженер словно и не слышал его.

— За все эти годы... Две сотни лет... Ни одного корабля, ни одного сообщения, и вдруг к нам присылают инспектора... Вы не находите, что это странно?

— Нет, не нахожу. Как только Земля получила вашу просьбу о помощи, сразу же был послан корабль. До тех пор считалось, что колония погибла, что она не существует. И я попрошу вас, наконец, ответить на мои вопросы. Когда вы впервые столкнулись с люссами? Как все это началось и почему? Откуда появились синглиты и что они собой представляют?

— Слишком много вопросов, и все не простые... Я попробую вам ответить, хотя и сомневаюсь, что вы правильно все поймете...

Он откинулся, усталым жестом протер очки и отложил их в сторону. Было видно, что ему не легко начать, и Ротанов терпеливо ждал.

— Внешне все выглядит довольно просто. Лет шестьдесят назад... Или чуть больше, никто не устанавливал точной даты и никто не знает, когда это случилось впервые... Стали исчезать люди. Планета считалась абсолютно безопасной. Мы были просто уверены в этом, потому что на протяжении почти ста лет ничто не мешало свободному развитию колонии. Фауна здесь не богата, крупных животных на суше нет, только насекомые. О том, что существует еще один вид, мы тогда не подозревали. И не мудрено. Если ночью в лесу появляется туман, вряд ли кому придет в голову принимать его за живое опасное существо,— он устало потянулся, взял очки, снова протер их и надел. Ротанов был ему за это признателен, поскольку все время непроизвольно отводил взгляд, чтобы не видеть его изуродованного лица.— Так вот, около шестидесяти лет назад стали исчезать люди... Вначале все объясняли несчастными случаями, искали и не находили. Не так уж это часто случалось вначале...

— Подождите! Получается, вы тогда еще ни разу не встречались с синглитами?

— А вы не спешите. Дойдем и до синглитов. В то время их на планете просто не было... Пропавших не находили, даже трупов. Это не удивительно. Жара, микрофлора, довольно прожорливые насекомые. А те, кому пришлось встретиться с этой дрянью, уже ничего не могли рассказать.

Он неприятно усмеялся и снова надолго замолчал. Темные стекла очков холодно мерцали. Ротанов был уверен, что притаившиеся за ними глаза продолжают недоверчиво ощупывать и оценивать его. «Кажется, он меня просто боится,— подумал Ротанов.— Вот только почему? Нападение люсса?.. Он сразу же поверил, что в этом смысле со мной все в порядке. Иначе вообще не стал бы разговаривать...»

— Ну так вот... Однажды люсс напал на группу людей, двое или трое видели все и уцелели. Так нам стало известно, что происходит. Люсс обволакивает человека, несколько минут тот словно задыхается, старается вырваться, потом падает. Кстати, вы не почувствовали удущья?

— Нет.

— Странно... Нападение длится недолго, минут пять, может быть, шесть. Потом люсс уходит... На теле человека после нападения нет никаких следов, вскрытие тоже ничего не дает. Никаких патологических изменений. Общее впечатление такое, словно полностью подавлена активность мозга. Отсутствует альфа-ритм... Человек умирает оттого, что у него погашен мозг.

— То есть как это «погашен»?

— Может быть, это не совсем научное определение, но зато вполне точное. Полностью парализуется деятельность нейтронов, разрываются все связи, исчезает энергетический потенциал мозга.

— Получается, что люсс ничего не берет от своей жертвы, а нападает, так сказать, для развлечения?

— Я этого не говорил. И вообще не спешите с выводами, я вам просто излагаю установленные факты... Люди стали осторожнее, выходили из города только вооруженными группами, надевали защитные скафандры, но все это оказалось неэффективным. Особенно ночью. Днем люссы вообще малоподвижны. Зато ночью... Однажды город подвергся массивной ночной атаке. Можете представить, как это было. Люди металась по улицам, и их обволакивали клочья этой дряни. Там были

женщины, дети... Фактически город был уничтожен за одну ночь. Люсс способен менять свою форму, он может просочиться в любую щель... Оставшиеся в живых бежали из города. К счастью, он расположен почти на экваторе, всего несколько километров отделяло его от дневной стороны. Инстинктивно люди бежали к солнцу, и это многих спасло. На дневную сторону люссы не стали выходить, им вполне хватало ночной. Казалось, спасение найдено. Планета движется очень медленно, не представляло большого труда переходить вслед за солнцем с одной стороны экватора на другую... Когда люди смогли вернуться в город, прошло уже шесть месяцев, они не нашли даже останков близких... Было решено строить укрепленные базы, зарываться в землю, в скалы... После всего, что произошло... В общем, люди уже не могли жить в городе... Какое-то время никто нас не трогал. Лет десять, пожалуй... Мы уже начали надеяться, что самое страшное позади. Постепенно забывался весь этот ужас. Начали рождаться новые дети, и вот тогда... Да, так вот, именно тогда группа разведчиков обнаружила при дневной вылазке в город, что там кто-то есть.

Инженер замолчал и долго рассматривал рукоятку какого-то отключенного прибора.

— Это были синглиты?

Инженер кивнул.

— С этого момента мы уже не знали покоя ни днем, ни ночью...

— Откуда они взялись?

— У научного отдела есть много теорий на этот счет,— пожал плечами инженер.— Они с вами охотно делятся.

— Ну, а вы сами что об этом думаете?

— Свои выводы я предпочитаю держать при себе. Готов поделиться фактами, а что касается выводов, то, думаю, очень скоро у вас появятся собственные.

— Вернемся к фактам. Что собой представляют синглиты?

Инженер встал, давая понять, что разговор окончен.

— Я думаю, для первого раза достаточно. Да и времени у нас уже нет. Скоро рассвет, пора готовиться и выходить на основную базу. В научном отделе вам расскажут остальное.

В отряде было сорок человек. Все шли плотной массой, оцетинившись стволами лучеметов. Ступали след в след. Каждый знал свое место, знал, что ему нужно делать. В этой плотной массе слитых в одно целое людей Ротанов оказался инородным телом. Вначале он попытался идти в голове колонны. Но очень скоро понял, что мешаает, сбивает строй, лишает его монолитности. И он вернулся в центр группы, туда, где на нескольких карах везли поклажу и где запакovaná в целлофановый пластиковый кокон лежала Анна. Она так и не пришла в сознание...

Идти было трудно из-за изнуряющей жары и влажного душного воздуха. Желто-фиолетовая расцветка местных растений чем-то напоминала земной лес глубокой осенью, но это впечатление сразу исчезало, стоило взглянуть на дерево вблизи. Собственно, эти пружинистые образования, не имеющие центральных стволов, нельзя было даже назвать деревьями. Бесчисленные тонкие усики беспорядочно росли во все стороны, образуя плотную упругую подушку. Пробраться сквозь подобные заросли было просто невозможно. К счастью, деревья росли довольно редко, между ними оставалось достаточно свободного пространства.

Через четыре часа они сделали первый привал у небольшого ручья. Больше всего Ротанова поражала молчаливость этих людей. Они все делали сосредоточенно, почти угрюмо. Он не раз ловил на себе их изучающие любопытные взгляды, но никто не подошел к нему, не задал ни одного вопроса. Даже теперь, когда все, кроме часовых, позволили себе расслабиться, умыться, отложить оружие. Они словно бы избегали его... Что это — приказ, сила дисциплины? Нет, в них вовсе не было той забытой приниженности перед начальством, которая обычно сопутствует муштре. Может быть, они считают его виновным в несчастье, случившемся с Анной? Или близкое знакомство с люссом наложило на него негласное табу?

Характер местности постепенно менялся. Густые заросли сменились редкими группами отдельных растений, тут и там появились невысокие холмы, поросшие короткой щетиной травы, такой же жесткой и невзрачной, как деревья. Гряда скал, к которой они шли, приблизилась. Ее уже не скрывал лес. Люди приободрились, повеселели. И вдруг в кроне дерева, которое только что начали огибать кары, мелькнуло что-то яркое.

— Ложись! — крикнул инженер.

Ротанов замешкался и увидел, как под деревом распустился огненный цветок, тут же превратившийся в вертикальный шар огня с черными разводами дыма по краям. Хлестнула ударная волна. Ротанов не устоял на ногах, сверху сыпались горящие сучья. Он все ждал гула разрыва, но его не было, только тяжело, со свистом, ухнуло, словно какой-то великан выдохнул воздух, и сразу же справа и слева появились еще два таких же огненных шара. Они вертелись слишком далеко, на них можно было не обращать внимания, важно было понять, откуда стреляют... Но прежде, чем он успел разобраться в обстановке, несколько лучеметов в руках людей выплонули свои огненные капсулы куда-то вперед и вверх. На вершине ближайшего холма завертелись такие же огненные смерчи, там, пригибаясь, бежали маленькие фигурки. Смерч накрыл одну из них, в воздух полетели черные хлопья. Оттуда, сверху, отряд виден, должно быть, как на ладони. Следующий залп накроет их почти наверняка...

Но шесть огненных шаров развернулись почему-то впереди отряда, почти сразу же несколько капсул лопнули справа и слева. В пыли и дыму трудно было что-нибудь рассмотреть. Когда порыв ветра унес дым в сторону, Ротанов понял, что разрывы берут отряд в кольцо, прижимают его к земле. Но ни одна капсула не ударила вниз, в центр круга, в котором лежали люди. Это его так поразило, что он, забыв об опасности, приподнялся на колено, чтобы лучше видеть. На втором, дальнем холме что-то происходило, что-то, не имеющее отношения ко всей этой огненной кутерье. Инженер махал ему, предлагая лечь, но Ротанову было не до инженера. Показалось, что он узнал очертания предмета на вершине дальнего холма... Предмет напоминал комок ваты, и вокруг него бегали, суетились маленькие фигурки, похожие на людей. Холм был слишком далеко. Ротанов видел, что несколько стрелков пытаются достать его во что бы то ни стало. Внизу, у подножия холма, кипело огненное озеро, но ни одна капсула не доставала даже до склонов.

Ротанов бросился к инженеру и, выхватив у него бинокль, побежал вверх. Он заметил плоскую каменную глыбу и надеялся добраться до нее прежде, чем его заметят. Впрочем, он уже почти не боялся выстрелов, очень все походило на какую-то странную игру. Огненные хлопья брали его в кольцо, сбивали с ног, но он добрался-таки до своего камня невредимым. Стоило при-

ставить бинокль к глазам, как окружающее перестало существовать для Ротанова...

Это был, конечно, люсс. Необычно плотный, с какими-то темноватыми полосами и пятнами, он бешено вращался в центре небольшой поляны, то расширялся, то опадал, и с каждой такой пульсацией съезжался все больше. Вокруг неподвижно стояли пять или шесть синглитов. Казалось, они совершают какой-то тайный обряд. Вдруг люсс подскочил, вытянулся вверх и быстро утек в сторону, просочившись сквозь стоящие сзади кусты. На поляне оставалась только группа синглитов и еще что-то на том месте, где только что был люсс...

У Ротанова похолодели пальцы, так сильно он стиснул бинокль. Это был хороший бинокль, с электронным умножителем, и, покрутив регулятор, Ротанов смог рассмотреть, что там такое было, хотя почти уже догадался, прежде чем тронул верньер настройки. На поляне в небольшом углублении лежало яйцо... Точно такое же он видел в том странном контейнере на складе. Форму этого предмета невозможно было спутать с чем-нибудь другим. И хотя яйцо, лежавшее на поляне, было матовым, даже каким-то белесым, а то, с которым довелось ему познакомиться раньше, все переливалось радужным свечением, тем не менее он его узнал...

Из группы синглитов двое отошли в сторону и вскоре вернулись со знакомым шестигранным контейнером, в который осторожно опустили яйцо, аккуратно упакованное в кусок холста. Почти сразу из-за деревьев показался кар, точно такой же, как тот, на котором лежала Анна... Они поставили на него контейнер, водитель долго не мог запустить мотор, что-то у них не ладилось с этим каром. Но вот он тронулся, качнулся последний раз и исчез из поля зрения.

Ротанов опустил бинокль. Бой, по-видимому, закончился несколько минут назад. Отряд собрался у вездеходов, никто больше не прятался и никто не стрелял. Ротанов подошел к инженеру. Тот взял у него бинокль, глядя в сторону, только что не извинился, хотя извиняться нужно было, по существу, самому Ротанову.

— Ну так вот,— сказал Ротанов, потирая ушибленное плечо.— Я хотел бы знать, что это значит.

— Вы видели? Это яйцо.

— Я так и думал. Для чего оно синглитам?

— На Земле был такой вид комара, кажется, анофелес... Прежде чем снести яйцо, он должен был выпить человеческой крови...

— Вы хотите сказать, что люсс... Нет, это невозможно! Здесь не было раньше людей, этот цикл развития не мог возникнуть. Он предполагает сложный симбиоз, комплекс организмов, а мы здесь чужаки!

Инженер пожал плечами.

— Мы не так уж хорошо знаем, что здесь было раньше. И потом, это только мои предположения...

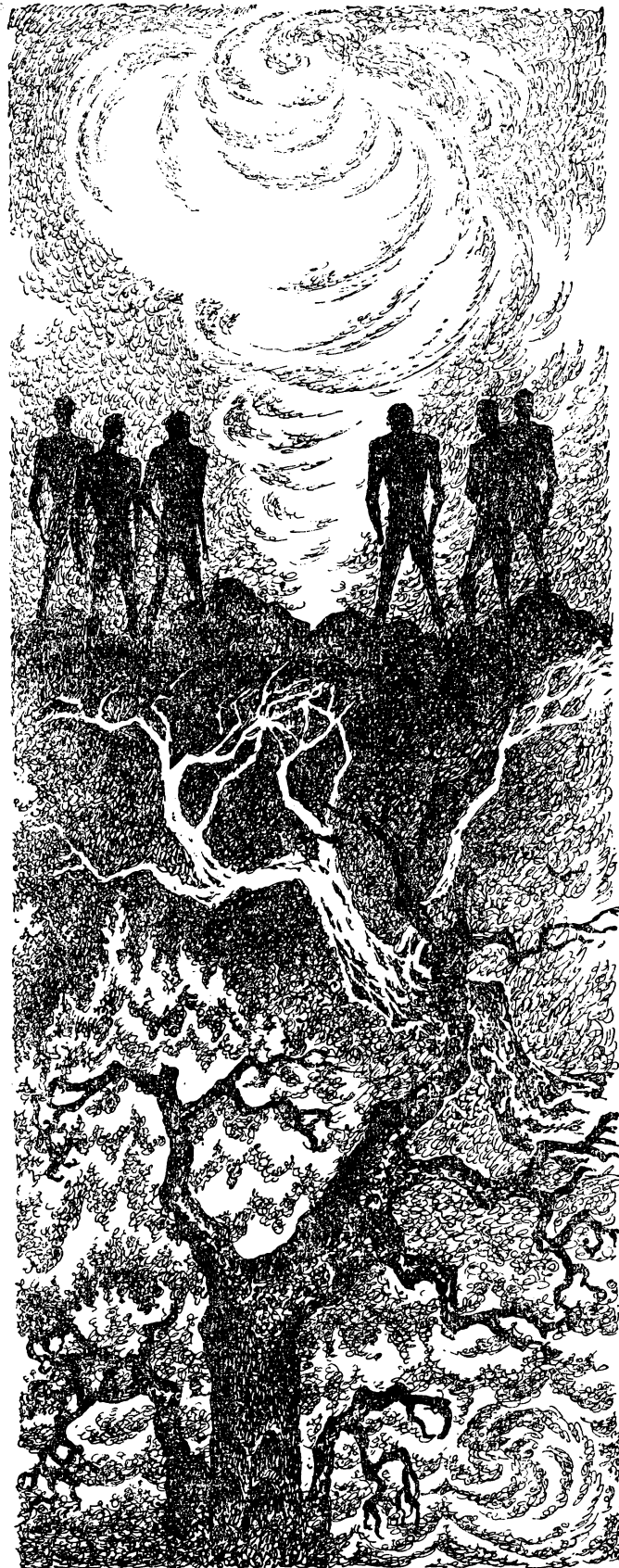
— Мне нужно осмотреть это место.

— Ничего нового вы там не увидите. Но если настаиваете...

Прежде всего Ротанов с двумя сопровождающими поднялся на холм, с которого по ним стреляли. Как он и предполагал, место, где был обстрелян отряд, просматривалось отсюда, как на ладони. Отчетливо виделся выжженный черный круг.

— Могли бы вы отсюда попасть в центр круга? — спросил Ротанов своих сопровождающих.

Высокий человек в потрепанной кожаной куртке, весь обвешанный какими-то фляжками и ящичками, с двумя вещевыми мешками за плечами, хитровато прищурился, смотрел на Ротанова.

— Это может сделать любой мальчишка.

— Синглиты всегда так плохо стреляют?

— Если бы они плохо стреляли, половины из нас не осталось бы из-за случайных попаданий. Нет, убивать нас им ни к чему... Мы им нужны живыми.

— Вы думаете, они действуют заодно с люссами?

— А они и есть одно. И сейчас напали только затем, чтобы нас задержать. Мы ведь могли помешать... — он кивнул на соседний холм.

Ротанов не стал спорить. Он чувствовал, что в предположении инженера что-то неверно, хотя, казалось, новые факты подтверждали его правоту.

Этот самый анофелес, о котором говорил инженер, прежде чем превратиться в комара, проходит несколько стадий. Из яйца вылупляется не комар, а что-то другое... какая-то личинка... Что, если синглиты... Нет, оборвал он себя. Собирайте факты, как можно больше фактов — и никаких предвзятых мнений...

На втором холме действительно не оказалось ничего интересного. Утоптанная, словно на ней танцевали, поляна, небольшое углубление в центре воронки, где лежало яйцо. Следы тяжелых ботинок. Отпечаток платформы кара...

— Этот кар, кто его делал? — спросил Ротанов.

— Синглиты. У нас не осталось заводов и материалов. Едва справляемся с производством зарядов и самого простого оружия.

— Значит, и наши тоже?

— Конечно. Трофейные. Хорошие машины. У синглитов каждый раз бывает что-нибудь новенькое. Заводы им достались сильно потрепанные, но они там все переделали...

Это сообщение не понравилось Ротанову. Выходило, что главной производительной силой на планете в настоящее время являлись не люди и даже не люссы, ее законные хозяева, если признать за ними наличие какого-то интеллекта, а кто-то третий... И если верны его первые впечатления, люди постепенно сдавали позиции, уступали первенство почти во всех областях. Можно было признать и принять временное поражение, отступление человека под давлением обстоятельств. Но ведь произошло что-то совсем другое...

Они начали спускаться с холма, так и не обнаружив ничего интересного. У самого подножья, где совсем недавно рвались их протонные заряды, все обуглилось от высокой температуры. Кое-где дымилась и чадили остатки искореженных кустарников. На самой границе обожженной зоны они наткнулись на обломки. Похоже, здесь взрывом разнесло кар или какую-то другую машину. Ротанов заметил на уцелевшем кусте обрывки материи... Больше там ничего не было, только эти обуглившиеся клочки.

— От них никогда ничего не остается, — пояснил хитроватый лучеметчик. — Один туман. Даже если пулей зацепит, синглит сразу начинает распадаться. Только облачко пара поднимется...

Один туман... Ротанов пнул какой-то обломок, железо жалобно скрипнуло. Хоть это осталось... Он решил взять с собой обломок поменьше, толком еще не зная, зачем, просто чтобы что-то противопоставить этому туману, какой-то след, почти улику... Наверное, инженер все-таки был прав, не совсем доверяя ему. Не мог он быть полностью на их стороне, возможно, потому, что у него в ушах до сих пор звучали слова: «Люди, наверное, очень злые...»

Несмотря на то, что у них не было выбора, несмотря на то, что на них предательски напали ночью, не-

смотря на то, что там были дети, — несмотря на все это, они не имели права ожесточаться, слепо хвататься за оружие и бить без разбору во все чужое. Именно потому, что они — люди...

На том же кусте, где висели клочки обгоревшей материи, что-то тускло блестело... Почему-то Ротанов не хотел брать на глазах у своих спутников этот кусок металла, и только когда они прошли вперед, он протянул руку и быстрым, почти вороватым движением снял железку с куста. Она оказалась неожиданно ровной. Цепочка гладких квадратиков, похожая на браслет. Не раздумывая, Ротанов сунул ее в карман и догнал спутников. Они шли спокойно, закинув лучеметы за спину. Былого напряжения не было и в помине, словно они знали, что повторного нападения не будет...

Ротанов недовольно осмотрел помещение медицинского сектора. От стен тянуло промозглой сыростью, большинство приборов стояло зачехленными, без проводки. Даже большой диагностический, судя по всему, работал лишь на половине своих блоков. Доктор сидел сгорбившись и что-то торопливо писал на большой желтой карте. Его халат, давно не стиранный и местами прожженный кислотой, был под стать всему кабинету.

Ротанов инстинктивно, как всякий здоровый человек, не любил врачей, старался избегать контакта с ними, но сегодня, впервые за долгие годы, он вошел в этот врачебный кабинет по собственной инициативе.

— Ну, что там? — спросил он как мог равнодушно.

— Не торопите меня! — вскинулся доктор. — Я не электронно-счетная машина. Сядьте и подождите, мне надо еще обработать данные.

Ротанов вздохнул и уселся на холодную металлическую табуретку перед диагностическим аппаратом, другого стула здесь не было. И задумался: почему все-таки решился на полное медицинское обследование, какому подвергают космонавтов только после возвращения с планет, признанных зараженными опасной микрофлорой? Неужели поверил намекам инженера и всем этим разговорам о том, что человек после контакта с люссом теряет свою индивидуальность? Изменяется психика, мотивы поступков... Нет. Он чувствовал, ничего в нем не изменилось, все осталось прежним. И все же... После посещения города, после того нелепого боя по дороге на базу он не мог полностью разделить точку зрения колонистов на все происходящее на планете.

Создать бы здесь базу для флота и посадить на карантин всю планету, пока ученые не разберутся в этой чертовщине... Взглянув на ржавый корпус диагностического аппарата, он тяжело вздохнул. Судя по всему, создать эту самую базу не так просто... А решение придется принимать уже сегодня на совете. Ему дали два дня на изучение обстановки, но они пролетели слишком быстро. Больше нельзя откладывать, колония находится в чрезвычайном положении. Если немедленно не принять каких-то мер, все люди могут погибнуть... И, следовательно, через несколько часов, вольно или невольно, ему придется принять участие в решении вопросов, связанных с судьбой и колонии, и города. Потому что инженер, как он понял из документов, вот уже второй сезон подбирается именно к городу, вынашивает какой-то план, связанный с «кардинальным решением проблемы» — как было сказано в одном из документов. И то, что он держит в секрете все подробности этого своего «кардинального» плана, тоже не обещало ничего хорошего.

Чтобы быть полностью объективным, ему и понадо-

бился этот кабинет. Он должен был знать совершенно точно, откуда эта двойственность, неуверенность в себе — от недостаточного знания обстановки? Или все же виноват люсс?

Доктор отложил перо и несколько секунд массировал затекшую кисть правой руки. Ротанов терпеливо ждал, ничем не выдавая своего волнения.

— Вы абсолютно нормальны. Абсолютно,— сказал, наконец, доктор и недовольно пожевал губами, словно нормальность Ротанова чем-то его раздражала.— Этого, в принципе, не должно быть, потому что встреча с люссом не может пройти бесследно, и тем не менее это так. Я проверил все три системы. Подсознание, кора, биохимическая регуляция — все в абсолютной норме. Никаких сбоев, разве что утомленность повышена, но это тоже нормально после стрессовых напряжений. Так что даже не знаю, что сказать. Это противоречит всем нашим наблюдениям, всем выводам о природе и характере контакта с люссом.

Ротанов слушал не перебивая. Самое главное он уже знал, и внутреннее напряжение спало, теперь он мог позволить себе не торопиться.

— До сих пор при каждом контакте... Кстати, вы знаете, что собой представляет люсс?

— Наслышан, но вы все-таки объясните еще раз.

— Это молекулярная взвесь сложных небелковых молекул, управляемая и формируемая энергетическим полем, возникающим при достаточно плотном сгустке. Энергию они берут извне. Но не от солнца. Для этого их консистенция слишком разрежена. Больше того, солнечная радиация, как и всякая лучистая энергия, губительна для них, она нарушает сложное и хрупкое взаимодействие молекул сгустка. Отсюда ночной образ жизни... И — ничего похожего на интеллект. У нас тут возникло немало нелепых теорий, их легко объяснить, учитывая все, что натворили люссы, но на самом деле тут нет никакой злой воли. Эта молекулярная взвесь не обладает ни волей, ни разумом. Может быть, есть простейшие инстинкты, примерно такие, как в стае мошкары. Их привлекает запах человека, движение, вообще все, что нарушает привычный фон среды обитания. И тогда происходит контакт. Благодаря своей незначительной величине, молекулы люсса беспрепятственно проникают в человека, на какое-то время они перемешиваются с молекулами, из которых состоит тело человека, его мозг. Энергетическое поле люсса в этот момент взаимодействует со всеми электрическими потенциалами человеческого организма, разрушает связи между нейронами. В результате — мгновенная смерть для человека... А с люссом происходят после контакта вещи более чем странные. Его структура полностью сохраняет структуру объекта, с которым он контактировал. Вся невероятная сложность человеческого организма, вся сумма информации, содержащаяся в нем в момент контакта... Я имею в виду информацию на молекулярном уровне и даже, может быть, еще более тонкую... Все это переносится на структуру люсса, как бы отпечатываясь на ней.

Доктор надолго замолчал. Он взял со стола толстую пачку перфокарт, перетасовал ее и стал раскладывать на столе. Казалось, он забыл о Ротанове.

— Что же дальше происходит с этой информацией? Ведь смерть при этом нельзя считать полной?

— Информация, существующая отдельно от тела, уже не есть жизнь... Хотя, может быть, это и не так. Человек во всяком случае погибает, это бесспорно... Впрочем, и это не бесспорно, если учесть ваш случай и случай с Анной.

— Что с ней?

— Шоковое состояние. Есть надежда на улучшение.

— Послушайте, доктор! Здесь меня очень охотно посвящают во все тайны, связанные с люссами. Но дальше начинается какое-то табу. Все почему-то избегают говорить о том, что собой представляют синглиты. Вот и вы тоже...

— Нас можно понять...— доктор устало вздохнул.— У каждого есть близкие, друзья, превратившиеся в эту самую информацию. Говорить об этом действительно нелегко.

— Согласен. Но чтобы хоть что-то исправить в этой ситуации, надо прежде всего понять...

— Да, конечно.

— Я хотел бы знать все.

— Я представил в ваше распоряжение отчеты нашего отдела за все годы работы.

— Для того, чтобы в них разобраться, чтобы просто их прочитать, нужно несколько недель.

— Ну, хорошо... Тут для нас самих многое неясно. Эксперименты и наблюдения чрезвычайно затруднены, пока идет война... И все же кое-что удалось установить. Лет двадцать назад мой предшественник выяснил, что информация, оставшаяся после контакта с человеком в структуре люсса, не поддается немедленному смешению. Возникают какие-то энергетические потенциалы, сохраняющие эту скопированную, чужую для люсса структуру. Затем она начинает уплотняться...

— И возникает яйцо?

— Так это у нас называют. На самом деле такое яйцо никакого отношения не имеет к размножению самих люссов. Они размножаются простым делением. Ну, а яйцо... Какое-то время оно неактивно. Должен пройти определенный инкубационный период. Как видите, у него действительно много общего с обыкновенным яйцом. Нужна определенная температура, влажность... Наверное, поэтому первые контакты люссов с людьми так долго оставались для нас неизвестными и не привели ни к каким видимым последствиям... После инкубационного периода яйцо созревает и может находиться в таком подготовленном состоянии неопределенно долго. Оно становится чрезвычайно нечувствительным к воздействию среды.

— К чему оно подготовлено? Что происходит дальше?

— Вы нетерпеливы... Со стороны это все выглядит, наверное, чрезвычайно интересно...— доктору не удалось скрыть горечи, и больше Ротанов не перебивал его.— Когда яйцо созрело, оно полностью подготовлено для вторичного контакта с люссом. Если он произойдет, вещество люсса немедленно начинает уплотняться и видоизменяться, перемешиваясь с веществом матрицы. Информация, заложенная в ней, становится основополагающей во вновь образующейся структуре. Примерно через два часа возникает образование, которое мы называем синглитом... Раньше его называли проще и понятней — копией. И это название было неверно, потому что никакая это не копия. Возникший объект даже внешне никогда не похож на человека, с которого была снята первоначальная информация, к тому же очень часто образование расслаивается. Вещества, содержащегося в самом люссе, чаще всего больше, чем нужно для создания одного объекта, и тогда возникают четыре, пять, до десяти... Синглит не является копией и по своей внутренней структуре. У него отсутствуют, например, системы кровообращения, пищеварения. Энергоснабжение ведется через кожу. В отличие от люсса, непосред-

ственно солнечной радиацией. Синглит скорее видеоизмененный люсс, чем копия человека. Вещество люсса фактически не меняется, изменяется только его организация, строение...

Ротанову хотелось понять другое, то, о чем доктор упорно избегал говорить. Что происходит с человеческим интеллектом, с разумом, насколько сохраняется во вновь возникшем существе человеческая личность? И что оно собой представляет: мыслящую модель человека, нечто вроде биологического робота, или что-то гораздо более сложное?.. Обладает ли синглит психикой, памятью, может ли он чувствовать боль, радость, страдание?

На некоторые из этих вопросов он мог бы ответить сам, на основании собственного опыта, ответить утвердительно, со всеми выводами и последствиями...

Ротанов поднялся. Крепко пожал доктору руку.

— Спасибо. Мне нужно подумать. Встретимся на совете.

— Вы уверены, что этого достаточно? Что вы правильно все поняли?

— Я ведь был в городе... Насколько я знаю, до меня мало кому удавался непосредственный контакт. А если и удавался... Через прорезь прицела не так уж много можно увидеть.

— Вы несправедливы...

— Возможно. Потому и сказал, что мне нужно подумать.

На этот раз совет собрался точно в назначенное время. Не было только Филина. Даже председатель, два последних дня не отходивший от постели больной дочери, сидел на своем месте. Он еще больше осунулся и постарел за эти два дня, чувствовалось, что присутствие на совете стоит ему немалых сил.

Инженер начал с обычного отчета о положении дел. Все было давно известно присутствующим и говорилось для Ротанова, но тот неожиданно для всех прервал инженера и попросил перейти к утверждению программы действий на ближайший месяц. Сразу же вышла заминка. Инженер не подготовился для решительной атаки, не хотел немедленно раскрывать все карты. Сказал, что программа не разработана и не может быть утверждена здесь без учета того, что предложит Земля. Все повернулись к Ротанову.

— Конечно, я имею в виду не то, что вы сможете предложить нам через пятьдесят лет, когда прибудет очередной корабль. Нас интересует, что вы предложите сегодня, в крайнем случае, завтра,— закончил инженер свое выступление.

И тогда поднялся Ротанов. Он решил, что обязан сказать им все. Здесь он был среди людей, на чью помощь и поддержку рассчитывала Земля, отправляя его в этот экспериментальный полет, и потому, помедлив секунду, он начал рассказ о пространственном двигателе.

Сообщение о том, что расстояние в пятьдесят световых лет больше не является проблемой, поразило их, как громом. Доктору показалось, что он ослышался, чего-то не понял. Все смешалось, все вскочили с мест, что-то одновременно кричали. Невозмутимый заведующий отделом заготовок вдруг заплакал и не скрывал своих слез, инженер сорвал очки и уставился на Ротанова. В это мгновение было сметено все, что их разделяло, потому что неожиданно на секунду они поверили в то, что их маленькая колония вдруг перестала быть островом, обреченной крепостью и превратилась в форпост человечества. Они не могли сразу осмыслить всей громадности

этого события, но, как только установилась тишина, как только вернулась способность рассуждать трезво, сразу же сам собой вырос из общего молчания основной, главный вопрос: где же они, корабли Земли? Чего они ждут?

И Ротанов ответил:

— Все теперь зависит от вас самих. Во время пространственного перехода полностью разрушаются компьютер и вся электроника в остальных механизмах корабля. Как только вы сможете оснастить прибывший корабль новым управляющим блоком, переход станет немногим сложнее поездки в соседний город.

Тишина после этих слов показала, как велико было разочарование.

— Иными словами, вы сами не можете вернуться, и на новые корабли рассчитывать пока не приходится,— подвел итог инженер.

— Не совсем так,— возразил Ротанов.— В принципе я могу вернуться, и корабли могут быть здесь уже через месяц. Нужен всего лишь компьютер!

— Ну да, всего лишь компьютер...— с горькой иронией подхватил инженер.— Всего лишь корабельный компьютер, с его сложнейшей программой! Да где вы найдете здесь специалистов, способных рассчитать межзвездные трассы? И не просто рассчитать, но перевести эти расчеты в программный машинный язык! Где вы собираетесь делать этот компьютер? На нашем заводике?

— Есть ведь и в городе заводы.

— Их еще надо захватить! И даже если захватим, кто там будет работать? У нас нет техников, не говоря уже о мастерах и программистах этих автоматических комплексов!

— Конечно, их нет, откуда им быть, если все эти годы вы обучали своих людей одной-единственной специальности!

Ротанов не сразу понял, какую сделал ошибку. Тишина, повисшая теперь, была полна отчуждения, почти враждебности. Что он мог знать о том, как они жили здесь все эти годы, какое право имел судить их? Ну да, у них осталась одна-единственная специальность... Слово они этого хотели, словно у них был выбор! Ничего не было сказано. Члены совета молча смотрели на Ротанова. Он попытался исправить ошибку.

— Я ни в чем не хочу упрекнуть вас. Знаю, что не от вас зависит положение, которое сложилось сегодня. Знаю, что люссы напали первыми, что вы должны были защищаться. Но теперь мы вместе отвечаем перед Землей за судьбу базы на этой планете, за принципиальную возможность идти отсюда дальше, к другим звездам! Поэтому так важен этот компьютер. И производственный комплекс, способный его создать. Давайте вместе думать, это сейчас главное, только это! Все ваши проблемы решатся, если удастся наладить регулярное сообщение с Землей.

Ему не удалось убедить их. Они остались равнодушны к его призывам. Теперь он был для них чужим. Они не верили уже ни в этот компьютер, ни в сам переход, ни в скорую помощь Земли. Все его обещания превратились в пустые фразы.

— Все это прекрасно,— сказал председатель.— Давайте все же перейдем к текущим делам. Нам нужно решить вопрос с энергией, иначе защитные комплексы встанут посреди зимы.

— В этот раз мы не сможем обеспечить полный запас. Нужно идти на дневную сторону и там переждать зиму...

Они уже не обращали внимания на Ротанова, целиком уйдя в обсуждение насущных проблем. И он боль-

ше не пытался изменить ход совещания. Не вмешивался, не вставлял реплик, только внимательно, нахмурившись, слушал каждого выступавшего. Доктору казалось, что инженер выходит победителем из всей этой неразберихи. Если ему удастся настоять на походе, они лишатся последней стационарной базы. Руководство автоматически перейдет к нему в руки, они целиком попадут в зависимость от охотников, превратятся в кочующее дикое племя... Это будет началом конца... Доктор не пытался возражать, он понимал — в первую очередь такое решение покончит с научным отделом, но он устал бороться в одиночку. На серьезную поддержку со стороны председателя рассчитывать сейчас не приходилось. Оставалось проголосовать за поход, а поскольку все, кроме доктора и Ротанова, высказались именно за это, в результате голосования не приходилось сомневаться... И вдруг, когда инженер поставил вопрос на голосование, снова поднялся Ротанов.

— Поход — это прекрасно. Но... Энергии у нас более чем достаточно. Хватит лет на десять не только для того, чтобы снабдить ваши комплексы. Вы могли бы этой энергией обеспечить сорок таких городов, как тот, что уже потеряли.

— О чем вы говорите? — в тоне инженера впервые прозвучали металлические враждебные ноты.

— О корабле, на котором сюда прилетел. Его энергетические установки в полном порядке. Нужно лишь вернуть корабль. Он стоит в стороне от города, вряд ли за такое короткое время синглиты смогли там организовать серьезную оборону. Надеюсь, с этой операцией ваши отряды справятся?

— Он очень большой, будто железная гора упала с неба. Я не думал, что он может быть таким огромным...

Ротанов молча кивнул. Для него корабль был обыкновенной машиной. Массой хорошо сработанного металла, за которую придется теперь отдать немало жизней. Шесть человек вместе с ним плотно сидели в открытой кабине роллера.

С опушки открывался хороший обзор. Металлическая мачта корабля торчала посреди голой, выжженной при посадке поляны. Теперь опаленная земля сплошь заросла низкой травой. Не было заметно ни малейшего движения внутри этого километрового травяного кольца. Никаких укреплений, никаких построек. Плохо, если охрана ждет их внутри корабля. Внешнюю силиконовую броню не смогут пробить ни излучатели, ни тепловые пистолеты.

Ротанов оторвал бинокль от уставших глаз. До контрольного времени оставалось полчаса. Охотники перекроют подступы к кораблю, окружают его со всех сторон, перережут дороги, идущие к городу, — только тогда придет сигнал, и их маленькая группа захвата вступит в дело.

Невооруженному глазу громада корабля на фоне рыжих холмов представлялась чем-то неживым, посторонним и нереальным. Его нижняя часть в слое разогретого воздуха слегка изгибалась, словно корабль был всего лишь миражом... Стоило сесть на сорок километров южнее, и все сложилось бы иначе...

Рубашка прилипла к телу. В тягучем ожидании, казалось, остановилось само время. Ни шороха... Ни выстрела...

— Что они там, вымерли? Где же ракета?

Ему никто не ответил. Тишина словно придавила лес. Ничто не выдавало присутствия людей в редких его за-

рослях. Инженер бросил на эту операцию все силы, которыми располагала колония. «...Чересчур щедро. И чересчур охотно ухватился он за предложение захватить корабль...»

Ротанов не хотел вникать в хитрую, сложную и пока не совсем понятную игру, которую вел этот человек. Если они захватят корабль, положение в колонии сразу изменится. Он сумеет покончить со всеми хитростями инженера и сделает все, чтобы прекратить кровопролитную бессмысленную войну, которая, похоже, нравится инженеру. Не конечная победа, не изменение положения колонистов, а сама война на уничтожение его привлекает, словно мирная жизнь потеряла для этого человека всякий смысл...

Ракета вспыхнула на дневном небе маленьким тусклым шариком. Вспыхнула тогда, когда ее уже перестали ждаты.

Этот первый сигнал к ним еще не имел непосредственного отношения, он лишь означал, что дороги, наконец, перекрыты и отряды охотников могут начинать атаку, расчищая путь группе захвата для последнего броска. Ротанов видел, как десятки людей поднялись во весь рост, они бежали к кораблю сразу с трех сторон, на ходу стреляя из лучеметов. Вокруг корабля плясали фонтаны земли, вспыхивали шарики тепловых разрывов. А корабль словно вымер... Вот уже второй раз на глазах Ротанова бой превращался в непонятный фарс. Не могли же они без боя отдать корабль! Что-то здесь было не так, и этот просчет грозил обернуться бедой, потому что бой в обстановке, в которой не все понимаешь, это уже наполовину проигранный бой...

— Вперед! — крикнул Ротанов.

Роллер сорвался с места и понесся на предельной скорости. Машина раскачивалась, перепрыгивая через кусты и неровности почвы, двигатель рычал на предельных оборотах, но Ротанов понимал, что это не поможет, потому что из корабля противник отлично видит происходящее.

Они дождутся, когда роллер подойдет ближе, и тогда уничтожат всех сразу... Секунды растянулись, как в замедленной киносъемке. Ротанов все еще ждал огненного всплеска и вдруг понял, что его не будет. Не будет, как не было выстрелов, трупов вокруг корабля. Словно синглиты лишь играли в войну, которую люди вели так серьезно и обстоятельно.

Дверь шлюзовой камеры оказалась открытой, словно их любезно приглашали войти. До нее было метров десять, потом начиналось мертвое пространство, где им уже не страшны будут двигатели. Ротанов шел эти десять метров медленно, осторожно и слышал за собой тяжелое дыхание пяти человек... Ничего не случилось: они вошли внутрь шлюзовой камеры...

Если так будет продолжаться до самой рубки, он все же уравнивает шансы. Вряд ли они смогли изучить корабль за короткий срок так, как знает его он сам. И если они позволят захватить рубку... «А что, если они вообще не собирались защищать корабль? Не считали его своим?» Это было слишком неправдоподобно. Таких подарков не делают во время войны... И тем не менее они беспрепятственно вошли в рубку. Даже дверь не была заблокирована. Кресло перед управляющим пультом чуть развернуто влево к выходу. Именно так он оставил его неделю назад, когда покидал корабль. Да, всего лишь неделю... На приборах толстый слой пыли. Их будто старались убедить в том, что здесь вообще не было посторонних. Никто не собирался захватывать корабль, оборонять его. Словно они не знали, что двигатели глав-

ного хода в одну секунду могут смести с лица планеты остатки города или испарить целое море... Словно не понимали, какой грозной и опасной машиной может стать корабль, если его использовать для войны...

Он сел в кресло и секунду сидел неподвижно. Потом руки сами собой потянулись к управляющей панели. Вспыхнуло аварийное освещение приборов, щелкнули страховочные ремни. Правая рука привычно легла на плоскую граненую рукоятку главного выключателя реактора... Возможно, его остановила мысль о том, что все идет слишком уж просто. Например, синглитам могло показаться заманчивым сделать так, чтобы он сам взорвал корабль, своими руками...

Как бы там ни было, прежде всего он должен остаться на корабле один и осмотреть все, что может осмотреть человек в этом металлическом лабиринте. Он один знает корабль и один будет отвечать перед Землей за все, что здесь случится.

Он и сам не знал, что именно нужно искать в бесчисленных помещениях корабля, забытых техникой, предназначавшейся для колонистов. Отсеки, в которых он не бывал с самого старта, встречали его запахом плесени и промозглой сырости: вентиляция не работала с того дня, когда отказала автоматика.

Проверил машинное отделение, отсеки реакторов, штурманскую рубку — и не смог найти никаких следов... Ничего постороннего. Часа через четыре, совершенно измученный, он добрался до своей каюты. Швырнул в мусоропровод грязную изодранную одежду и прошел в душ. Стоя в облаке горячих брызг, со всех сторон упругой волной обдававших тело, он думал о том, что, пожалуй, хватит крысиной возни. Сейчас он оденется, пройдет в рубку, включит реактор и начнет обычную стартовую процедуру. Если где и спрятано что-то чужое, ему придется познакомиться с этим по ходу дела...

Рубка медленно, миллиметр за миллиметром, сдвинула рукоятку включения реактора. Послышался знакомый щелчок. Вспыхнули огоньки на приборной панели, качнулись стрелки приборов. Реактор входил в рабочий режим... Ротанов вытер пот, заливавший глаза, и чуть тронул стартовую рукоятку, проверяя, пойдет ли топливо к планетарным двигателям. Оно пошло. Корабль мелко задрожал. Ротанов увеличил подачу топлива и включил двигатели. Сейчас внизу бушевало зеленое пламя, сжигая все вокруг. Захотел увидеть, как это выглядит. Потянувшись к тумблеру оптического перископа, но и после щелчка линзы остались матово-серыми. Это был первый сюрприз. Не работала оптика, корабль ослеп. Совершенно машинально Ротанов повернул тумблер выключателя локаторов, хотя отлично помнил, что они не работали с того момента, как отказала вся электроника. На стенках рубки мягко вспыхнули голубоватым светом четыре глубоких овала. Это было так неожиданно, что он отдернул руки от рычагов управления, но почти сразу его давило в кресло, а на оживших экранах уже проступило изображение. Он увидел, как пламя внизу, под кораблем, сузилось, набрало силу, и поверхность планеты медленно пошла вниз, словно корабль проснулся, обрел собственную волю и выходил теперь на свой, одному ему известный курс. На приборной панели вспыхнуло табло, предупреждающее пилота о включенной автоматике.

На корабле не должно быть никакой автоматике! Она же вышла из строя!.. Уже ничему не удивляясь, он рванул рукоятку, отключавшую автоматике. Рукоятка шла ровно, без всякого сопротивления, и он уже знал, что

это бесполезно. Так просто ему не удастся подчинить себе вышедшую из повиновения машину. Начался тот самый поединок, без выстрелов и погони, который он ждал с самого начала. Поединок, в котором выиграет тот, кто быстрее разберется в обстановке, на мгновение раньше найдет правильное решение...

Значит, в компьютере появилась новая программа? Но для этого им пришлось бы восстановить заново весь компьютер... Нужны десятки специалистов, сотни сложнейших машин. Даже на Земле создание корабельного компьютера требовало не меньше месяца, что-то здесь было не так... Но корабль, словно опровергая все его доводы, продолжал набирать высоту...

Он чувствовал по изменившемуся режиму двигателей, по тяжести, вдавившей в кресло, что перегрузка достигала уже четырех «же» и встать с кресла будет теперь не просто. И все же вставать придется. Надо добраться до компьютера, осмотреть который ему не пришлось в голову: слишком хорошо он помнил, что там не было ничего, кроме сгоревших при переходе блоков...

Он вставал медленно, как боксер на ринге, только что получивший нокаут. Шаг, еще шаг. Ноги точно налились свинцом, подгибаются колени. Корабль продолжает набирать скорость: пять «же», шесть... Хорошо, что плавно, с этим еще можно справиться, только бы не было резких толчков... Вот, наконец, перед ним стена рубки. За нею панель компьютера, чтобы ее снять, надо отвернуть четыре винта. Совсем простая задача. Вот только нужна отвертка... Еще несколько секунд, а взбесившийся корабль продолжал набирать скорость... Последние два винта он не стал отворачивать, просто рванул панель на себя...

Четыре светлых небольших куба сразу бросились в глаза. Они притаились среди зеленых блоков компьютера. И не было никаких проводов, никаких крепежных деталей, точно они всегда здесь сидели, эти четыре инородных блока. Их даже не посчитали нужным замаскировать, окрасить под цвет остальных ячеек. Были уверены, что он не полезет в компьютер? Нет, скорее всего, где-то есть дублиеры... Даже если он найдет способ справиться с этими, включатся резервные... А кстати, как с ними справиться, отверткой? Нужен инструмент, что-нибудь солидное, плазменный резак, например, но он в другом отсеке. При шести «же» уйдет не меньше двух минут, и тогда уже может быть поздно. Корабль выйдет на курс, отключит двигатели. Неизвестно, включатся ли они снова...

Какое-то время ему казалось, что выхода нет, что он не успеет ничего придумать, что он проиграл и корабль никогда не вернется к людям... Четыре пластмассовых ящичка его доконали... Вдруг он подумал, что они маленькие... Ничтожно маленькие по сравнению с тысячами блоков компьютера, заполнявших всю поверхность ниши за переборкой. Как же они сумели втиснуть в такой объем сложнейшую программу управления кораблем? И он вспомнил, что автоматика включилась только после того, как он случайно повернул рукоятку локаторов... Тут что-то было, какая-то связь. Автоматика и локаторы... Антенны! Ну, конечно, антенны! Как он сразу не догадался! Нет там никакой программы. Приемный команд, вот что там такое! Кораблем управляют снаружи. А если отключить антенны... Он бросился к креслу. Вряд ли его неуклюжие движения под прессом перегрузок походили на бросок. Все же через несколько секунд он втиснулся в кресло, застегнул страховочные ремни. Трудно было предугадать, как поведет себя корабль после отключения антенн. И что они предпримут в ответ?

Щелкнул тумблер, погасли экраны локаторов... И ничего не случилось. Наверное, им потребуется какое-то время, чтобы понять, что произошло, и принять новое решение. Этим надо воспользоваться... Он осторожно потянул на себя рукоятку ручного управления. Корабль слушался! Теперь слушался!.. Он тут же включил боковые двигатели и сразу до отказа повернул рули, заваливая корабль набок, настолько круто, насколько могли выдержать перегрузочные амортизаторы и он сам. Его прижало к креслу, мысленно он видел, как нос машины очерчивает в пространстве пологую кривую параболу, постепенно возвращавшую его к планете. Уже через несколько секунд он начнет снижаться, но сейчас скорость корабля упала, и для них это самое удобное время что-нибудь предпринять... Чего они ждут?

И тут он понял. Для того, чтобы сориентироваться, чтобы правильно закончить маневр и хоть приблизительно направить машину в нужное место, ему придется хотя бы на секунду включить локаторы, не зря его лишили оптики. Этим они и воспользуются.

Выбора у него не было. Как только на альтиметре появилась цифра «восемь тысяч метров», он переключил двигатели и бросил корабль к поверхности планеты по крутой траектории с такой перегрузкой, что в глазах потемнело. Исправлять курс, доворачивать он будет потом, у самой поверхности. Им потребуются считанные секунды, чтобы рассчитать его маневр. Как только они поймут, последует немедленная атака, потому что иначе они вообще не успеют. Он взглянул на секундомер. Все, больше медлить нельзя. Он вырубил двигатели и включил сразу все локаторы. Прежде чем экраны прогрелись, корабль содрогнулся от серии взрывов.

Вокруг него в пространстве лопались металлические хлопнушки ракет. Ротанов почувствовал удовлетворение, потому что они растерялись, не смогли выдержать до конца правила игры, которую сами же предложили, не сумели достичь неизвестной ему цели. Теперь они попытались попросту уничтожить корабль и тем самым признавали свое поражение.

Ну, это мы еще посмотрим... Противометеорная защита ближнего действия работает без локаторов, так что прямые попадания не страшны. Только и для них это, конечно, не секрет...

Экраны, наконец, прогрелись, и он увидел стремительно приближавшуюся поверхность планеты. Маневр был рассчитан правильно. Ему нужно выиграть еще минуту, не больше, потом им придется бить по поверхности планеты. Вряд ли они рискнут применить там что-нибудь действительно мощное, а потому постараются врезать ему именно сейчас, в эти считанные секунды. Снизу идут обычные ракеты, целых пять. Эти не страшны. Вон она... Сверху... Эту хорошо бы перехватить на дальних подступах... Он толкнул плечом турель противометеорной пушки и нажал педаль. Экраны горели ровным, немигающим светом. Выстрела не последовало... Тогда вниз, еще круче, это все, что ему остается... Двигатели не включаются!.. К черту локаторы! Ничего с ним не случится, если он не увидит, как врещет по нему эта штука... Вот так, достаточно, импульс был сильным, идущая сверху ракета проскочит над кораблем. Даже если она с самонаведением, не успеет скорректироваться, слишком велика у нее масса, и только потом, развернувшись, снова пойдет на корабль. Но тогда уже будет поздно, он успеет приземлиться...

Он закрыл глаза, чтобы не отвлекаться, и вызвал в памяти изображение поверхности планеты, виденное на экране секунду назад. Мысленно он как бы продолжил

ее движение, сам себе пытаясь заменить локатор. Разворачиваться для посадки кормой вперед уже не было времени. Двигатели взревели, и почти в то же мгновение корабль содрогнулся от удара, пробившего поле противометеорной защиты...

Выбросив носовые опоры, Ротанов рванул красную рукоятку аварийной посадки. Почти сразу по бокам хлопнули четыре пиропатрона, открывая дюзы резервных двигателей разового действия.

Они выровняли раскачивающийся корабль, повели его вниз. Но их действия хватит на сто метров, и если до поверхности окажется больше, корабль всей массой навалится на опоры, сомнет их и рухнет набок. Даже десяти метров будет достаточно, чтобы превратить машину в груды металлолома... Однако почти сразу он почувствовал мягкий толчок, двигатели отключились автоматически, как только опоры коснулись поверхности, и все стихло. Еще секунду-другую скрипели амортизаторы, легкая дрожь пробежала по переборкам, потом смолкла и она. Корабль прочно стоял на опорах, и, значит, Ротанову удалась эта невысказанная слепая посадка на искаленном корабле.

Когда Ротанов распахнул дверь входного шлюза, лес вокруг корабля горел. Он горел как-то нехотя, чадающим красноватым пламенем. Деревья прикрывали только опоры, вся остальная громада корабля вздымалась высоко над ними и была отличной мишенью.

От дыма пожара солнце казалось фиолетовым, почти красным... Оно уже касалось горизонта, когда Ротанов заметил движение на дальних подступах к кораблю. Поэтому, как свободно, не прячась, шли люди, он понял, что это не синглиты.

Они радовались кораблю, как дети новой большой игрушке. Разошлись по всем отсекам, разглядывали каждый механизм. Пришлось временно перекрыть помещения, где незнакомые с устройством корабля люди могли попасть в опасную ситуацию... Когда немного утихла радость от благополучного исхода сложной операции, стали думать, что делать дальше.

Охотники захватили на окраине города три ракетные установки, обстрелявшие его корабль, и вывели их из строя. Но могли быть другие, еще не известные разведчикам. Поэтому решили подниматься с наступлением полной темноты. До базы оставалось всего десять километров. Ротанов надеялся выполнить этот последний подскок с включенными локаторами.

По сведениям охотников, с наступлением темноты всякая деятельность синглитов прекращалась. Это было как-то связано с их биологией, и в этом еще предстояло разобраться, сейчас же важно было другое: управляющие передатчики синглитов не смогут помешать. Ночью страшны только люссы. Но никакой люссы не сможет пробиться сквозь поле корабельной защиты.

Через час после наступления темноты корабль плавно опустился на площадку советов около основной базы колонии.

...Это было невысказано! Ротанов отбросил очередной блок... Десятый день он сидит на площадке перед кораблем, стараясь разобраться хотя бы в основном принципе, на котором работала чужая аппаратура, набитая в четыре пластмассовых куба. Примерно девятьсот контактных точек обнаружил он на поверхности. От них вглубь уходили тонкие, как волос, проводники. На экране элек-

тронного искателя он мог просматривать все содержимое блока, слой за слоем, и все равно ничего не понимал. Там не было ни одного активного элемента. Ничто не усиливало электрический ток, никуда не подходило питание, и все-таки ток был внутри этой сумасшедшей схемы. Целые потоки электронов шли в различных направлениях, усиливались, ослаблялись, словно бы сами собой, по щучьему велению, меняли направление движения... Мало того, вся схема этого куба не была постоянной. Она менялась, и там, где недавно были накопленные на невидимых емкостях электрические потенциалы, при следующем просмотре он мог обнаружить все, что угодно, начиная от индуктивности и кончая односторонней проводимостью кристалла. Куб и сейчас что-то выдавал из своего непостижимого нутра на все свои выходные точки, дикую смесь непонятных электрических сигналов...

В этом куске кристаллической массы был ключ к основной проблеме. К возвращению домой земных кораблей... Между прочим, и его корабля тоже... Прежде чем разработать план дальнейших действий, он должен был знать, способна ли их электроника заменить земной компьютер... В том, что она способна на многое, он уже не сомневался, но ему нужно было установить порядок сложности задач, которые может разрешить один такой блок, и узнать хоть приблизительно, сколько блоков понадобится для расчета пространственного перехода, возможно ли принципиально решение подобных задач с помощью этой электрической абракадабры...

Два человека спускались к нему по тропинке. Он просил не беспокоить его без крайней необходимости и сейчас с раздражением смотрел на приближавшихся людей. Прежде чем они подошли, он уже взял себя в руки. Само раздражение говорило о том, что пора сделать в работе основательный перерыв.

К нему подошли доктор и председатель совета. После посадки корабля без участия Ротанова не решалось ни одно важное дело. Корабль стал как бы центром, вокруг которого сосредоточились все надежды колонии на ближайшее время...

Обсуждались текущие дела. Заканчивалась прокладка бронированных кабелей из пещер к энергосистемам корабля, велась работа по освоению техники, привезенной Ротановым для колонии. И хоть большинство аппаратуры вышло из строя во время перехода, все же многое сохранилось, и теперь колония располагала хорошим парком станков для литья любых деталей из сверхпрочного пластика. Можно было не беспокоиться о запасных частях для механизмов и оружия. Трудный ночной сезон впервые пройдет без особых проблем... По настоянию Ротанова заканчивалось проведение подземного хода из пещер к корабельному шлюзу. Как только ход будет готов, корабль превратится на всю долгую зиму в главный форпост колонии. Его энергетическими установками и силовыми полями можно будет прикрывать любые опасные участки, если только удастся восстановить хотя бы простейшие функции корабельной электроники. Все упиралось в электронику. Без нее сложнейший организм звездолета превратится словно в старинный паровоз, могучий, но тупой и неуклюжий. Хорошо, что предусмотрели ручное управление главного реактора, сколько ему пришлось за это биться! И вот теперь они располагают энергией...

Когда с делами было покончено, доктор отвел Ротанова в сторону.

— Одна моя пациентка хотела бы поговорить с вами...

— Какая пациентка? — не сразу понял Ротанов. — Неужели Анна пришла в сознание?!

— Вот уже третий день... Просила не говорить вам, ждет, что вы сами догадаетесь о ней спросить...

Дорога вниз, к жилым пещерам, была довольно долгой. Ротанов шел рядом с доктором и думал о том, что повезло только ему да вот еще Анне. Главной проблемой, даже подходов к которой пока не видно, оставалась действенная защита от люссов.

— Как вы считаете, у нас с Анной природный иммунитет?

— Трудно что-нибудь сказать определенно, мы мало знаем о механизме воздействия люсса. То, что я вам рассказал, это только догадки. А что касается иммунитета... Гиббернезация ослабляет наследственность, а мы все — потомки тех, кто много лет провел в корабле в замороженном состоянии. Первое время люди сильно болели. Часто рождались калеки. Так что не знаю, с Анной все очень сложно. Может быть, постепенно наследственность стабилизировалась, может быть, она одна из тех, кто пришел в норму.

— Вы хотите сказать, что воздействие люсса на здорового человека с неповрежденной наследственностью безвредно?

— Это только предположение. Пока мы имеем всего два случая. Ваш и Анны. Проще всего их объяснить природным иммунитетом... Как дела с электроникой, удалось в чем-нибудь разобраться?

— Нет.

— Я так и думал. Чужой разум, чужая логика. Чем дальше они развиваются, тем меньше в них человеческого.

— Меня поражает не это... Вот вы говорите, чем дальше, тем меньше в них человеческого. Но возьмите ту же электронику. Ведь это творчество, доктор, и какое! То, что они создавали до сих пор, все эти роллеры, кары, механизмы... Это все они взяли готовым из наших заводов, книг. Но повторять могут и роботы. А вот творчество — это свойство разума!

— Вы меня не поняли. Нельзя же утверждать, что возможен лишь человеческий разум?

— Конечно, с этим невозможно спорить. Они другие.

— А знаете, почему? Надкорка, кора — это они копируют с человека. Все, что есть в самой коре в момент снятия копии, принадлежит конкретной личности. Но только в момент снятия копии. Дальше все меняется, вновь созданная система динамична.

— То есть появляется свой опыт, свои воспоминания?

— Не только это. Дело в том, что подсознание у них вообще не копируется. Я подозреваю, что эту область они целиком наследуют от люссов. И все инстинкты, их способность телепатического общения, конфликт человеческой психики и подсознания — это все оттуда... В общем, возникает новая личность, и чем дальше она развивается, тем меньше похожа на первоначальную...

— Я все время думаю, что война с ними — результат трагической ошибки.

Доктор с интересом посмотрел на него.

— Вы первый, от кого я это слышу. Но вам легко судить. Над вами не довлеют наши обстоятельства, наши беды.

— Возможно. Не знаю. Знаю, что всякая война преступна. Мы оставляем планету даже в том случае, если не можем ужиться с местной фауной. А здесь — разум! Впервые за всю историю человечества! Пусть даже он возник в такой неожиданной форме, пусть сами люди явились причиной его возникновения...

— Гибель людей...

— Да. Простите. Но это все равно не меняет сути дела. Войну пора прекращать.

— У вас есть какой-то конкретный план?

— А как вы думаете, они способны соблюдать взятые на себя условия?

— То есть можно ли с ними вести дипломатические переговоры? Ну, знаете, у нас это никому не приходило в голову!

— А жаль... Надо бы попробовать.

— Вряд ли они вообще поймут вас. В их представлении люди — только материал для создания новых синглитса. Может, вы и с люссами собираетесь договориться?

Ротанов ничего не ответил. Он думал о том, что война на два фронта не только преступна, но и бесперспективна. Если бы не корабль, предстоящая ночь стала бы для колонии последней.

— Где инженер?

Доктор пожал плечами.

— Последнее время я его редко вижу на базе. Наверное, готовит очередную операцию.

— Без этого ему скучно, что ли?

— У него дочь погибла и жена. Я его понимаю.

— А я нет! — резко сказал Ротанов, и вдруг из охватившего его чувства возмущения и гнева неожиданно родился план. Сразу весь, целиком, со всеми деталями...

В палате, где лежала Анна, тихо гудел кондиционер. Сухой прохладный воздух шевелил колючую рыжую ветку, торчавшую у изголовья постели. Ротанов пожалел, что не догадался захватить с собой семена земных цветов. Вместо всего электронного хлама, который пошел на свалку, нужно было привезти горсточку семян.

Он сидел и молчал. Не хотелось говорить банальные фразы, которые принято говорить больным, а других, нужных слов у него не находилось... Потрогал ветку, точно проверял, острые ли колючки.

— Скоро мне разрешат выйти. Я не хотела, чтобы вы приходили сюда.

— А доктор сказал, что...

— Это ему так кажется. Они все думают, что мне скучно. Но это не так. Мне бывает грустно только оттого, что я боюсь опоздать и не увидеть солнца в эти последние дни.

— Я вам обещаю сделать подарок, когда вы выздоровеете.

Анна улыбнулась.

— Мне все делают подарки. Вот даже инженер раздобыл где-то коробку конфет. Это большая редкость у нас. Почти реликвия...

Ротанов вздрогнул, услышав о конфетах. В плане, который он продумал, спускаясь к Анне, не хватало одной маленькой детали...

— Мой подарок будет совсем другим. Я подарю вам мир.

— Весь, целиком? — Анна словно не поняла его.

— Нет. Пока только дневную половину. Но зато это будет настоящий мир, без подделки! Без войны. Можно будет ловить рыбу, уходить от дома в походы на десятки километров, разжигать костры... и не надо будет бояться...

— Вы шутите...

Он видел, как заледенели, расширились ее глаза.

— Не надо так шутить... Это жестоко...

— Я не шучу, Анна! Чего бы это ни стоило, но так будет!

Слезы застыли у нее в глазах, а сами глаза на блед-

ном лице показались Ротанову двумя огромными черными озерами. И вдруг она ему поверила сразу, без оглядки, как тогда у ночного костра... Что-то дрогнуло у нее в лице, она нашла его руку и сжала.

— Мне трудно представить, как это будет, Ротанов! Никто из наших не сможет даже вообразить такой жизни.

— Ничего. Постепенно привыкнут. — Он поднялся, но оставалось еще одно небольшое дело, и он не знал, как к нему подступиться. — Я хочу попросить вас об одолжении, Аня...

Она смотрела на него выжидательно, чуть удивленно.

— Подарите мне эту вашу коробку конфет. Она мне понадобится...

К счастью, она ничего не спросила. Вряд ли он сумел бы объяснить, для чего ему это нужно.

Солнце стояло в зените, когда Ротанов миновал последний сторожевой пост и вышел на тропинку, ведущую к городу.

Труднее всего было уговорить председателя отпустить его без охраны и оружия. Он и сам понимал, насколько это опасно, хотя синглиты стремились избежать кровопролитных стычек... Но должны же они сообразить, что теперь, после угона звездолета, после восстановления связи колонии с Землей, соотношение сил изменилось не в их пользу.

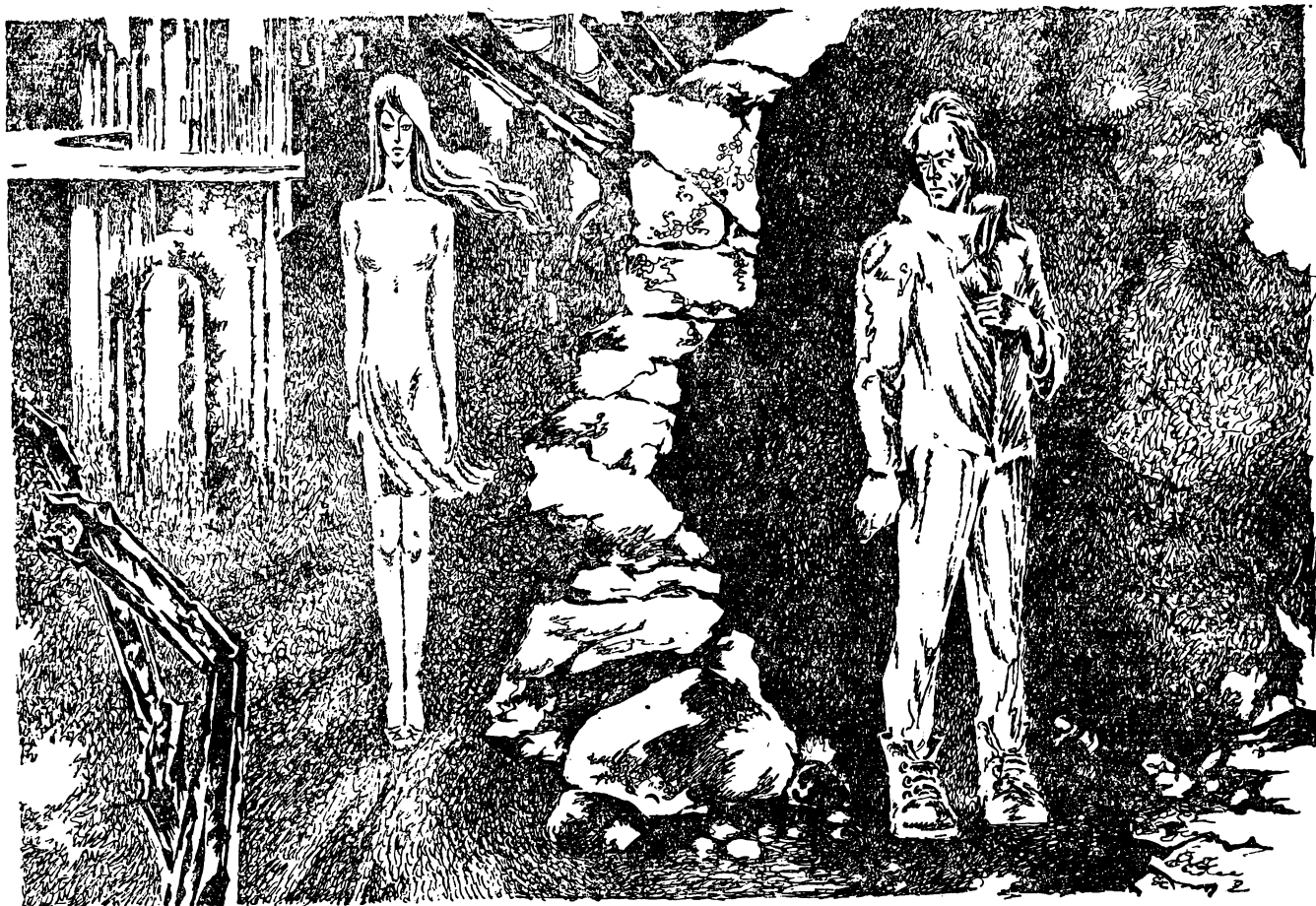
Может, был и другой выход, — Ротанов его не видел. Он разработал план, который обещал многое в случае удачи, и не собирался от него отказываться, несмотря на мрачные предчувствия...

Горячий ветер догнал его и, подняв облачко пыли, понесся по дороге к городу. Рыжая тропинка, рыжая трава на ее обочинах, даже ветер от пыли кажется здесь рыжим... Стрелять они определенно не собирались. Он дошел до самой окраины, так никого и не заметив, хотя, наверняка, миновал не один их дозорный пост.

Все заброшенные развалины выглядят одинаково, но в облике города было нечто, говорившее о том, что жизнь не окончательно покинула его руины. Наверное, это впечатление создавала белая башня, взметнувшаяся метров на пятьдесят над центральной частью города. Что у них там — локаторные станции? Труба вентиляции от подземных цехов? С исчезновением Филина колония перестала получать сведения о жизни города: он один умел безнаказанно проникать в город...

Интересно представить, как будут выглядеть города на этой планете лет через двести. Если развитие пойдет дальше своим естественным путем без вмешательства людей, то, пожалуй, города исчезнут вовсе. Синглитам не нужны здания, разве что для производственных цехов, где необходим постоянный микроклимат. Но их лучше располагать под землей. Сами же они не нуждаются в домах. И не только в домах, одежда им тоже не нужна, она мешает их коже поглощать энергию солнца, так что одежда и здания для них — атавизм, остаток прошлого. Им все равно, где жить, — здесь или в лесу. И держатся они за город потому, что в нем сосредоточены их производственные ресурсы.

Но как знать, не война ли явилась причиной развития их промышленности? Нужно ли будет им производство в мирных условиях? Есть ли вещи, в которых они нуждаются по-настоящему?.. Даже этого люди не знают, а для успеха его плана было чрезвычайно важно найти малейшую зацепку, предложить что-нибудь, с их точки зрения, стоящее, в обмен на их фантастическую электротронику...

Первого синглита он заметил, когда миновал окраину.

Синглит стоял у здания, похожего на то, в котором прошлый раз была резиденция их координатора, назвавшего себя Бэргом... Похоже, это часовой, он стоял у входа в здание неподвижно, положив тяжелый раструб излучателя на сгиб локтя. С виду обыкновенный парень лет двадцати в коротких шортах и без рубахи... Когда Ротанов подошел ближе, он уже так не думал, потому что кожа этого существа вовсе не походила на человеческую. На ней не было ни одной морщинки, ни одного волоска. Атласная ровная поверхность темного, почти шоколадного цвета казалась искусственной, почти неприличной. Так, наверное, будет выглядеть манекен, если его без одежды поставить посреди улицы...

— Мне нужно видеть Бэрга, — произнес Ротанов.

— Бэрг занят.

— Скоро ли он освободится?

Часовой молчал. Не расслышал или не желает отвечать?

— Мне подождать?

— Бэрг занят. Можете говорить со мной.

Это неожиданное предложение Ротанова не устраивало. Возможно, у них так принято, и нет никакого координатора, но к Бэргу он привык, приготовился к беседе именно с ним и не желал решать важные вопросы, стоя посреди улицы, с первым встретившимся синглитом.

— Мне нужен Бэрг.

— Бэрг занят, — часовой даже интонации не переменил. Но Ротанову почудилась в его взгляде скрытая на-

смешка, и он ощутил глухое раздражение. Тут же напомнил себе, что пришел в чужой дом и, следовательно, нужно было принимать чужие правила...

— Хорошо. Я приду позже.

Он повернулся и пошел по улице, все время ощущая на спине холодок, оттого что излучатель был в боевом положении, и оттого, что не знал, каким будет следующее правило...

Он прошел своей мягкой, но напряженной походкой до ближайшего переулка. Ни звука, ни шороха не раздалось за спиной. По-прежнему нещадно палило солнце, с Ротанова градом катился пот, хотя минуту назад он вовсе не ощущал жары. Нужно было решить, что делать дальше, потому что самым глупым было вот так расхаживать по улицам, где за каждым углом таилась неизвестная опасность. Еще опасней было бы сейчас прятаться, потому что он пришел открыто, без оружия, и не желал без нужды лишать себя этого небольшого преимуществва. Часа два нужно чем-то занять, прежде чем попытаться еще раз увидеть Бэрга.

Сзади послышались шаги. Он повернулся и стал ждать, стоя так, чтобы тот, кто выйдет из-за угла, наткнулся на него неожиданно. В то же время он не прятался, просто стал вплотную к углу дома... Все его предосторожности оказались напрасными, потому что тот, кто шел по улице, разгадал его маневр, словно видел сквозь стены, и остановился, не доходя до угла дома.

— Ротанов! — позвал его знакомый голос. И сердце вдруг ударило быстрее, всего два раза, не больше. На-

верное, из-за того, что он только что думал о ней... Об этом существе, похожем на земную женщину...

Она стояла за углом, вытянувшись, словно по стойке смирно. Он все никак не мог привыкнуть к их неестественным для человека позам.

— Зачем вы прячетесь? — спросила она.

— Я вовсе не прячусь. Услышал шаги и ждал.

— У вас есть оружие?

— Нет.

— Мне поручено выслушать вас. Зачем вы пришли?

И опять он не знал, что ответить, потому что не хотел сложные вопросы обсуждать на ходу, посреди улицы. «Как сильно они нас боятся и как мало знают», — с горечью подумал он, мучительно ища выхода из создавшейся нелепой ситуации.

— Неужели обязательно вот так, здесь... Может быть, пройдем к вам? Разговор будет долгим и не простым.

— Нет. Говорите сейчас.

— Но почему, ведь раньше...

— Раньше вы не крали у нас корабли. Теперь вы враг, но мы готовы вас выслушать. Говорите!

— Не забывайте, этот корабль не принадлежал вам!

— Это правильно. Если бы вы улетели на этом корабле. Но вы передали его нашим врагам. Мы этого не забудем.

— Не забывайте также, что ваши враги — мои соотечественники. Но я передал им корабль не для продолжения войны. Только для обороны от люссов. Я обещаю, что корабль не будет использован в войне против вашего народа! Вслед за этим кораблем прилетят другие. Вам все равно придется рано или поздно вести переговоры с людьми. Не лучше ли начать сейчас? Зачем лишние жертвы? Планета большая, здесь хватит места и вам, и людям. Зачем уничтожать друг друга?

— Люди сами начали войну. Людям нравится война, а сейчас ты пытаешься нас убедить, что вы хотите мира. Я не знаю, зачем ты лжешь. Люди любят прятаться за углами и нападать из засад, не надо только считать нас простаками. Мы не верим тебе.

— Проще всего не верить... Думаешь, мне легко было убедить наших согласиться на прекращение войны? Но они согласны. Я принес вам их согласие на мир, они готовы забыть все годы войны, им нелегко это сделать, но они обещают, а люди держат свое слово. Вы ведь ни разу даже не пробовали заключить с ними договор, почему бы не попытаться сейчас?

— Пусть ваши корабли прилетают. Мы сумеем подготовиться. К их прилету здесь не останется людей. Нам не о чем говорить.

Он чувствовал себя так, словно все глубже погружался в трясины. Они не понимали друг друга. Наивно было надеяться на легкий успех. Слишком различные цели, различные критерии в оценке средств, которыми они достигаются. Все напрасно, он проиграл... Груз войны оказался тяжелее, чем он думал. «Ведь мы для них только средство, просто живой материал для размножения им подобных, они даже не знают другого способа, это просто такие вампиры, разновидность люссов!» Так ему говорили, а он не поверил... Не верил и сейчас, несмотря ни на что, просто дорога оказалась дольше, чем он думал, труднее... Ротанов медленно повернулся, сделал шаг, другой. Обернулся. Протянул ей сверток, неловко зажатый под мышкой с самого начала разговора.

— Это тебе подарок. От одной земной девушки. Она любит солнце, любит разжигать костры, любит бегать по траве босиком, не знаю, можешь ли ты это по-

нять... Однажды ты помогла мне... Я никогда этого не забуду. И все равно не позволю вам убивать друг друга, чего бы это ни стоило.

Она взяла коробку. На запястье у нее блеснуло что-то очень знакомое, какие-то металлические квадратички тусклого матового цвета, почти сливающиеся с кожей.

— Ротанов... Ты не должен больше приходить в город. Больше тебя не пропустят.

Он кивнул ей в знак того, что понял, и пошел прочь, уже не оглядываясь.

Филин проснулся на рассвете. Несколько секунд он тупо рассматривал куст, под которым лежал. Длинная фиолетовая пружина, вся усыпанная холодными каплями росы и ворсистыми пупырышками, раскачивалась над самым его лицом... Он точно помнил, как его несли, завернутого в сетку. Это было вечером, а сейчас утро, и он не знает, когда уснул и как оказался под этим кустом.

С зудящим жужжанием мимо пронеслась стрекоза, похожая на рогатую летающую змею... Было приятно лежать так, лениво расслабившись, смотреть на застылый под росой куст и ждать, когда первые лучи солнца коснутся обнаженной кожи... Эта мысль показалась странной, он чуть шевельнул рукой и убедился, что на нем, кроме коротких шорт, не было никакой одежды. Но ему совершенно не было холодно... Может быть, они бросили его здесь недавно или попросту потеряли? Впрочем, к чему утруждать себя сложными рассуждениями, ему хорошо и так. Вернуться, не вернуться... Какая разница... «Пим», — сказал кто-то отчетливо. Филин точно знал, что этот звук идет словно бы изнутри. Лежа с закрытыми глазами, он был совершенно уверен, что вокруг никого нет и нечего бояться. А сам этот звук к нему не имеет пока отношения и не будет иметь, прежде чем солнце не коснется его голодной кожи... «Кожа не бывает голодной», — возразил он себе. Ну хорошо, холодной... Зачем цепляться за какие-то пустяки? Очень хочется спать, он проснулся слишком рано... Нужно было подождать, пока солнце поднимется повыше... Далось ему это солнце... Когда он ел последний раз? Вообще, сколько прошло времени с тех пор, как он так нелепо попался?.. «Спать», — сказал он себе. — Не нужно ни о чем думать, нужно только спать и ждать солнца. Но сон не шел. Мешала странная тревога, совершенно неуместная в таком уютном и спокойном месте. Для того, чтобы покончить с нею, он решил пойти на уступки и спросил себя в упор: «В чем дело? Чего тебе надо?» И кто-то маленький внутри него, совершенно маленький и незначительный, но все же дьявольски упрямый, сказал: «Мне надо знать, какого черта ты валяешься посреди леса голый, вместо того чтобы идти на базу, выручать пилота. И вообще, что, собственно, произошло?»

Вопрос требовал ответа, а его не было. Филин встал, рочал вопрос, как каменную глыбу, и чувствовал, что чем сильнее он хочет ясности, тем больше становится глыба, словно тяжелая рука опускается на лоб, глуша сознание... Тогда он рассвирепел окончательно, и это помогло ему сесть. Солнце поднялось достаточно высоко, он лежал на самой вершине холма и заметил это только сейчас, когда приподнялся.

Теперь его голова и плечи попали в полосу солнечного света, но он не ощутил тепла. Однако гложущий голод стал отпускать, исчезли навязчивые мысли о пище, думать становилось с каждой минутой все легче. Вместе

с этим облегчением росла тревога, он будто постепенно приходил в себя после долгого тяжкого забытья. Филин ухватился за эту мысль, потому что она хоть что-то объясняла.

Они могли ударить его и не рассчитали удара. Решили, что с ним все кончено, и бросили здесь в лесу... «Ну да, вечером, накануне сезона...» Он тут же отогнал прочь эту ледяную, хватающую за горло мысль. В конце концов, ему могло повезти, никому не везло, а ему повезло, что ж здесь такого...

«Ведь я же прекрасно чувствую, знаю, что со мной все в порядке...» — успокоил он себя, и потому, что ему приходилось себя успокаивать, ледяная рука на горле сжалась крепче. «Нет, этого не может быть! В этом так просто убедиться!..» Он ощупал голову, потом лицо. Это ему ничего не дало. Ровным счетом ничего он не обнаружил. Не было следов удара и не было бороды. «Выходит, они меня побрили...» Он понимал, что эта последняя дикая мысль его уже не спасет. Брился он последний раз на базе дней десять назад... Чтобы не сойти с ума от нарастающего ужаса, он запретил себе думать об этом, запретил анализировать и выяснять. Решил поступать и действовать так, как должен был действовать сейчас Филин. Словно от того, что он не будет думать о происшедшем, он сможет отодвинуть этот кошмар, уменьшить его последствия...

— Фил,— сказал голос.— Тебе пора. Мы давно тебя ждем.

— Да, да,— ответил он машинально,— я сейчас...

Значит, нужно встать. Сориентироваться. Местность незнакомая, но это ничего, если идти на двадцать градусов левее солнца, он так или иначе выйдет к реке, и уж она выведет его к базе...

— Перестань дурить, Фил, тебе надо не на базу, а в город. Работы давно начаты.

— Я знаю. Я иду в город.

Он почти бежал, словно можно было убежать от того, кто притаился у него под черепной коробкой, от этого голоса...

Он бежал минут сорок, все время сверяясь по солнцу, стараясь не ошибиться в отсчете тех двадцати градусов, которые должны были вывести его к реке. И когда взобрался на высокий холм специально, чтобы осмотреться, и увидел прямо перед собой, не больше, чем в трех километрах, город,— он понял, что проиграл. Тогда он сел на вершину холма. Перед глазами все смазало, поплыло. У него не было даже ножа, чтобы убить себя.

— Не надо, Фил,— сказал голос.— Ты еще ничего не знаешь. Пойдем.

Он встал и медленно пошел к городу.

Выйдя из города, Ротанов первым делом разыскал роллер,— с ним, как он и надеялся, ничего не случилось. Проверил и запустил двигатель. Машина запрыгала по ухабам.

Ротановым овладело тупое безразличие. Ничего не вышло из его дипломатической миссии. Теперь придется искать какие-то другие пути...

Когда до базы оставалось не больше получаса езды, впереди показалась большая поляна, и он совершенно механически затормозил. Сработал рефлекс. На чужой планете, прежде чем выехать на открытое пространство, следовало осмотреться и прислушаться... Почти сразу он обнаружил присутствие посторонних. Кто-то затаился в кустах по бокам и сзади роллера. Он чувствовал присутствие нескольких человек и знал: они слишком близко,

чтобы дать задний ход и попробовать прорваться обратно.

Тихо в лесу. Почему-то здесь всегда становилось тихо в момент напряжения или опасности, словно лес приподнимался на цыпочки, замирал и со злорадством ждал, что будет дальше.

Ротанов понимал, стоит ему двинуть роллер, как они откроют стрельбу, и потому ждал, предпочитая, чтобы они сделали первый шаг. За шумом мотора он ничего не услышит, а так у него все-таки оставался шанс уклониться от выстрела. Передний пластиковый щиток прикрывал его от лобового удара. Хотя и ненадежна эта защита, но все же щиток заставит протонную гранату лопнуть чуть впереди, оставляя доли секунды для броска в сторону... Наконец из раздвинувшихся кустов вышел человек. Он шел слишком уж спокойно, словно знал, что Ротанов не вооружен. Ротанов не удивился, узнав инженера. Рано или поздно этот человек должен был решиться на открытые враждебные действия...

Инженер остановился в двух шагах.

— Я ждал вас.

— Это я понял. Что-нибудь еще?

— Да. Я хотел бы знать, чем закончились ваши переговоры.

— А почему вы надеетесь...

— Не делайте глупостей! Вы отлично знаете, что я здесь не один и что вы не успеете даже встать!

Он был прав, и Ротанов, расслабившись, вновь опустился на сиденье. Собственно, он и не собирался ничего предпринимать, только хотел проверить, как далеко зашел инженер. Что ж, можно было не сомневаться — на попятную он уже не пойдет. И это делало их встречу в лесу особенно опасной...

— Почему вас так интересуют результаты переговоров? — Ротанов тянул время, надеясь найти выход.

— С самого начала вы стали разрушать то, что я создавал так долго и с таким трудом...

— Что же это? — насмешливо спросил Ротанов.— Упоение собственной властью, возможность безнаказанно проливать кровь своих людей и уничтожать синглитов? Что еще у вас было?

— Нет, Ротанов. Не то. Я не поверил доктору с самого начала. Я был убежден, что после контакта с люксом ваша психика повреждена. В ваших действиях появилась скрытая враждебность к людям, опасная для всех нас, и я решил вам воспрепятствовать. Если бы не захват звездолета... На какое-то время я даже усомнился в собственной правоте. Но ваш «мировотворческий» поход в город убедил меня окончательно. Ждать больше нельзя, и я решил действовать. У меня давно уже разработан хороший план. Я начал его готовить задолго до вашего появления.

«Он просто маньяк,— подумал Ротанов.— Опасный маньяк. Как я не понял раньше! Нужно было давно изолировать его, обезопасить, а теперь слишком поздно...»

— Одно время мне едва не помешали. Председатель, этот выживший из ума старик, стал подсчитывать израсходованные на операциях боеприпасы, взрывчатку... Но тут появились вы, и всем стало не до меня.

— Зачем вам понадобилась взрывчатка?

— Вы слишком много хотите знать. Последний раз спрашиваю, есть у вас договор?

— А если нет?

— Это было бы печально. Но я надеюсь, что он у вас есть. И постараюсь в этом убедиться. Арон!

Ротанов решил, что инженер позвал кого-то из своих людей. Но это точно не так. Из кустов никто не вышел.

Ротанов услышал лишь протяжный свист, и, прежде чем он понял свою ошибку, тонкая металлическая игла вонзилась ему в запястье.

Почти мгновенно он потерял сознание.

Филин стоял у станка. Ему нравилось работать. Он точно знал, что нужно делать, и испытывал удовлетворение от каждого удачного движения. Одновременно он чувствовал состояние всех сорока человек, находившихся в огромном подземном цехе.

В воздухе плыли запахи разогретого пластика. Тихо ворчали моторы автоматических станков. Пластиковый куб появлялся из щели станка, Филин осторожно брал его, вставлял в коробку контроля и тут же словно превращал самого себя в чуткий измерительный прибор. Если все параметры изготовленной детали соответствовали норме, чувство приятного удовлетворения от хорошо сделанной работы усиливалось. Дефект вызывал огорчение — тем сильнее, чем серьезней была неисправность. Но такое случалось редко, потому что все сорок человек, работавших вместе с ним в цехе, прекрасно знали свое дело. Их умение, навыки каждого из них словно бы поступили в распоряжение Филина: в любую минуту он мог получить дельный совет, не произнеся ни слова, лишь испытав необходимость в таком совете или просто ощутив затруднение в работе.

День подходил к концу. Филин не чувствовал ни усталости, ни тяжести. Исчезли мелкие боли, всю жизнь гнездящиеся в человеческом организме. Каждый орган, каждая мышца его обновленного тела функционировали четко и слаженно, без единого сбоя. Он мог бы работать несколько суток подряд с небольшими перерывами для облечения и пополнения запасов энергии, но этого не требовалось. После четырех часов работы каждый мог поступать, как ему вздумается. Большинство оставалось в цехе еще часа на два-три, но Филин так мало знал о своем новом мире, что вышел из цеха сразу же, едва истекло его рабочее время.

На улице в этот час было много прохожих. Как только кто-нибудь попадал в его телепатическую зону, он ощущал волну доброжелательства или равнодушия, чаще доброжелательства, потому что встречные каким-то образом узнавали в нем новичка и старались ободрить его, поддержать. Жаль, нельзя было понять, что они думали о нем. Только общий эмоциональный фон. Он мог воспринимать конкретные слова и мысли лишь в том случае, если они были обращены к нему непосредственно...

Пластариум размещался в большом здании бывшего городского театра. Снаружи такое же запущенное, как и остальные здания города, внутри оно поражало строгой рациональностью отделки. Блестел свежий пластик стальных панелей, никелированные поручни лестниц. Ни одного лишнего украшения, ни одной ненужной детали. Только необходимое. Здесь ничто не должно было отвлекать или рассеивать внимание. Эти залы требовали глубокого сосредоточения, собранности, и уже у входа нужно было создать у тех, кто сюда приходил, соответствующее настроение. Из вестибюля в глубину помещений вели два прохода с черной и белой дверями. Филин впервые пришел сюда, но уже знал о назначении дверей, как знал многое другое, не затрудняя себя особенно выяснением источника новых для него сведений. Можно было выбрать только один зал. Слишком сложной оказалась психологическая настройка.

Не представляя толком, что его ждет за дверями, он остановился в вестибюле и стал наблюдать за посетителями. В черный зал входили задумчиво, сосредото-

ченно и молчаливо. Туда вели два отдельных входа — для мужчин и женщин. Белый зал казался более гостеприимным. Сюда шли попеременно мужчины и женщины. Шли группами, чаще вдвоем...

Филин выбрал белый зал.

Внутри не оказалось мебели. Стены смыкались в большую ровную полусферу, окрашенную в мягкий кремовый цвет. Стояла абсолютная тишина. Филин никак не мог привыкнуть к этому внешнему отсутствию разговоров. Синглиты все время обменивались информацией, но услышать телепатический поток мыслей мог только тот, к кому он был обращен.

Свет в потолочных панелях начал меркнуть, и вскоре зал погрузился в полный мрак.

Какое-то время тишина и темнота были настолько абсолютными, что Филин стал терять представление о том, где находится. Ему стало неприятно, захотелось выйти — удержало лишь любопытство. Он чувствовал, что напряжение в зале возрастает. Все чего-то ждали в этой черной тишине. И вот оно появилось! Это был всплеск, какой-то всполох света. Он родился из темноты, пронизал ее из конца в конец.

Одновременно со световой гаммой зазвучала долгая музыкальная нота. Постепенно Филин становился как бы дирижером невидимого оркестра. Нота превратилась в причудливую мелодию, отразившую его настроение, мелодия стала частью его самого, и, как только он понял это, родилось ощущение полета. Пол словно провалился из-под ног, исчез, и он понесся сквозь обрывки тьмы на певучем красочном змее. Уголком сознания он понимал, что и мелодия, и световые всполохи, и самый полет — всего лишь иллюзия, созданная коллективным творчеством находящихся в зале, а он сам — один из участников этого иллюзиона. Но это знание не мешало ему испытывать огромное, никогда раньше не изведенное наслаждение...

Рисунок мелодии сменился. В ней прозвучали печальные, почти грозные нотки. Сверкающая молния пробила радужные крылья змея в тот момент, когда Филин вспомнил о маленьком робком существе, притаившемся где-то на дне его теперешнего сознания и представлявшем собой часть другого, прежнего Филина... Мелодия становилась все мрачнее. Сполохи света бились, рушились, старались взвиться вверх и бессильно опадали, разрушенные потоком его воспоминаний.

Вот он стоит на пороге пещеры, и за руку его держит незнакомая женщина... Потом он в классе, на доске учитель пишет слово. Он не может вспомнить, какое именно, очень хочет вспомнить — и не может... Сполохи света становятся все слабее и, наконец, гаснут.

Смолкает мелодия. Загораются потолочные панели. Публика медленно начинает расходиться.

Уже в вестибюле какая-то женщина с пышной, небрежно взбитой копной волос обратилась к соседу:

— Напряжение было очень высоким, только кто-то все время мешал. Не понимаю, зачем новичкам разрешают посещать общественные места? Вечно одно и то же! На самом высоком взлете они словно нарочно начинают свои занудные воспоминания!

Наверное, она специально сказала это вслух, чтобы услышал Филин. Он постарался скорее смешаться с толпой. И долго еще не мог опомниться от пережитого. Никогда раньше не задумывался он над тем, что человеку, лишенному в силу обстоятельств возможности творчества, приходится всю жизнь тяготиться этим, придумывать какие-то суррогаты, и вдруг сегодня... И тем не менее острая, возникшая в зале тоска стала сильнее.

Притаившийся в нем человек неожиданно вырос, словно то, что произошло в зале, освободило его от невидимых пут. Сразу навалился груз неразрешенных вопросов. Почему он здесь? Почему не вышел к реке, как собирался? Кто привел его в город, и может ли он, как прежде, определять сам свои поступки? Сможет ли увидеть своих ребят? Хотя бы издали?

Он вышел на улицу. Там теперь было пустынно.

Холодные лучи закатного солнца уже не грели. Теперь, выйдя из зала, он вспомнил слово, которое писал на доске учитель. «ЧЕ-ЛО-ВЕК»...

На окраине обломки зданий перегородили улицу. Здесь уже никто не жил. Стиснув зубы, Филин шел все дальше, несмотря на нарастающую тревогу и ощущение опасности. На этот раз они его не остановят. Он обязательно выйдет к реке и найдет базу, найдет во что бы то ни стало. Чем бы ни закончился поход! Голос внутри него молчал.

Предметы постепенно обрели резкость, и Ротанов увидел склоненное над ним лицо доктора.

— Вам лучше? Что с вами произошло? — спросил доктор.

Ротанов хотел приподняться, но из этого ничего не получилось. Мышцы еще не слушались. Зато теперь он смог осмотреться и понять, что лежит в подземной палате базы.

— Давно я здесь?

— Вас привезли полчаса назад. По остаткам в игле я определил наркотик. К счастью, ничего серьезного. Лошадиная доза бруминала из группы барбутантов. Наркотик не имеет остаточных эффектов, но без моей помощи вы бы не смогли прийти в сознание... Синглиты никогда не применяли такого странного оружия.

— Синглиты здесь ни при чем. Кто меня нашел?

— Рация роллера оказалась включенной, но на вызовы не отвечала, и председатель выслал поисковую группу.

— Значит, их подвела рация... Простая случайность. Они сделали все, чтобы я не вернулся.

Доктор медленно упаковал инструменты, смахнул со стола остатки ампулы и тяжело вздохнул.

— Судя по всему, ваша миссия не имела успеха?

— Если бы только это...

Тело постепенно наливалось прежней силой, но вместе с тем Ротанов чувствовал странную усталость и безразличие.

Доктор взял свой саквояж и направился к двери.

— Отдыхайте. Вам теперь нужен покой.

— Сядьте, доктор. Давайте поговорим. Я уже в порядке, только не знаю, что делать дальше...

— Чем я могу помочь? Я предвидел, что из переговоров ничего не выйдет. Хорошо еще, что удалось вернуться.

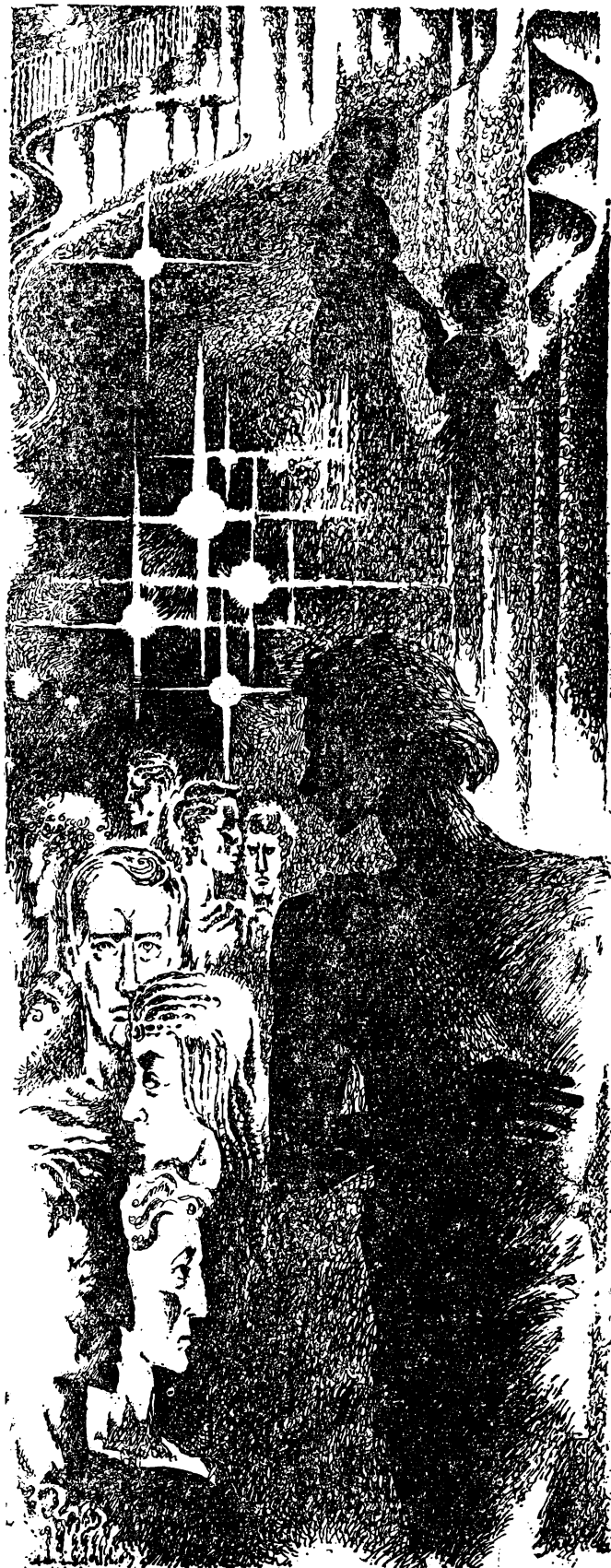
— Да не в переговорах дело! Вернее, не только в них. Я и не ждал, что сразу достигну конкретного результата. Но противодействия, открытой враждебности со стороны людей — тоже не ждал. Получается, мир нужен мне одному...

— Кого вы, собственно, имеете в виду?

— Прежде всего инженера и тех, кто думает так, как он, кто не может жить без войны.

— Инженер представляет группу фанатично настроенных молодых людей, их не так уж много.

— А ему и не надо много. Он задумал что-то серьезное, раз решился на открытое выступление.

— Вот даже как...

— Да, доктор, дела обстоят неважно. Он сжег за собой все мосты. Чтобы решиться на такой шаг, нужны серьезные причины. Не понимаю, что он задумал?

— Ну, это скоро выяснится. Жаль, что с нами нет Филина... Но я думаю, вы преувеличиваете значение инженера. Десять-пятнадцать человек при наших-то методах ведения войны, при современном оружии? Нет. Не верю, чтобы они были способны на что-то серьезное. Я думаю, ваше нынешнее настроение и эти опасения — всего лишь результат действия наркотика. Такая встряска для психики не проходит бесследно.

— Эх, доктор, вашими бы устами...

— Как только вы отдохнете, вы убедитесь в моей правоте...

Вскоре после ухода доктора в палату вошла Анна, катившая перед собой маленький столик на колесах. Из-под салфетки, накрывавшей столик, вырывались ароматные клубы пара. Ротанов только теперь почувствовал, как он голоден.

Уплетая куски хорошо прожаренного мяса и запивая его бульоном, он искоса поглядывал на девушку. Сегодня Анна выглядела печальней обычного. И Ротанов подумал, что вот и это милое существо он успел уже обидеть.

— Я принесла варенье, вы же любите сладкое... — нерешительно сказала она, открывая какую-то баночку.

— Нет, Аня, вы правильно догадались, конфеты я взял не для себя. Только обиделись напрасно.

— А я не обиделась. Я понимаю, вам нужен был подарок. Такой маленький сувенир для мужчины.

— Ого! Вы, оказывается, не такая уж и добрая!

— Я совсем не добрая. С чего мне быть доброй? Вы мне ничего не говорите, а я так ждала...

— Ждали? Чего?

Глаза у нее стали совсем круглыми от обиды.

— Вы даже не помните?... Не помните, что мне обещали?

— Ну, такие обещания не выполняются быстро...

— Я и не ждала быстро... Но мне казалось, мы друзья, и вы расскажете, как там у вас все получилось... А это правда, что на вас напали люди инженера?

— Правда.

— Я так и думала! Понимаете, перед уходом... Там есть один... У нас не так много женщин, и он... Только не подумайте, что я говорю вам это специально!

— Я и не думаю, — ответил Ротанов, пряча улыбку.

— Без этого вы не поймете!.. Ну так вот, этот парень, он со мной говорил перед тем, как инженер ушел со всеми своими людьми. Он словно бы хотел проститься.

— Подождите, Анна, постарайтесь вспомнить все, что он говорил, — Ротанов больше не улыбался.

— Точных слов я не помню. Да он и не говорил ничего определенного. Просто у меня сложилось впечатление, будто он прощается и может не вернуться больше. А еще раньше я слышала от него про какие-то штольни под городом. О них никто не знает, и там они прячут оружие или что-то другое, что-то такое, что им очень скоро понадобится. И еще он сказал, что я о нем услышу, что мы все еще о них услышим и пожалеем... ну, что не ценили их по-настоящему...

— Первый раз слышу об этих штольнях! — Председатель открыл круглый металлический сейф рядом со своим столом и стал доставать какие-то папки.

Ротанов на секунду прикрыл лицо рукой. Он все еще не справился с остатками наркотика, но после разговора с Анной не мог оставаться в постели.

— Инженер говорил мне о конфликте по поводу взрывчатки... Что у вас произошло?

— А вот смотрите сами, — он протянул ему папку. — Здесь у меня анализ расхода. Видите, не хватает почти ста килограммов, это только на одной операции! Я пытался выяснить, что он делает с этой взрывчаткой. Если бы я знал о штольнях...

— Вы думаете, он решится взорвать заводы?

— Не только заводы...

— Сколько же у него... Какова мощность взрывчатки? — Это старая взрывчатка, ее рецептуру привезли первые колонисты. Они вели с ее помощью горные и подземные работы. — Председатель пожевал губами, что-то подсчитывая. — Если он использует все сразу, от города ничего не останется.

— Неплохой выход, да? — жестко спросил Ротанов. — Одним ударом избавиться от всех проблем!

— Это ничего не даст, — председатель покачал головой. — Появятся новые синглиты. Проблема в люссах, синглиты только производная. И потом, заводы... Если он взорвет и заводы... Ведь наша техника существует, в основном, за счет трофеев...

— Вы еще не все сказали. Если мы лишимся заводов, исчезнет последняя надежда на ремонт прибывших кораблей. Ни один земной звездолет не сможет вернуться обратно. Мы не сможем наладить связь с Землей... В конце концов, это моя задача. Я обязан его остановить.

— Но вы его не догоните! Слишком много времени прошло!

— Я и не собираюсь его догонять.

— Что же тогда?

— Нужно предупредить синглитов.

Он увидел, как побледнел председатель.

— Вы понимаете, что говорите? Узнал об этом, они не остановятся ни перед чем...

— Инженер тоже не остановится.

— С ним еще пятнадцать человек, юнцы, которые слепо ему верят и вряд ли понимают, на что идут. Они все погибнут, синглиты не выпустят их живыми!

— Вы знаете другой способ предотвратить взрыв? — одними губами спросил Ротанов.

Роллер вылетел на знакомую опушку. Дальше до самого города лежало свободное от леса пространство. Отряд сопровождения, выделенный председателем, остался далеко позади.

Ротанов хорошо помнил о предупреждении: больше его не пустят в город. Так она сказала... Ну что же, посмотрим. Может быть, считанные минуты отделяют момент, когда серые полуразрушенные здания города превратят в прах предательский взрыв...

Не раздумывая больше, он двинул роллер вперед. В ту же секунду машина подпрыгнула от удара. Двигатель взорвался сразу, взрывная волна сорвала всю верхнюю часть платформы и подбросила ее вместе с Ротановым, — только это его и спасло... Выбравшись из-под обломков, он несколько секунд разглядывал дымящиеся остатки машины. На этот раз они не шутили...

Не отрываясь он смотрел на город. Казалось, где-то рядом тикает невидимый часовой механизм, отсчитывая последние мгновения жизни города... В хаосе огня и дыма исчезнет все... И вдруг он понял, что в эти секунды ему не жаль города. Потеряли значение мудрые доводы,

которые он совсем недавно приводил председателю. Ему все равно, если исчезнут заводы и все эти странные враждебные существа, населяющие серые развалины... В конце концов, он сделал все, что мог, все, что от него зависело... Одного он не мог допустить. Самой мысли: что не увидит ее больше. Женщину, которая укрыла его, вывела из города, ту, что, собственно, и женщиной не была в обычном понимании...

Это открытие потрясло его. Она стояла у него перед глазами такой, какой он видел ее в последний раз. С шоколадной кожей плеч, с тонкими запястьями рук...

— Постой,— сказал он себе.— Там что-то было, что-то знакомое на ее руке...

Он почувствовал, как сохнут губы от внезапного волнения, потому что уже догадался, для чего она носила в качестве браслета сероватые квадратики металла. Рука торопливо шарила во внутренних карманах куртки. Вот они, здесь, на месте, не понадобились никому, даже инженеру... Его маленький талисман, военный трофей... Пальцы лихорадочно ощупывали знакомую до мелочей поверхность. Где-то на третьем квадрате есть выступ. Он уходит вглубь, если его придавить... Раньше он думал, что это просто замок. Но это не только замок. Ничего не случилось, когда он десятки раз придавливал этот выступ. А все дело, может быть, в том, что браслет нужно сначала надеть на руку...

Не может, не должна сложная военно-техническая организация синглитов существовать без дальней связи...

Он ощутил легкое покалывание запястья. Какие-то мелкие искорки забегали внутри сероватой металлической поверхности браслета, а потом Ротанов услышал голос. То был всего лишь дежурный оператор, хотя он надеялся... Впрочем, это не имело значения, потому что теперь он знал уже наверняка — взрыва не будет.

Он начал говорить, выдавливая из себя слова, а перед ним, словно в замедленной киносъемке, проплывали лица тех, кто ушел с инженером и кого он предавал в эту минуту...

За далекими холмами, за лесом, висел у горизонта не заходящий багровый, распухший до чудовищных размеров кусок чужого светила. Все вокруг: скалы, реку и само небо — он окрашивал в неправдоподобный мертвенно-красный цвет. Еще двадцать дней он будет висеть над планетой, постепенно уменьшаясь, а потом над всем этим чужим, враждебным человеку миром наступит долгая шестимесячная ночь — сезон туманов.

Несколько дней Ротанов провел в помещении научного сектора, разбирая старые отчеты. Не сумев до сих пор разрешить ни одной проблемы, он теперь вынужден был фактически начинать сначала.

Что искал он в запыленных, пожелтевших от времени кипах бумаги? Ответ на какой вопрос?

Отряд инженера не вернулся. Сама возможность существования мира и ремонта корабельной электроники с помощью синглитов перестала существовать после попытки инженера взорвать город. Предупреждение Ротанова ничего не изменило. Синглиты усилили активность, увеличили количество засад, число нападений. Все больше людей не возвращалось из дозоров.

Через две недели, с наступлением сезона туманов, война закончится сама собой, чтобы вспыхнуть с новой силой следующей весной... А они, люди, все долгие зимние месяцы будут сидеть, как крысы, в своих подземных норах, не смея носа высунуть наружу, и ждать... Чего? Прилета второго корабля? Но что изменится? Ведь и новый

корабль попадет в те же условия, в ту же самую ловушку... Земля ничего не узнает, высылка следующей экспедиции может быть задержана на неопределенное количество лет...

Ротанов стоял на площадке перед пещерами. Последнее время он избегал общества колонистов, словно нес незримый груз вины за тех пятнадцать человек, что ушли с инженером и не вернулись... Он мысленно перебирал бесчисленное количество фактов, которыми теперь располагал, искал малейшую зацепку, чтобы сдвинуть с мертвой точки сегодняшнее положение дел, и ничего не находил... Возможно, прав был инженер, и выхода не было никакого, кроме войны до конца, на полное уничтожение? А совместное существование людей и синглитов попросту невозможно из-за биологической сущности синглитов?..

Из отчетов научного отдела он узнал, что люсы размножаются простым делением, как амёбы, а синглиты не размножаются вообще... Именно этот факт сводил на нет все его надежды на мир, потому что в таком случае цивилизация синглитов, если данные отчетов верны, могла существовать лишь за счет человеческих жизней, а следовательно, и впрямь должна быть уничтожена... Изолированная, она начнет регрессировать и все равно погибнет через какой-то срок, лишившись смены поколений. Конечно, синглиты понимали все это, какие уж тут переговоры о мире...

Оставалась надежда, что данные о биологической сущности синглитов ошибочны или неполны. Он не встретил ни одного ребенка или подростка — ни в городской толпе, ни в домах. Отчеты говорили о том же. Но, возможно, у них есть все же какой-то скрытый, не известный людям способ размножения?.. Это надо бы выяснить, слишком многое зависит от ответа на этот вопрос, но как выяснить? Вся дневная фаза существования синглитов изучена достаточно хорошо и не оставляет надежды. Зато ночная... Вроде бы на ночь они засыпают, но кто это проверял? Ночью наблюдения невозможны из-за люсов... До сих пор, во всяком случае, были невозможны. Но если у него, Ротанова, действительно иммунитет, то не ему ли и предстоит все это выяснить до конца?..

Ротанов поднимался по тропинке туда, где сквозь пелену тумана проступали неясные контуры корабля.

Если смотреть с тропинки вниз, казалось, где-то у самой кромки леса чуть ниже вершин деревьев колыхнется фиолетовое озеро. Скала совета, ближайшие холмы да и самый лес плавали в этом огромном озере тумана, словно большие неуклюжие острова. С каждым днем становилось холоднее, воздух пропитывался влагой, капли росы покрывали одежду, холодным дождем слетали с кустов на неосторожного путника, а туман поднимался все выше... Он уже перекрыл тропинки, отрезал друг от друга холмы и лес. Сделал невозможным связь с ближайшими постами. Радиоволны сквозь эту маслянистую густую пелену не проходили, в ней бесследно терялись предметы и люди...

Прежде чем окунуться в это ночное враждебное людям озеро тумана, он обязан был подготовиться к худшему варианту. К тому, что его иммунитет окажется ошибкой или не устоит при повторных встречах с люсами.

Рубка встретила его привычным запахом резины и пластмассы. В воздухе чувствовалась легкая затхлость, слишком долго не включалась система очистки воздуха, слишком редко бывал Ротанов на корабле. А корабль

тем временем, соединенный с пещерами туннелем, превратился в часть подземной крепости. Если удастся вернуться, жить он будет в своей каюте. Он старался не думать о том, как мало шансов у него вернуться.

Достал кассету с корабельным журналом и положил ее в аварийный бокс. Так надежнее. Тот, кто прилетит следом за ним, вскроет этот бокс и сможет ознакомиться с обстановкой. Неровным почерком торопливо набросал на двух отдельных листах свои последние наблюдения, предварительные выводы и рекомендации. Потом извлек из нагрудного кармана браслет синглита. В который уж раз надел его на запястье и пощелкал выключателем. Связи не было. Скорее всего, они выключили его браслет из своей системы... Подумав, он вздохнул и опустил браслет в бокс вслед за документами. Ну вот, теперь, пожалуй, все...

Рядом с аварийным боксом была стальная дверь со специальным кодовым замком. За нею хранилось личное оружие инспектора, пользоваться которым он имел право лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Ротанов внимательно осмотрел арсенал, по сравнению с которым лучеметы и тепловые излучатели, бывшие в ходу на планете, казались детскими игрушками. На этот раз ему могло понадобиться что-то по-настоящему мощное.

Он остановился на пульсаторе Максудова. Примерил его черную ребристую ручку, включил активатор. Пульсатор мог выбрасывать мюоны. Эти частицы мгновенно аннигилировали любую материю, встреченную на заданном расстоянии. Ценным в пульсаторе было и то, что при взрыве не выделялось радиации, материя полностью превращалась в тепло и свет. Мощность регулировалась в широких пределах, от заряда ручной гранаты — до нескольких мегатонн. Пожалуй, с помощью этого оружия он справится с люссами. Если понадобится, он уничтожит всю эту пакость в радиусе нескольких километров...

На складе Ротанов подобрал себе просторный брезентовый рюкзак с жесткими широкими лямками, положил в него запас концентратов, флягу с водой и надувную палатку. Оставалось перевести реактор на автоматический режим, чтобы колония могла использовать энергию корабля, даже если Ротанов не вернется.

Последний раз прошел весь корабль сверху донизу. Замок на двери шлюза он перевел на внутренний режим, и теперь в корабль можно было попасть только через подземный ход. Не успел выйти, как за воротник куртки попали первые капли росы. Ветер смахнул их откуда-то сверху, скорее всего — с обшивки. Борт корабля уходил круто вверх, терялся в дымке тумана, он был холодным и влажным на ощупь. Не задерживаясь больше и не оглядываясь, Ротанов пошел прочь.

Навстречу ему по тропинке поднималась толпа. Его поразило, как молчаливо шли люди. Лицо шедшего впереди показалось знакомым. Стало тоскливо от того, что не хватило какого-то получаса. Теперь ему, скорее всего, не дадут уйти, и он ничего не сделает, чтобы им в этом помешать. Человек, который шел впереди, был охотник. Один из тех, что ушли с инженером в его последний поход.

Охотник остановился в двух шагах от Ротанова. «Ну вот,— подумал Ротанов,— вот я и дождался того, кто имеет право судить меня...»

Он окинул взглядом бледный круг человеческих лиц — здесь не было ни доктора, ни председателя, ни Анны. Почему-то от этого ему стало легче.

— Я слушаю вас,— сказал Ротанов и сам не узнал своего казенного официального голоса.

— Не вернулось тринадцать человек.

Повисло долгое тяжелое молчание.

— Но вас было пятнадцать,— сказал наконец Ротанов.

— Инженера я не считаю, он нас обманул. Мне сказали, что ты выдал нас синглитам. Это правда?

— Да, это так,— сказал Ротанов.— И если бы все повторилось, я опять сделал бы то же самое.

Никто ему не ответил. Они старались не смотреть в его сторону.

— Прежде чем вы решите, что делать дальше, я должен знать, как все было. Это мое право.

Охотник кивнул, соглашаясь.

— Мы спустились в шахту, инженер сказал, что нужно забрать там трофейное оружие...

Он рассказывал долго, сбиваясь, останавливаясь и начиная сначала. Ротанов словно видел, как медленно шли эти люди по бесконечному подземному штреку, как метались по стенам тени от их фонарей. Вот дорога, наконец, кончилась. Они забрали оружие, не спеша пошли обратно, сгибаясь под тяжелой ношей. Инженер задержался и что-то сделал с оставшимися ящиками, потом догнал их, и они молча пошли все вместе, потому что о чем говорить, если дело сделано, а дорога известна... Под ногами у них хлюпала вода... Она сочилась из стен штрека... Инженер посмотрел на часы и предложил сделать привал. Он все время смотрел на часы и словно прислушивался, но ничего не происходило. Потом они пошли дальше, инженер то и дело отставал. Он шел, понурив голову, целиком уйдя в свои мысли. Выход из штрека оказался замурованным. Инженер даже не удивился, словно ждал этого. Тогда впервые прозвучали слова о предательстве... Они опять пошли в глубину подземных переходов — искать другой выход. Сворачивали в боковые штреки, теряли дорогу, теряли товарищей...

Постепенно гасли фонари, не рассчитанные на такое долгое время работы... Они не знали, сколько времени продолжались блуждания под землей. Когда последняя надежда покинула их, когда погас последний фонарь, они увидели синглита. Он стоял у поворота с ярким фонарем в руке и помахивал им, словно приглашал идти за собой. Они пошли. Шли долго. Не помнили, сколько поворотов было в этом подземном лабиринте. К штрекам и штольням, которые построили люди, прибавились бесчисленные новые горизонты. Им уже было все равно, куда идти, многие отставали или терялись при поворотах. Никто не останавливался, не ждал отставших. К концу пути их осталось пять человек... Инженер первым вышел на поверхность. Может, это было время короткой ночи, а может, остаток солнца прятался за верхушками деревьев, закрывавших горизонт. Тусклый свет едва пробивал густую дымку тумана, затянувшую все вокруг. Синглит поставил на землю фонарь, повернулся и ушел назад в подземелье... Они остались в лесу одни.

— Именно это они мне обещали...— сквозь зубы пробормотал Ротанов.— Отпустить вас на все четыре стороны...

— Инженер достал излучатель и выстрелил себе в голову. Почти сразу же мы услышали сухой шелест и увидели, что сквозь пелену тумана со всех сторон на нас ползет что-то плотное, белое, как пар. Тот, кто стоял дальше всех, закричал, все бросились врассыпную... Дальше я плохо помню... Бежал через лес... Стрелял... В общем, повезло.

— Другие тоже стреляли?

— Нет. Я не слышал выстрелов.

— Вас преследовали? Была хоть одна попытка нападения?

— Нет. Я почти сразу влез на скалу и стал стрелять вниз. Может быть, поэтому...

— А потом — в дороге? Ни одного нападения?

— Нет. Лес словно вымер... Вы хотите сказать, что я... Что они специально выпустили меня... Чтобы я рассказал?

— Возможно. Теперь это не имеет значения... Так что же вы решили?

На некоторое время после его вопроса вновь повисла гнетущая тишина. Потом охотник заговорил, глядя в сторону:

— У нас тут не бывает суда. Тот, кто совершает преступление или предательство, попросту уходит в лес ночью.

— Собственно, это я и собирался сделать...

Ротанов поправил рюкзак и пошел вниз. Люди расступились, перед ним образовался широкий коридор.

Подошвы тяжелых ботинок скользили по мокрым, поросшим мхом камням. Он шел медленно и с каждым шагом словно все глубже погружался в воду. Сначала в тумане исчезли выступы пещер, площадка, на которой стояли люди. Потом не стало видно корабля, его бортовых огней, которые долго провожали его, словно глаза живого существа. А снизу, из белесого марева, доносились протяжные вопли. Это орала цыки — гигантские перепончатые мухи, похожие на летучих мышей. Всегда они так орут накануне сезона туманов...

Формально синглиты выполнили обещание. Наверное, с их точки зрения, ему не на что обижаться. Он и не обижался. Не чувствовал даже гнева. Только тоску и горечь. И еще — с каждым шагом, удалявшим его от людей, все сильней наваливалось одиночество.

Пройдя с километр, он остановился и отвязал от рюкзака пульсатор. Туман все еще был достаточно про-

зрачен, чтобы видеть перед собой шагов на десять. Он установил на дистанционной шкале полтора километра, отрегулировал мощность и нажал спуск. В общем-то, ему было наплевать на люссов, но он знал, что в городе, скорее всего, начнет стрелять, чтобы сделать все то, чего не успел инженер. Нужно было проверить, не пострадали ли сложные механизмы пульсатора во время пространственного перехода. После отказа компьютера он не доверял ни одному механизму, взятому с корабля.

Пульсатор оказался в полном порядке. Впереди вырос ослепительный голубой шар, и почти сразу в лицо хлестнуло сухим раскаленным воздухом. Только после этого донесся рев взрыва и треск расходящегося веером пожара.

Он подождал, пока огонь заглохнет в мокром, как губка, лесу, и пошел дальше. От теплового удара грязь высохла и потрескалась. Он шел теперь словно по асфальту. Под ногами хрустели обуглившиеся скелеты деревьев.

Никто не остановил Филина ни в городе, ни потом, в лесу... На этот раз ему удалось выйти к реке. Отсюда уже рукой было подать до базы. Он пошел вдоль берега вверх по течению. Река блестела под солнцем, словно зеркало, она то и дело меняла направление, пробираясь сквозь густые заросли и завалы. Совершенно неожиданно, выбравшись к широкой заводи, он натолкнулся на кучки белья, разложенные на берегу... Филин остановился, чувствуя, что от волнения кружится голова. В реке, в каких-то десяти шагах, купались его недавние товарищи. Забыв обо всем, он побежал к ним, крича что-то неразборчивое, нелепое, и вдруг остановился, словно налетел на стену: они медленно пятились от него в ледя-

ную воду все глубже и глубже, и в глазах у них был ужас.

— Оборотены! — крикнул кто-то. — Это же оборотены! Так называли синглитов, не прошедших целого цикла и больше других походивших на людей.

— А ну, пошел отсюда!

Они махали на него, шикали, плескали водой, и теперь уже он медленно пятился от них, а они так же медленно, осторожно наступали. Он видел взгляды, которые они бросали на лежащее у берега оружие, и понимал, что как только они смогут дотянуться до него, сразу же начнут стрелять. Понимал это и тем не менее продолжал отступать все дальше и дальше, позволяя им с каждым шагом приближаться к оружию. Наверное, он заплакал бы, если бы мог, но в глазах не было ничего, кроме сухого жжения. И вдруг голос в его голове, молчавший с тех пор, как он сбежал из города, впервые пробудился и шепнул: «Беги!» Филин повернулся и побежал. Почти сразу за его спиной раздались первые выстрелы. Стреляли они неточно, и, убегая, он успел заметить и навсегда запомнил, как постепенно страх в их глазах переходил в брезгливое, почти животное отвращение. Оно было хуже всего... Филин бежал по лесу, механически путая след, петляя, как бегал совсем еще недавно, когда его преследовали синглиты. Острые иголки кустарников рвали одежду, воззались в тело, но он не чувствовал боли, не чувствовал усталости и мог увеличивать скорость все больше и больше, словно не было пределов возможностям его нового тела. Ветер свистел в ушах, густой кустарник он пробивал с ходу, и долго еще в воздухе кружились обрывки веток и листьев.

«Как же сердце выдерживает такое напряжение? — подумал он вдруг, прислушался и не услышал его ритмичных ударов, у него попросту не было сердца. — А легкие? Почему они не разрываются изнутри от натуги, сляясь протолкнуть очередную порцию воздуха? — И тут же понял, что дышит по привычке, что может вообще не дышать. — Не удивительно, что они испугались. Я бы и сам испугался, встретив такого монстра...»

— Ты не монстр, — сказал голос.

— Кто же я? Я ведь мыслю так, как будто я и есть прежний Филин. У меня его память, его желания. Но Филина нет. Он погиб, уничтожен люссом... Так кто же я?

— Ты — это ты, и не надо забивать голову чепухой! Тебе хочется жить?

— Да, — честно ответил Филин.

— Вот и живи. Радуйся жизни. У тебя будет долгая жизнь.

— Но ведь этого мало — чувствовать себя здоровым и неутомимым, радоваться солнцу и жизни... — сказал он и сам усомнился в том, что этого так уж мало. Однако голос не стал возражать.

— У тебя будет не только это.

— Что же еще?

— У тебя будет искусство, не доступное людям. У тебя будут друзья настолько близкие, что в человеческом обществе ты не мог бы об этом и мечтать. Люди всю жизнь стремятся к близости и вечно выдумывают себе барьеры, одиночество, тоску — ничего этого не будет у тебя теперь. Ты сможешь жить равным среди своих братьев. Будешь знать все, что знают они.

— Вы отпустили меня к людям... Чтобы я сам убедился в том, что возврата нет?

— Ты можешь поступать так, как хочешь. У нас нет принуждения. Каждый сам решает, как ему поступить, я могу лишь советовать.

— Кто ты?

— Твой наставник. Через много циклов, когда твое знание сравняется с моим, ты сам сможешь стать наставником.

— Что такое цикл?

— Ты хочешь знать все сразу. Цикл — это рубеж времени. Ты не поймешь, если я стану объяснять словами, но очень скоро, как только наступит сезон туманов, ты сам узнаешь, что такое цикл.

Голос умолк. С удивлением Филин вспомнил, что почти забыл о преследователях, перестал думать о направлении, — так увлекла его беседа. Теперь он был далеко от реки. Кустарник встречался все реже, местность стала знакомой. Он знал, что за низкими холмами вскоре откроется город...

«В городе мы работаем и воюем, но живем мы не здесь», — сказал ему голос невидимого наставника.

И вот теперь он сидел в вагоне странного подземного поезда, о существовании которого раньше не подозревал. Прямой, как стрела, туннель пронизывал планету и выходил на поверхность за много тысяч километров от города, построенного когда-то людьми и превращенного многолетней войной в груды унылых развалин. Закрыв глаза, Филин мог видеть схему туннеля, устройство этого необычного поезда, не нуждавшегося для своего движения ни в какой энергии, кроме притяжения планеты. Мог, не трогаясь с места, как бы переходить из вагона в вагон, участвовать в разговорах, слушать...

В машинном отделении управляющий поездом потянул рычаг. Поезд тронулся, несколько суток он будет теперь лететь в безвоздушном пространстве туннеля все быстрее и быстрее, чтобы потом, минуя середину, ту точку, где он окажется ближе всего к центру планеты, начать замедляться и совсем остановиться у противоположного выхода...

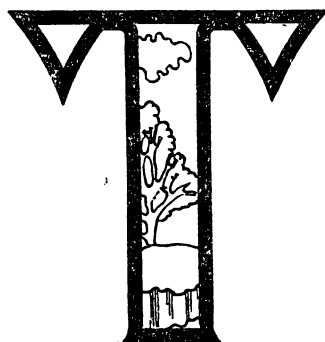
ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ЯЗЫК ЗЕМЛИ

Краткий словарь географических названий Урала

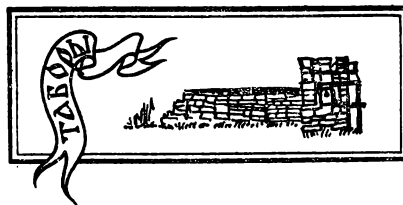
**Александр
МАТВЕЕВ**

Оформление
З. Баженовой

ТАБОРЫ, село на правом берегу реки Тавды в устье речки Таборинки, центр Таборинского района Свердловской области.

Таборинская слобода (в документах XVII века также — Табары, Таборы, Тоборы) возникла в первой четверти XVII столетия. Еще раньше здесь была Таборинская волость, которую населяли «табаринские татаровья и вагуличи, мурзы и сотники».

Как сообщает Г. Ф. Миллер в своей «Истории Сибири», в 1583 году «казаки пришли к вогулам, во главе которых стоял Табар, или, по их произношению, Тобар. От этого Табара ведет свое название главное местечко этой волости — Табаринский городок или Табаринская слобода».

Трудно сказать, имеет ли имя Табар (Тобар) какое-нибудь отношение к тюркскому *табур* — «укрепление» и русскому диалектному *таборы* — «городище», «место с остатками древних укреплений», а в конечном счете и к цыганскому *табору*.

ТАВАТУИ, большое горное озеро северо-западнее Свердловска. Название легко разложить на коми-пермяцкие слова *та ва туй* — «этот водный путь». Существует и легенда о проводнике-коми, который показал русским озеро и сказал, что надо идти водным путем.

Есть и другое объяснение. Краевед В. А. Ложкин толкует это название из татарского языка как «Пир гор» (*тау* — «гора», *туй* — «пир»): горы собрались к озеру, как гости к столу.

Совсем неудачно толкование из мансийского языка: *товт* — «гарь», *уй* — «зверь», «животное», а в целом — «Какое-то животное, пасущееся по гари» (??).

ТАВДА, река в Свердловской и Тюменской областях, левый приток Тобола, образуется при слиянии Лозьвы и Сосьвы (Южной). По реке Тавде получили название город Тавда в Свердловской области и рабочий поселок Нижняя Тавда — в Тюменской.

В 1912 году началось сооружение железной дороги Ирбит — Тавда, и на берегу Тавды возникло небольшое поселение, а в 1937 году Тавда стала городом.

Русское название реки отражает одну из форм ее мансийского наименования Таут, известному наряду с Тьут и Тэут (другие варианты Тагт, Таыт относятся и к Северной Сосьве). Северная Сосьва (мансийское Тагт), Южная Сосьва (мансийское Ось-Тагт), Тавда (мансийское Тагт, Таут, Тьут, Тэут), а также Тавда — все эти названия из-за их соответствия нельзя отрывать друг от друга. Однако именно из этого сопоставления следует, что название Тавда (мансийское Таут) стоит несколько особняком и, более того, свидетельствует против возможной связи мансийских слов *тагт* и *тайт* — «рукав» (смотрите Сосьва).

ТАВОЛЖАННОЕ, большое озеро к югу от города Шадринска в Курганской области. По названию многолетнего лугового растения таволга (таволжанка, таволжка), или лабазник, название которого заимствовано из тюркских языков: татарское и

Продолжение. Начало см. в № 1—3, 5—10, 12, 1978 г., № 2, 1979 г.

башкирское *тубылгы*, киргизское *табылга* — «таволга».

На Урале много речных названий со словом таволга: речка Таволжанка — правый приток Чусовой, речка Таволга — правый приток Нейвы... Озеро Таволжан есть в Павлодарской области Казахской ССР.

ТАГАНАЙ, хребет на Южном Урале близ города Златоуста. Высшая отметка — 1178 метров. Традиционно объясняют из татарско-башкирских слов *таган* — «подставка», «опора» и *ай* — «луна», как «Подставка луны», «Опора луны». Эта красивая и в смысловом отношении прозрачная метафора встречается, однако, с трудностями грамматического характера: переводить надо «Подставка-луна». Возможно, по этой причине Г. Е. Корнилов пытается возвести Таганай к башкирскому *тыузан ай тау* — «восходящей луны гора».

Никакой необходимости в этом сложном построении нет, так как тюркское *ай* — «Луна» нередко употребляется метафорически для обозначения, чего-либо красивого. Поэтому перевод «Подставка-луна» совсем не так неудачен, как это кажется на первый взгляд. Намного лучше все же толковать не «Подставка-луна», а «Таган-луна», используя и в переводе тюркское слово *таган* — «треножник (железная подставка для котла на трех ножках)».

Образное видение местных татар или башкир нашло в горном хребте подобие треноги, тагана, весьма важного предмета стародавнего тюркского быта. Именно это засвидетельствовано многотомным изданием «Россия», где указывается, что Таганай — горный кряж, на котором три вершины — Большой, Средний и Малый Таганай. А Петр Паллас писал: «Треглавая высокая и ныне еще снегом покрытая (гора) Таганай, которая при Ае наивысочайшей считается горю». Образ этот, видимо, довольно распространен: в Башкирии есть и гора Таганташ — «Таганкамень».

В русских документах XVII века упоминается «Таганаева волость» на левом берегу Белой против реки Бирь. Возможно, что в этом случае Таганай — антропоним, но о его связи с названием горы Таганай ничего не известно.

ТАГИЛ, река в Свердловской области, правый приток Туры. На

реке Тагил в 1725 году начал действовать Нижнетагильский чугуноплавильный завод, ныне крупнейший промышленный центр Нижний Тагил, который стал городом в 1917 году. В верховьях Тагила находится Верхний Тагил (город с 1966 года), в прошлом Верхнетагильский чугуноплавильный и железоделательный завод, строительство которого началось в 1712 году.

Если оставить в стороне наивные объяснения: из татарских *таг* — «еще» и *ыл* — «река» (фактически елга) или древнетюркского *юл* — «источник», «ручей», а также из мансийского *тахтыль* — «голубика» (фактически тахтпил), то наибольшего внимания заслуживают две версии.

В XIX веке Д. Европеус в своей статье «Об угорском народе» рассматривает и название Тагиль (в старину эта форма была широко распространена и, начиная с XVI века, неоднократно засвидетельствована в грамотах, она встречается даже в XX веке, например, в «Энциклопедическом словаре» Граната). По его мнению, топоним Тагиль восходит к хантыйскому *тагет*, южномансийскому *тагил* — «протока», «рукав реки», «приток». Однако южномансийское *тагил* нигде не засвидетельствовано и сконструировано самим Д. Европеусом на основе весьма произвольно толкуемого соотношения между мансийскими и хантыйскими звуками *т* и *л*.

Тюркская версия построена на том, что компонент *таг* отражает древнетюркское слово *таг* в значении «гора». Окончание *ил* можно перевести по-разному: *ил* (древнетюркское *эл*) — «страна», «родина» или *юл* (древнетюркское *ёл*) — «дорога», то есть «Горная страна» или «Горная дорога».

Интересные казахские названия приводит Е. Койчубаев — Жаксы Тагылы и Жаман Тагылы — «Хорошие Тагылы» и «Плохие Тагылы», при этом слово *тагылы* рассматривается как казахское («с дичью», то есть «местность с дикими животными») или древнетюркское *таг* — «гора», *лы* — тюркский суффикс прилагательного, то есть Тагылы — «Горная» или «Гористая (местность)». Конечно, и в этой гипотезе пока много спорного, но она намного убедительнее, чем угорская версия.

ТАЛИЦА, город на востоке Свердловской области и станция на железной дороге Свердловск — Тю-

мень. Первоначальное поселение возникло здесь в середине XVIII века, когда при впадении Талого Ключа в Пышму был построен винокуренный завод. Городом Талица стала в 1942 году.

На Урале, и вообще в России, множество речек и родников с названиями Талая, Талица, Талец, Талый Ключ. Все они образованы от общеизвестного слова талый и обозначают речку или родник, который или вообще не покрывается льдом или на котором часто встречаются полыньи. По названию водоемов получили свои имена и некоторые населенные пункты, в их числе и город Талица (раньше Талицкий Завод).

ТАНАЛЫК, река в Башкирской АССР и Оренбургской области, правый приток реки Урал. Башкирско-татарское *тана* — «телка», *лык* — суффикс, обозначающий места скопления каких-либо предметов, следовательно, — «Телячья (река)».

ТЕПЛАЯ ГОРА, рабочий поселок в Горнозаводском районе Пермской области на участке железной дороги между Кушвой и Чусовым. Теплогорский металлургический завод основан в 1884 году, вскоре после постройки Горнозаводской железной дороги.

Населенный пункт Теплая Гора расположен на высоком месте. Местное население рассказывает: «Раньше, при гужевом транспорте, возчики, поднимаясь сюда, проливали «семь потов», даже в сильные морозы им становилось жарко. Народ поэтому и прозвал поселок Теплой Горой».

Может быть, этот рассказ и соответствует истине, но название Теплая Гора встречается часто. Есть такая гора между Первоуральском и Билимбаем, еще одна — в верховьях Нейвы. Видимо, «теплыми» становились горы и по другим причинам, например, если на их крутых склонах, особенно южных и восточных, рано таял снег.

ТЕЧА, река в Челябинской и Курганской областях, правый приток Исети. Интересная этимология принадлежит В. А. Ложкину: из татарского слова *тыче* со значением «пресный» (*тыче су* — «пресная вода»). В бассейне Течи много соленых озер, поэтому само по себе такое название вполне возможно.

Но есть и возражение: в путевых записках путешественника XVIII века Фалька указано, что Теча по-башкирски Динц. Между словами Теча и Динц есть определенное звуковое сходство, но оно не укладывается в обычные рамки татаро-башкирских или русско-татарских звуковых соответствий. Еще интереснее, что по звуковому облику это слово

скорее татарское, напоминая *динче* — «верующий», «религиозный», «служитель культа».

Еще одну загадку предлагает И. И. Лепехин, который, правда, в одном только случае называет Течу Писимой.

ТИСА, левый приток Сылвы в Пермской области, в устье Тисы старинное село Тис.

Это название неоднократно сопоставлялось с левым притоком Дуная рекой Тисой (Тиссой), протекающей по территориям СССР, Венгрии и Югославии. Такое сопоставление не обосновано. Название Тиса (приток Дуная) специалисты считают довенгерским (венгры пришли на Дунай в IX веке), в древних документах оно писалось Патиссус, или Тиссус. Перед нами — случайное совпадение.

ТОБОЛ (казахское Тобыл, татарское Тобол), река в Казахской ССР, Курганской и Тюменской областях, левый приток Иртыша. В 1587 году на правом берегу Иртыша, близ устья Тобола, отрядом казаков был основан Тобольский острог. До начала XVIII века Тобольск — главный административный центр Сибири, с 1708 года — центр Сибирской губернии, с 1796 года — Тобольской губернии. После того, как была построена Транссибирская железнодорожная магистраль, значение Тобола упало, хотя он был губернским городом до 1919 года.

Названию Тобол удивительно vezet на нелепые объяснения. Здесь и казахское *ту* — «знамя» в сочетании с глаголом *булу* — «разделить», что вместе якобы означает «разграничительный знак», «граница», «межа», то есть «Пограничная река», и татарское *табылу* — «находиться» и, наконец, наилучшее из всех этих, но тоже спорное сопоставление с названием растения *таволга* (лабазник) — казахское *тобылгы*, татарское *тубылгы*.

Правда, В. Н. Татищев защищает эту этимологию: «Тобол татары именуют Табул от множества растущего на ней дерева, по их табул, по-русски таволга». Эту же этимологию поддерживает и спутник Фалька, путешественника XVIII века, подлекарь Барданес: «Таволга по-киргизски табул, по-башкирски тобол, от которого и река получила свое название». Однако сам Фальк придерживался иной точки зрения:

название Тобол происходит от имени хана Тоболока или его города Тобол-туры.

В Зауралье есть и другие названия на гласный звук плюс *л* (Тондол, Вагиль). Поэтому, может быть, и так, что перед нами очень древнее название — дотатарское и доказательное, в окончании которого скрывается обозначение реки. В связи с этим интересно, что в древнетюркском языке *юл* — «источник», «ручей».

ТОГУЗАК, правый приток реки Уй в Челябинской области и Казахской ССР. Е. Койчубаев в «Кратком толковом словаре топонимов Казахстана» приводит еще одноименное урочище Тогузак в Алма-Атинской области. Его объяснение: от тюркского «девять источников» или «девять разветвлений» (казахское *тогыз* — «девять»). Так называлось одно из казахских родоплеменных объединений. В отчете Барданеса, спутника Фалька, река названа Тогузак, Тогузак-елга, то есть «Река Тогузак».

ТОШЕМКА, название рек в Свердловской области — Северной Тошемки, притока Лозьвы, который образуется при слиянии Малой и Большой Тошемки, и Тошемки, левого притока реки Ивдель, впадающей в Лозьву. Из западномансийского *тошам* (северномансийское *тосам*) — «сухой», сначала, видимо, Тосамъя или Тошамъя (я — «река»), то есть «Сухая река».

В бассейне Лозьвы есть еще несколько маленьких речек, которые на картах фигурируют в виде Тошемъя, но фактически произносятся Тосамъя.

В целом картина ясная, но есть одна тонкость. Сами лозьвинские манси называют Северную Тошемку (вместе с Большой Тошемкой) Томпусум, причем этот топоним они не могут перевести на русский язык, а Малую Тошемку — Пуп-унлын-я — «Река, на которой стоит идол». Видимо, русское название Северная Тошемка восходит к какому-то из несуществующих сейчас мансийских наречий.

ТРОИЦК, город в Челябинской области, на левом берегу реки Уй в устье реки Увельки. В 1743 году во время устройства так называемой Уйской укрепленной линии для защиты вновь освоенных зауральских земель от нападений кочевников была построена и Троицкая крепость.

Обстоятельства возникновения этого названия таковы. И. И. Неплюев, вступая в должность наместника Оренбургского края и объезжая область, остановился на этом месте лагерем в день святой Троицы.

В 1784 году Троицк стал уездным городом.

ТУГУЛЫМ, рабочий поселок на востоке Свердловской области, центр Тугулымского района (левобережье Пышмы). В «Дневных записках» Фалька (XVIII век) упоминается Тугулуйский погост на Пышме. Еще в одном документе конца XVIII века говорится о селе Тугулымском над рекой Тугулымкою.

Название, безусловно, татарского происхождения, но возможностей для объяснения слишком много, к тому же не понятно, что первично — название реки или населенного пункта. Интересно татарское *тугулма* — «примешанный», «смешанный». Окончательное мнение можно высказать только в том случае, если где-нибудь записана татарская форма названия или этот топоним еще сохранился у тюменских татар.

ТУЙМАЗЫ, город в Башкирской АССР, к западу от Уфы. В 1937 году на Уфимской железной дороге возник рабочий поселок Туймазы, развитие которого связано с открытием Туймазынского месторождения нефти. В 1960 году Туймазы стали городом. В нескольких километрах от города находится село Старые Туймазы.

О возникновении этого названия интересные данные сообщает Г. В. Вахрушев в статье «Значение топонимики в познании недр Башкирии»: На р. Западный Ик с давних пор известна пещера под названием «Керез-Тишик» (сотоявая дыра). Окрестности пещеры... напоминают гигантский пчелиный сот. Это огромное карстовое поле, усеянное провальными воронками, которые поглощают все поверхностные воды. Поэтому два соседних селения называются: одно — Туймазы («Ненасытное»), второе — Ютазы («Проглатывающее»). Башкирско-татарское слово *туймас* действительно означает «ненасытный», «прожорливый».

ТУЛВА, левый приток Камы. Сравнивали с мансийским *туль* — «туман» (фактически *тул* — «облако», а «туман» по-мансийски *сэнгкв*), якобы за недостаточной прозрачной воду, а также с коми *тул* — «гвоздь», «клин», «кляп» и *тола* — «сугроб». Первые два сопоставления неверны, да и последнее весьма сомнительно, хотя местные татары называют реку Тол. Видимо, какое-то древнее название, получившее коми-пермяцкое оформление на *ва* — «вода».

ТУЛЫМСКИЙ КАМЕНЬ, хребет на Северном Урале между Вишерой и ее левым притоком Большой Мойвой (Пермская область). Наибольшая высота — 1377 метров. Манси называют этот хребет Лувнёр — «Лошадь-гора» за своеобразную форму, слегка напоминающую круп лошади.

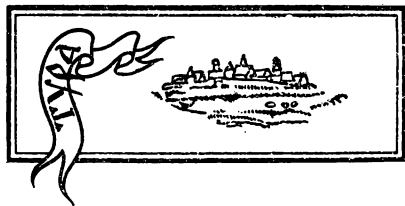
Происхождение названия Тулымский Камень прозрачно. Термин *тулым* известен в татарских говорах в значении «камни, торчащие из реки», а в коми-язьвинском наречии его значение — «речной порог». Он широко распространен и в русских диалектах горной части Приуралья в значениях «камни в реке», «порог», «перекат с камнями». Отражен этот термин и в топонимии: речки с названием Тулымка или Тулумка есть в бассейнах Чусовой, Косьвы, Язьвы.

Как раз против Тулымского Камня Вишера пробивает свой путь через пороги. Русские когда-то пользовались Вишерой и ее притоком Вёлсом, чтобы попасть в Зауралье, поэтому неудивительно, что они окрестили близко подходящий к реке могучий хребет по наиболее характерной и важной примете — порогам.

А вот с происхождением самого слова *тулым* не все ясно. Оно, безусловно, не русское и скорее всего не финно-угорское. Возможно, это тюркизм.

ТУМПКАПАЙ, гора (1152 метра) на Северном Урале. В записях XIX века встречается только в форме Капай-тумп. На современных картах и в справочниках часто приводится с ошибкой — Гумпкапай.

Мансийское *тумп* — «отдельная гора», *капай* — «великан», то есть «Гора-великан». Этот Тумп действительно выглядит весьма впечатляюще.

ТУРА, река в Свердловской и Тюменской областях, левый приток Тобола. На реке (сверху вниз) города Верхняя Тура, Нижняя Тура, Верхотурье, Туринск и село Туринская Слобода (все в Свердловской области).

Самый древний из туринских городов, а также из всех городов Свердловской области — Верхотурье. Он был поставлен в 1598 году на месте древнего чудского городка Неромкара или Неромкура, имя которого до сих пор живет в названии притока Туры реки Неромки. Возникновение Верхотурья прямо связано с прокладкой нового пути через Урал — Бабиновской дороги Соликамск — Верхотурье.

Города Верхняя Тура и Нижняя Тура развились из поселков Верхнетуринского и Нижнетуринского металлургических заводов, построенных в середине XVIII столетия. Ранг города они получили в 1941 и в 1949

годах. Любопытно, что Верхотурье расположено по реке ниже, чем Нижняя Тура. Это обычная причуда топонимической системы: пару образуют Верхняя и Нижняя Тура, а для Верхотурья нижними являются Туринск и Туринская Слобода.

Туринск возник вскоре после Верхотурья — в 1600 году на месте татарского поселения Епанчин Юрт, где «прежде жил знатный татарский мурза, Епанча прозываемый» (И. И. Лепехин), был поставлен Туринский острог, положивший начало будущему городу, который, как это ни курьезно, никогда не утверждался в ранге города, но всегда считался им по традиции.

Село Туринская Слобода находится недалеко от устья Ницы. Слобода эта была основана в XVII веке.

Название реки Туры, начиная с Г. Ф. Миллера, возводят к татарскому (и шире — к тюркскому) *тура* — «город», поскольку на Туре был расположен такой важный центр западносибирских татар, как город Тюмень или Чинги-Тура. Попытки найти объяснения в других источниках — обско-угорских и иранских языках — совсем неудачны.

Известно следующее: западносибирские татары называют Туру — Туре (Г. Ф. Миллер), манси — Тээр, Тэрэ, Тэрэя, Тээрэ, в недавних записях Г. В. Глинских — Тырье. Мансийское название на обско-угорской почве не получает сколько-нибудь убедительного толкования, так что в основе, наверное, тюркский топоним (хотя Г. Ф. Миллер допускал и обратное). Но река называется Туре, а город — Тура, и это создает значительные трудности для сравнения.

ТЫПЫЛ, правый приток Косьвы в Пермской области. Это название находится в окружении типичной коми-пермяцкой топонимии (Косьва, Яйва) и легко объясняется при помощи коми-пермяцкого языка (*тыпыл* — «карась»). Но откуда караси в горной речке? Дело в том, что в верховьях Тыпыла большие болота. Может быть, здесь некогда были и карасевые озера.

ТЮМЕНЬ, город на правом берегу Туры, центр Тюменской области. Основан в 1586 году на месте татарского поселения Чимги-Тура, или Чинги-Тура, построенного, по преданию, ханом Тайбугой во времена Чингис-хана. Предполагают, что Чимги, Чинги — вариант собственного имени Чингис, а *тура* по-татарски «город», «городок», «укрепленное место», «крепость», значит Чинги-Тура в конечном счете — «Город Чингиса».

Как записано в летописи, русские «доидоша до Тюменкова городища и поставиша первый город в Сибири Тюмень». Значит, название

Тюмень было известно и до прихода русских в Западную Сибирь. И верно: о царстве Тюмень и татарском князе Тюменском за несколько десятков лет до основания Тюмени писал в своих знаменитых «Записках о московских делах» барон Сигизмунд Герберштейн. Упоминается Тюмень и в некоторых русских памятниках XV века.

Какой смысл таится в этом названии? Есть одна интересная деталь. В XVI—XVII веках еще один город Тюмень со своим тюменским князем находился на Северном Кавказе недалеко от устья Терека. Были некогда на территории нашей страны и другие Тюмени: видно, означало это слово что-то важное.

И уже в XVIII веке было высказано мнение, что название Тюмень — татарское слово со значением «десять тысяч». Эта старинная версия является единственно верной, но с одной поправкой: источник названия, возможно, — не татарский, а древнемонгольский, где было слово *тумэн* — «тьма», «десять тысяч», «бесчисленное множество». Правда, есть и древнетюркское *тюмян* — «десять тысяч», «очень много».

Одни ученые считают, что монгольское слово проникло в тюркские языки, другие — наоборот, так что трудно сказать, монгольским или тюркским было это слово и откуда оно попало в русский язык. Но так или иначе в период монголо-татарского господства слово *тумэн* или *тюмян* распространилось на обширной территории от Кавказа до Сибири.

Может возникнуть вопрос: что за странное для города название — «Десять тысяч»? А дело в том, что древнемонгольское *тумэн* обозначало и войско в десять тысяч человек и большое племя, которое снаряжал такое войско, и всю территорию этого племени. Очевидно, и русские словом Тюмень сначала называли не город, а целую область. Затем значение сузилось: название области было перенесено на новый город, а прежнее наименование татарского городка Чимги-Тура, или Чинги-Тура, постепенно забылось.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ИЗ МУЗЕЯ В МУЗЕЙ

См. 2-ю стр. обложки.

**Юрий
РЯЗАНОВ**

А стоило бы приглядеться к этому Новому завету внимательнее.

Первые листы книги — рукописные. Поэтому, вероятно, в экземплярной карточке она определена как рукопись. Далее следует печатное предисловие, набранное мелким, характерным по рисунку для киевских изданий XVII—XVIII веков, строчным шрифтом, да и подпись не оставляет сомнения, что эта книга сработана киево-печерскими друкарями.

И хотя страницы предисловия по размеру точно соответствуют основному блоку книги, в одну восьмую листа, при более тщательном рассмотрении становится очевидным: шрифты похожи по рисунку, но рознятся. Шрифт Нового завета четче, красивее того, каким набрано предисловие, страницы которого к тому же обрамлены линейками. Отличается и бумага — по фактуре и оттенку.

Даже при беглом просмотре мне запечатлелись и красивая, плотная верстка и, хотя и мелкий, но хорошо читаемый шрифт, тонкий и четкий, и очень гармонично соединенные с прямоугольниками набора, соразмерные малые заставки типа федоровских.

Но что за невидаль — оттиски с подлинных досок, резанных самим первопечатником Иваном Федоровым Москвитиним и довольно часто встречавшиеся в изданиях XVI, XVII, XVIII и даже начала XIX веков. Однако в этой книжке их было что-то слишком много. Уж не сам ли Федоров передо мной?

Несколько лет я мечтаю разыскать подлинный федоровский экземпляр (позднее переиздание острожской Библии 1581 года в моей коллекции имеется), но не так просто осуществить эту мечту. Обнаружение любой книги русского первопечатника — событие огромной важности. Достаточно сказать, что каждый известный экземпляр федоровских изданий не только учтен, но и описан во всех подробностях, потому что представляет большую научную и культурную ценность: ведь любая первопечатная книга еще и произведение древнерусского искусства.

Поэтому меня что-то сразу привлекло в очередной книге, взятой с полки стального шкафа-сейфа. Это «что-то» были и общий вид страниц, выдававший руку замечательного Мастера, и заставки растительного орнамента — тонкий белый штрих по черному фону, и изящные, легкие переплетения линий ажурных концовок, и чистая яркая кинovarь заголовков. Все орнаментальные украшения, несомненно, были федоровские.

И тут мне вспомнилось, что при напечатании в Остроге Нового завета в 1580 году одна концовка у Федорова, попросту говоря, поломавалась. И вот в одной части книги эта легкая, как росчерк пера, концовка отпечатана в первоизданном виде, а в другой — с дефектом, со сбитым внизу закруглением.

Тут я, приблизившись к окошку, стал не спеша переворачивать лист за листом, уже уверенный — интуиция, что ли! — в моих ладонях — федоровский Новый завет. И точно, вот она концовка — завитушка, цельнохонькая, далее же это орнаментальное украшение оттиснуто с вышербом.

О своих догадках я никому не сказал, хотя радость находки была велика. Дело в том, что сначала следовало точно доказать, федоровское ли это издание. К тому же, в музейном экземпляре отсутствовали титульный и многие другие листы и полностью — Псалтирь. Всего в музейном экземпляре сохранилось 380 листов (из 494), включая рукописные, чужое предисловие и четыре превосходно выполненные пером и

тушью миниатюры, изображающие евангелистов Матфея, Марка, Луку, Иоанна на бумаге, изготовленной примерно в XVIII веке, не позднее.

Миниатюры при реставрации вклеили перед каждым из четырех благовествований. Рисунки привлекают высоким профессиональным уровнем исполнения безвестного изографа.

На полях книги имеются записи, сделанные остро заточенным пером, их еще предстоит расшифровать. Впрочем, кое-что о прошлом книги и сейчас известно. Почерком и чернилами XVIII—XIX веков по нижнему полю нескольких первых листов идет запись, свидетельствующая, что Новый завет принадлежал «обителю Казанские Богородицы Шартаского селения». А на переплетном листе стоит штамп Екатеринбургского архиерейского дома. Поступила же книга в музей из окружного административного отдела, куда попала из Спасской церкви.

Зачем и кому понадобилось, видимо, еще в XVIII веке, убрать из книги вторую часть (впрочем, Псалтирь, отягачая из какого-то экземпляра этого издания, находится в одном из хранилищ нашей страны), вклеить предисловие из другого Нового завета и изъять все сведения, касающиеся самого издания, остается пока загадкой.

В настоящее время в мире известны 48 экземпляров острожского Нового завета с Псалтирью, причем, несколько из них тоже с вклеенными, сделанными от руки миниатюрами на бумаге XVIII века. По одному Новому завету с Псалтирью оказалось в Ирландии, на острове Мальта, в ФРГ и три экземпляра в Польской Народной Республике. Остальные экземпляры этой замечательной книги, которую сам Федоров считал первым значительным острожским изданием, хранятся в крупнейших библиотеках и музеях страны, и теперь, сорок девятый по счету, в Свердловском областном краеведческом музее.

И девушка наша проходит в шинели...

**Валентин
ЕГАРМИН**

«Хочу бороться за правду»

Отец ее погиб на демонстрации в Риге в 1905 году. Зельме было тогда пять лет. На руках матери осталось шестеро детей. Подростком пасла чужой скот Зельма. Шли годы, поступив на завод, девушка окунулась в гущу революционных событий.

За год до Октябрьской революции она принесла в партийную ячейку заявление. На нелегальном партийном собрании ее спросили:

— Какую цель преследуете, вступая в партию большевиков?

— Хочу бороться за правду.

— А знаете об опасностях, которые ждут вас?

— Да, знаю.

Когда на заводах стали создаваться рабочие дружины, Зельма первой подала заявление. Рабочие ее уговаривали:

— Женское ли это дело?

— Хочу в боевую дружину, — настаивала Зельма. Она была упорна.

Рабочей дружине транспортного завода было дано боевое задание: взять юнкерское училище в Лефортово. Зельме и ее подруге поручили разведать подступы к кадетскому корпусу. Нарядившись медсестрами, они под видом медицинского обследования обошли казармы, побывали на складах, на плацу...

Ночью кадетский корпус был окружен. Корпус пленили почти без кровопролития.

По решению партии в Москве были созданы боевые отряды в помощь Украине.

Перед отправкой на фронт рабочим выдавали оружие. Дошла очередь до Зельмы. Старший арсеналец, окинув ее недоверчивым взглядом, строго сказал:

— А тебе, девушка, еще подрасти надо...

— Как это так?

— А вот так. Винтовка со штыком, смотри, выше тебя чуть не в два раза...

— Я требую, ведь я уже давно боец дружины.

Арсеналец стоял на своем. Тогда Зельма побежала к начальнику штаба Московской красной гвардии.

— Товарищ Печус, ведь я не из трусливых, я участвовала в штурме Кремля, и обижать так меня нельзя. Я требую...

Она была непреклонна, взволнованна. Сама Зельма Яновна, вспоминая об этом давнем эпизоде, рассказывает:

— Я говорила громко, резко, прямо-таки наступала на пожилого усатого начштаба, старого подпольщика латыша Печуса. Он терпеливо слушал меня. Затем как-то по-отечески улыбнулся, снял телефонную трубку, позвонил на завод и приказал дать мне все, что положено бойцу отряда. Только вместо винтовки велел выдать карабин — он полегче и покороче.

В бой идут рабочие отряды

Из многих теплушек несетя дружная песня: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов...» Из вагонов идет дым — бойцы варят картошку, кипятят чай. Была середина декабря 1917 года.

Сначала бои за Харьков, потом за Киев. Особенно тяжелым был штурм Киево-Печерской лавры. В древних высоких каменных стенах сплошь амбразуры, из которых били шквальным огнем пулеметы.

Здесь Зельма была тяжело ранена.

После госпиталя, снова надев военное обмундирование и взяв карабин, она пришла в свой отряд, которым командовал Антонов-Овсеенко.

Когда была создана Красная Армия и все рабочие отряды стали регулярными воинскими частями, прославленному курземскому латышскому полку приказали освободить Ростов-на-Дону. Командовал полком соратник Ленина по революционной борьбе, латыш Петрис Янович Стучка. Зельма попросилась в этот полк,

Кто не знает знаменитую «Песню о Каховке» И. Дунаевского на слова Михаила Светлова? Есть, оказывается, и реальный человек, живой прототип, послуживший поэту основой песни. В музее Красных латышских стрелков в Риге среди множества фотографий хранится снимок красивой мужественной девушки. Краткая подпись: «Зельма Яновна Пиген — участница боев за Каховку, 1900 года рождения».

Это она шла по горячей Каховке в шинели, это она разведала подступы к Каховке и в первой лодке с десантом ворвалась в нес...

Стучка, тактичный, опрятно одетый, с умным ласковым лицом, посмотрел на девушку и, обращаясь к помощникам, вежливо спросил:

— А куда же я дену эту барышню?

— Я не барышня, товарищ Стучка, а боец, коммунист, была в боях, имею ранение...

Стучка улыбнулся, по-отцовски посмотрел на девушку и сказал:

— Извините. Я верю вам. Направляю вас в третью роту.

После нескольких боев отважную девушку избрали секретарем партийной ячейки полка.

— Ничего, что молода,— сказал комполка П. Я. Стучка.— Зато предана делу революции, смела и дисциплинирована.

Тогда на молодость не ссылались. Еще не создан был комсомол, и в партию принимали 15—16 лет. В перерыве между боями секретарь вела беседы, проводила партийные собрания.

Слава о латышских красных стрелках гремела на фронтах. На самых горячих участках сражались они. Латышские полки брали Харьков, Киев, Орел, Калугу, Ростов-на-Дону... О них ходили легенды, они были грозой для врагов революции.

В армии Деникина был известный белогвардейский дроздовский полк, состоявший почти полностью из офицеров, хорошо вооруженный, обученный. Когда Деникин пошел в наступление, на одном из участков фронта, под Калугой, создался критический момент. Назревала прорыв. «Непобедимый» полк Дроздовского встретил третий латышский полк.

Рано утром грянул бой. Он шел весь день, а к вечеру дроздовцы были полностью разбиты. Генерал Дроздовский со штабом позорно бежал. В этих боях партийного вожака Зельму Пиген видели во многих ротах. Она, не боясь огня, под свист пуль, переходила от одной цепи к другой, подбадривала бойцов, стреляла из своего карабина, поддерживая атакующих.

И еще был знаменитый бой, вошедший в историю,— бой за Каховку. В 1920 году полк с боями вышел на берег Днепра, за которым раскинулись Малая и Большая Каховки.

Полки Деникина расположились полукольцом и не давали переправиться через реку.

Один из белых генералов, некто Слащев, хвастливо писал тогда в белогвардейской газетке: «Красные войска — это всего лишь рабочие отряды. Они плохо обучены, слабо обеспечены техническими средствами. На форсирование такого сложного водного рубежа могут решиться только люди, потерявшие рассудок».

Нужно было разведать камышовый берег, место, где деникинцы не ожидали прорыва. И хотя из списка разведчиков Зельму Пиген вычерк-

нули — как-никак, а задание опасное,— она вместе с бойцами тщательно исследовала топкие непроходимые места, найдя небольшой коридор для прорыва.

За ночь были найдены десятки лодок, изготовлены плоты. Внезапно форсировали реку. Деникинцы не ждали прорыва, были захвачены врасплох и наголову разбиты. Малую Каховку освободили одним маршем, и, чтобы не дать передышки врагу, с ходу взяли Большую Каховку.

После боя командир полка вызвал Зельму в штаб. Несмотря на усталость, он был в хорошем настроении. Улыбаясь, по-отчески заговорил:

— Видите, я посидел в ту ночь, ожидая вас из разведки.

— Вы, товарищ Стучка, посидели еще в тюрьмах...

Он снова улыбнулся и сказал: — За удачную разведку, решившую успех боя, награждаю вас золотыми часами...

Потом были бои за Крым. Затем в составе 25-й чапаевской дивизии полк участвовал в ликвидации банд Григорьева и Черной Маруси.

И только в 1922 году Зельма Пиген демобилизовалась, прехала в Москву на родной завод, встала к станку. Закончила рабфак, была избрана секретарем партийной ячейки завода.

С Зельмой на завод в один цех вернулся отважный разведчик Ян Артман. Они воевали в одной роте, вместе ходили в разведку. Однажды он пригласил ее в кинематограф. Потом долго бродили по московским улицам. Они были молоды...

В 1923 году на заводе справили скромную, но веселую свадьбу. Были фронтные друзья, заводские товарищи. Под двухрядную гармонь танцевали вальс, краковяк, пели песни времен гражданской войны...

С рабочими транспортного завода был дружен в 20-е годы известный комсомольский поэт Александр Жаров, автор знаменитой поэмы «Гармонь». Он писал тогда поэму о бригадире. Часто встречался с Зельмой Яновной. Как-то Жаров предложил ей:

— У меня есть хороший товарищ, поэт. Он много пишет о героях гражданской войны. Я вас с ним познакомлю...

И вот однажды в партком завода пришел молодой, небольшого роста, худощавый мужчина в очках. Это был поэт Михаил Светлов. Он попросил Зельму Яновну рассказать ему свою биографию. Много раз бывал затем на заводе Светлов, все расспрашивал ее о том, как она воевала. В одну из встреч он подарил Зельме стихотворение под названием «Песня о Каховке» и сказал:

— Эту песню я посвящаю вам. Это вы мне навеяли ее своей, на ред-

кость интересной, боевой молодостью...

Да, эта песня о ней. Ведь в полку тогда было всего три девушки — две медсестры и Зельма Яновна Пиген, боец, партийный вожак полка. Ей и посвящена «Песня о Каховке».

Так вспомним, товарищ...

У Зельмы Пиген было два сына. Борис погиб в Отечественную войну, Феликс, когда началась война, прибавил в документах два года, чтобы попасть на фронт, но пометку в документе заметили. Только потом, в конце войны, он смог попасть на фронт. Сейчас он живет в Риге, работает инженером. У его дочери Марики и живет Зельма Яновна, знаменитая Каховка.

Муж Зельмы Яновны сражался на Халхин-Голе, потом в Испании и на Отечественной...

Когда война против гитлеровской Германии шла к концу, Зельма Яновна вместе с правительством Латвии, с войсками вошла в Ригу. Работала в Центральном Комитете партии Латвии. Ныне она на пенсии.

В прошлом году ее пригласили в Каховку. Это была волнующая встреча. На месте, где она ходила в разведку и воевала,— ныне большое Каховское море.

Жители Каховки подарили ей альбом с дарственной надписью: «Зельме Яновне Пиген — участнице боев на Каховском плацдарме в годы гражданской войны от каховчан, превративших землю вашей боевой молодости в плацдарм мира и труда».

По просьбе автора этих строк Зельма Яновна Пиген высказала свои пожелания читателям журнала «Уральский следопыт».

«Читателям журнала «Уральский следопыт» мои самые наилучшие пожелания, хорошо учиться и больше знать, чтобы стать полезными людьми для нашего общества, чтобы быть достойными своих отцов и дедов, завоевавших и отстаивавших вам счастливую и радостную жизнь».

...В памяти встают слова песни: Гремела атака, и пули звенели, И ровно строчил пулемет...

И девушка наша проходит в шинелли, Горящей Каховкой идет.

На снимке: З. Я. Пиген в годы гражданской войны.

С ИЖМЫ на ПИЖМУ

**Олег
ЛАРИН**

*Рисунки
М. Тарабукиной*

олпа на берегу расступилась, пропуская Сергея Борбядова к лодке.

— Ну что, поедем... пофантазируем? — Он подмигнул мне по-свойски, прошел к мотору и дернул за шнур. Взревел «Ветерок», взбивая за кормой грязную пену, и Вожгора стала медленно удаляться.

Синяя, летящая, вся в пенных кружевных разводах, река сочно вспыхивала под солнцем. Она подхватила нас на стремнине и понесла мимо темных россыпей изб, сбжавших с косогора, мимо цветастых платков, деревенских ребятишек с удочками в руках, мимо лодок, усевшихся на берегу, прясел, изгородей, тракторов, цветущих трав с желтыми цветами — купальницами... Мы уносились все дальше и дальше, за глухие леса, за рыжые кручи, и голубела вода под нами, и стеклянно вздувались волны, и в каждой трепетал холодный синий огонь.

— Скоро ли Пижма? — спросил я на всякий случай.

— Скоро, скоро, — спокойно заверил Сережа, не отрывая глаз от горизонта: вдруг какая мель откроется по фарватеру, или вынырнет топляк? Да мало ли что может случиться на воде!..

— Сейчас поворот мируем, там еще один, потом на угоре Родома будет, деревня. Там и впадает Пижма...

«Пижма — небольшая река в Вятской губернии, текущая с северо-востока на юго-запад и впадающая в Мезень», — говорится в «Словаре географическом Российского государства», собранном Афанасием Щекатовым в 1805 году. Наверное, это первое упоминание в печати о Пижме Мезенской, более ранних источников я не нашел даже в Ленинградской библиотеке в Москве. Однако вот о сестре ее, Пижме Печорской, Щекатов почему-то умолчал, хотя в «Книге Большому Чертежу» о ней сказано довольно подробно: «А выше Ижмы 40 верст, речка Пихма, протоку... Пижмы 350 верст». Может быть, географ экономил место для

описания других, более достойных рек и речушек, а, может, просто не знал о ее существовании? Последнее, впрочем, весьма сомнительно.

Задолго до выхода шекаатовского «Словаря», а точнее — за два с половиной столетия, обе реки бороздили челны-ушки с лихими новгородскими ватажниками, стучали топоры по пижемским берегам...

О давности русских поселений в этих местах говорит челобитное письмо первооткрывателя Печоры, предприимчивого новгородца Ивашки Дмитриева по кличке Ластка, датированное серединой шестнадцатого века. Позднее в пижемских лесах скрывались от гнева всеильного владыки Никона сторонники опального протопопа Аввакума, скоморохи, московские начетчики-грамотеи, многочисленные беглые подневольные люди, спасавшиеся от барщины. Здесь же находился знаменитый Великопоженский скит, где в 1743 году, не выдержав притеснений со стороны официальной церкви, сожгли себя 86 старообрядцев. Слух об этой трагедии разошелся по всем российским уделам.

Мезенскую и Печорскую Пижмы я назвал сестрами, и в этом нет никакого преувеличения. Одна из них вытекает из Ямозера — глухого, заросшего водорослями водоема с прожорливыми окунями и щуками; другая ведет свой исток из соседнего болота, не просыхающего даже в великую сушь.

Какое-то время Пижмы бегут рядом, одна подле другой, как и полагается сестрам-близнецам. А потом к ним подступает каменный разлучник Тиман, заставляет петлять и извиваться среди бесчисленных отрогов, скал, известняковых и базальтовых круч, начинает трести и швырять их с одного переката на другой. И, сблизившись напоследок, сестры расходятся в разные стороны, чтобы больше не встретиться: одна речка устремляется на юго-запад — к Мезени, другая — на северо-восток — к Печоре. А в том месте, где русла их почти сходятся, древние люди проложили когда-то тропу — волок. По этому волоку испокон веков пролегал один из местных путей из варяг в греки. Здесь новгородские ватаги, плывшие сначала по Мезени и вверх по Мезенской Пижме, перетаскивали свои лодки, попадали на Пижму Печорскую, а затем и на саму Печору. Полунощная страна — Печора привлекала лихих ушкунников своей пушиной и рыбными богатствами.

Кроме волока, существовал еще один путь — зимний, по тайболе. Это слово употреблялось здесь для обозначения огромного пустынного пространства, покрытого глухим лесом и гибельными мхами, через которое пролегал дорога. (Как полагают

ученые, слово «тайбола» не русское, а, по всей видимости, угро-финское.)

Путь этот начинался в верхнем течении Мезени у села Койнас, далее шел через деревню Вожгора и, преодолев необитаемую полосу, кончался в Усть-Цильме на Печоре.

В зимнюю пору по этому тракту шли обозы с рыбой, пушиной, оставляя за собой тропу с глубокими выбоинами, ухабами и широкими раскатами. Заваленная снегами, скованная непроходимыми лесами, семисотверстная тайбола пугала путника, как темная ночь без просвета.

Сейчас тайболой почти никто не пользуется и ее, наверное, когда-нибудь окончательно поглотят матерые леса и мхи. Пришел в негодность и древний волок, соединяющий обе Пижмы. От стариков в Вожгоре я узнал, что тропа заросла деревьями и кустами, завалена буреломом и пространство вокруг нее оккупировали болота.

Длину волока старики называли по-разному: кто — три, кто — пять, а кто и пятнадцать километров. А когда узнали, что я собираюсь повторить этот путь в одиночку, предостерегающе зашептались.

— Речка у нас бойкая, — сказал один из дедов и посмотрел на меня как на ненормального, — не таких еще обламывала!

Вообще, приехав в Вожгору, я услышал много всяких предостережений. В частности, мне сообщили:

— что до истоков Мезенской Пижмы никак не добраться — река сильно обмелела...

— что большую часть пути лодку на себе тащить придется...

— что проводника в деревне днем с огнем не сыщешь...

— что комары и оводы сожрут...

— что медведи порато озоруют...

— что мне вообще-то достанется...

И только один вожгорский житель, немногословный инспектор рыбнадзора Сергей Бобряков, внес в мою душу некоторое облегчение:

— Преувеличивают старики! Кололоть-то они мастера...

Когда же я попросил его растолковать, что он имел в виду, инспектор коротко и жестко бросил:

— До волока свезу! А там, как знаете...

а нашими сборами следила вся Вожгора. Так, по крайней мере, мне казалось, когда мы закупали продукты в сельмаге, готовили рыболовную снасть и ремонтировали лодку — длинную и узкую,

как сигара, а лучше сказать, — как пирога, ладью с высоким заостренным носом.

К берегу, около Серединного дома, сходились все любопытные. Ребятишки с надеждой поглядывали на дяденьку корреспондента, увешанного фотоаппаратурой, умоляли шелкнуть их, а мужики больше отмалчивались. Иногда кто-нибудь из них, побойчее, спускался ближе к воде, и начинались бесконечные разговоры про то, как в шестьдесят пятом (а может, в шестьдесят шестом?) приезжал вот такой же корреспондент, а может, «скуствовед», бог его знает, довольно шустрый малый; как обхаживал он здешних старжилов, просил показать переход на другую Пижму. Время тогда было жаркое, и оводы кусались, как собаки. А корреспондент был одет с форсом, вот и прихватили его небесные твари. Да так прихватили, что маму стал звать и всякие нехорошие слова произносить, не при детях будь сказаны. А ведь человек был ученый, в очках, — как можно так выражаться?!

— И чем же все кончилось? — спросил я, хотя финал этой назидательной истории был ясен.

Рассказчик, худой, верткий на слово мужичок, довольно заулыбался:

— Известно чем, — он оглядел меня с ног до головы. — Прямым авиарейсом Вожгоры — Архангельск. Далее — Москва...

— Неужели они такие страшные, эти оводы? — продолжал я подыгрывать.

— А ты поезжай, не бойся. Вернешься — нам расскажешь... Ну, а сжли увидишь шубу, вывернутую наизнанку, не пытайся примеривать. Это, значит, он самый и будет — Михайло Иванович, — и тут все разом грохнуло от хохота.

— Кончай травить, Николай! — вступился за меня Сергей. — Зачем пугать нового человека? — Но рассказчик уже разошелся, да и публика требовала продолжения.

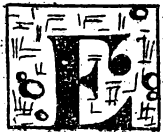
— Вот у вас, в России, как стенгазеты называются? — спрашивает он, дергая меня за рукав. — «Крокодилы» да «Ерши». Верно?.. А у нас в леспромхозе «Овод» висит. Знаешь почему? Потому что архангельские оводы пострашнее нильских крокодилов...

Всем почему-то хотелось, чтобы я никуда не ехал. А председатель Вожгорского сельсовета Евгений Вячеславович Ляпунов без всяких обиняков заявил, что незачем бестолку гоняться по реке, что Вожгоры для журналиста — непочатый клад материала. Выбирай, что душе угодно: деревянная архитектура, народный промысел — шитье карбасов, лесное хозяйство, животноводство. А еще, сказал Ляпунов, можно написать о вожгорском характере —

веселом, неунывающим, неистощимом на шутки и выдумки.

— Таких вам старичков подберем — ахнете! Народ-то у нас говорящий, ему только повод дай — начнет щекарить из поговорки да в прибаутку... Тут к нам из Москвы этнографическая экспедиция приезжала, на магнитофон стариков записывала. Пять часов лента бежала, ученые уж кушать захотели, а наши все трещат да трещат. Как по книге читают! Не выдержала экспедиция: «И долго вы так можете?» — спрашивают. «Да нет, не долго, — говорят старики, — недельку только и съжем. Потом обождем, пока вы в Москву за новыми кассетами слетаете, и снова начнем наговаривать...»

Что верно — то верно. Вожгорцы издревле слыли заядлыми остроловами и пересмешниками. Существует даже легенда, будто свой род они ведут от скоморохов, скрывавшихся в северных лесах от гнева «тишайшего» царя Алексея Михайловича. Писатель-путешественник и этнограф С. В. Максимов, который останавливался в Вожгоре более ста лет назад, в своей книге «Год на Севере» отмечал, что здешний народ не верит ни в бога, ни в черта. Красноречивее всяких слов служила подтверждением тому здешняя церквушка, вся заросшая мхом и «в службах по зимам едва выносимая». С ее расстрескавшихся икон смотрели почернелые, напуганные лики святых.

два мы въехали в устье Пижмы, как Сережа сбавил обороты у мотора, и скорость резко упала.

— Камни! — предупредил он. — «Ветерок» надо беречь.

Тайга, ожесточившись, сомкнулась у берегов сплошной стеной елей, и сразу потеплел воздух. Я опустил руку: вода была прохладной и прозрачной до самого дна. Опутанная водорослями галька, одиноко прогуливающиеся хариусы просматривались сверху как сквозь увеличительное стекло. Поверхность реки вздувалась, словно снизу ее подогревали маленькие гейзеры; от носа лодки летели шумные буруны, завивался в воронки пенный след... Прыткая, холодная Пижма была больше похожа на горную, нежели на спокойную северную реку.

Первый километр пути мы прошли более или менее благополучно, а потом началось... Шпонка — металлический штырь, а чаще всего обыкновенный гвоздь — самая уязвимая часть винта. Ее приходилось менять

буквально через триста метров: скрытые под водой камни постоянно срезали шпонку. Мы вылезали из лодки и по колено в воде тащились к берегу, чтобы поставить новый гвоздь... Так, с долгими остановками, искусанные комарами, мы наконец осилили Горевои Мег, Олехово, Супротивье — здешние пороги и перекаты — и вышли на тихую воду. Мы как-то сразу приободрились.

— Не очень-то радуйтесь, — сказал Сережа. — Там, вверху, так же мели пойдут — плакать придется!

Какое-то время берега шли нудно, среди однообразных зарослей ольхи и ивы, а потом их словно подбросило вверх. Показались белые горы с отложениями известняка и гипса, изборожденные следами весенних ручьев. Эти берега, по-местному, называются щельями, или слудами, и в них нередко встречаются золотистые кубики серного колчедана — пирита, прозванного в народе бесовой рудой. По давней традиции, северные жители употребляли серный колчедан для уничтожения в избах насекомых, сжигая бесовую руду в печке при закрытой трубе.

— Тиман начинается, — сказал рыбинспектор, показывая на отвесные берега. — Если бывали на Урале, то Тиман вам понять несложно. Те же почвы, те же структуры. Но Урал осваивают веками, а здесь, в Четласе, только начинается... Он имел в виду недавно открытые месторождения тиманских бокситов.

Я бывал в Четласе, городке геологов и буровиков, «городке, поставленном на сани и бегущем по тайге», как выразился местный стихотворец, и хорошо помню предосторожно открытия красновато-бурой руды, называемой бокситом.

Это открытие предчувствовали. Слишком много «за» скопилось у геологов, чтобы утверждать, — боксит на Среднем Тимане есть. И это была не случайная догадка, а интуиция, подтвержденная тектоническими структурами Печоро-Тиманской провинции. В южных районах кряжа боксит нашли еще в 60-х годах, но пока в дорогостоящих нижнекарбонских слоях. Для Среднего Тимана требовались систематические поиски, крупные ассигнования, наконец, точные координаты для проведения буровых работ. Помог, как ни странно, случай.

В августе 1969 года геолог-съемщик Виктор Пачуковский, исследуя правый коренной берег реки Воряквы, наткнулся на обнажения базальта. В куче обломков его заинтересовал бурый пятнистый камень, покрытый трещинами. Лабораторный анализ показал, что это был аллит — бокситоподобная порода с небольшим содержанием глинозема. Находке обрадовались: ведь аллиты — неразлучные спутники, двойники бокситов. И на следующую зиму в район

Воряквы был выброшен десант. Чтобы обнаружить бокситоносную пачку, разведчики закладывали шурфы, рыли канавы. По опыту знали: летить на неделю — готовься работать месяц. Так оно и вышло. К концу экспедиционного срока при проходке неглубокого шурфа была найдена сильномажущая порода вишнево-бурого цвета с содержанием глинозема около 50 процентов. Это был праздник для геологов и одновременно — сигнал для продолжения поисковых работ. Неподалеку от того места, где была пробурена первая скважина, геологи оборудовали поселок, назвав его в честь самой высокой точки Тимана — Четласом...

В облике Четласа чувствовался порыв, временность, непостоянство. Поселок — как ладья посреди лесов. Такое впечатление, что он долго бежал по тайге и теперь остановился как бы с разбегу, чтобы отдышаться. Повсюду толкались вездеходы и самосвалы, с трудом взлетали вертолеты. И бесконечно тянулись ряды полозьев, на которых, как на фундаментах, стояли жилые временки. Поселок на санях был рожден бокситной горячкой: его везли по зимнику из города нефтяников — Ухты, остановили на ворякинском плацдарме, зацепили за крохотный участок тверди, чтобы отсюда вести более мобильное изучение тиманских недр. Поселок контролировал восемнадцать буровых бригад, разбросанных по тайге наподобие шахматных клеток. Но в любую минуту он мог тронуться с места и уехать туда, где был бы более необходим...

Высокие берега вскорее кончились, и снова потянулись бесконечные пожни с тихими озерцами и копнами свежего сена. Сквозь кусты и деревья, то здесь, то там, мелькали белые платки, слышались женские голоса, фырканье лошадей — началась горячая сенокосная страда.

Когда Сергей зарулил лодку в уютную песчаную гавань, к нам подошли несколько человек в белых, по-бабьему завязанных платках, и все, как на подбор, в брюках. Попробуй, разберись — кто мужчина, а кто женщина!

— Как жизнь-то? — грубым мужским голосом возгласил один из платков, усаживаясь на корточки. Над ним серым облаком реяли комары и оводы.

— Жисть — только держись! — смешком ответил Сергей, входя в полосу действия крылатых тварей и на ходу надевая такой же, как у всех, белый платок.

Своеобразный зачин про «жисть» предвещал начало большого, неспешного разговора, и я на всякий случай обмазал лицо репудином: кто знает, сколько придется ждть, а комар — он новичков жалует, особенно корреспондентов...

Каждая новость, сообщенная Серреей, воспринималась косярами как откровение: у кого-то родилась дочка, у кого-то сын вернулся из армии, кто-то, окончив школу, укатил в Архангельск поступать в мореходку, а кого-то назначили на должность завхоза вместо того-то...

— Во темпы! — сокрушался старик в желтой крепдешиновой косынке. Его бородачка прыгала в такт речам. — В прежне-то время, бывало, двадцать ден до Архангельска перли. Да неделю с товарами стояли, да неделю гостинцы закупали. И снова двадцать суток до дому. Приедешь, бывало, спросишь: «Как жисть-то, женка?» А она эдак и скажет: «Как жили, так быть, и живем. Корова подоена, детки да овцы накормлены». И весь сказ... А ноне нет. Ноне время короче овечьего хвоста стало. Все бегом, бегом...

— Ты погоди, Яковлевич, — осадил его краснощекий здоровяк, этый Добрыня Никитич. — Ты время-то не хули. Мы ведь ему сами ход дадем. Время — как часы. Завел — и работает...

— Мне-то что, — как бы оправдывался старик, пригладив свою бородачку. — Обо мне уж гробовая доска стучит. А ты молодой ишшо, тебе жить долго. А вот когда смерть придет, о чем говорить будешь — ду-мал?

— Как-нибудь откручусь, — весело парировал Добрыня.

— Крути, не крути, а придет курносая — задумаешься. Как жил, чего такого народил, какие грехи оставил? Я ведь не против времени, слышь? Я суету не люблю. Суета, проклятая, все жилы из нас тянет. Это ж как мотор на холостых оборотах...

Все молча согласились со стариком Яковлевичем. Разговор пыталась поддержать средних лет женщина, сидевшая на косилке, но ее голос потонул в беспорядочном мужском споре.

А спорили о причесных лугах, о бедных северных почвах, о том, что на смену бобовым и злаковым культурам идет сорная трава, кустарники, мох. На некоторых угодьях даже кочки образовались. И громче всех шумел старик Яковлевич:

— Да разве ж это луга?! — кивал он в сторону свежих копешек. — Они же мхом прикрылись, болотной нечистью зарастают. Когда косишь, видно, какмышь бежит... — Тут, кажется, он впервые удостоил меня взглядом. — Скажи-ка, мил человек, что такое разнотравье? Вот и не знаешь! Не знаешь, хоть ты и кор-

респондент. Пиши, доставай ручку и пиши... Пижма, чемерица, молочай, лютик, конский щавель — малосъедобные и ядовитые травы.

— Потребители мы, — гремел старик, задирая бороду. — Выкашивать-то — выкашиваем, а взамен земле ничего не даем. Скот тоже многое вытаптывает. А луга эти чистить надо, в культурный вид приводить, перепаживать... Давай-ка, перепашем эти пятнадцать никудышных гектаров и засеем клевером с тимофеевкой. В три раза больше обычного возьмем. Что, разве неправильно говорить?..

— Правильно, правильно, — подержал его Добрыня. — Да разве ж только в этом дело?! А медиораация, а дороги, а утечка рабочей силы? Вроде и зарабатываем хорошо, и техники хватает, а кто в деревнях нынча остается? У кого грамота не идет или кто в городе не сумел прийтнуться. Ну, девок — и тех по пальцам считать приходится.

...Веками жила Вожгора тихо, неспешно, вдалеке от больших дорог. А теперь, особенно после мер, принятых известным постановлением партии по подъему Нечерноземья, вдруг всколыхнулась, задвигалась, и круги от этого движения пошли вширь и вглубь. С одной стороны — исконный крестьянский быт, заведенный исстари, с другой — поток новой техники, новые специалисты на полях и фермах, новые требования к обработке земли. В сложном социальном и нравственном переплетении пребывает деревня. Клубок проблем связан, как гордиев узел, и нет меча, который бы разрубил его. Да и надо ли рубить, если речь идет о сельском хозяйстве? Тут, очевидно, надо распутывать спокойно и разумно, взвесив все «за» и «против», — с полной ответственностью за будущее.

— Пора ехать, — наклонился ко мне Сергей. — В Шегмасы заночуем.

И снова запрыгала лодка на перекатах, едва не касаясь выложенных, как булыжная мостовая, диабазовых плит на дне. Пижма текла нам навстречу в белом кружеве пены, и по этой примете я догадался, что впереди нас поджидает новый, может быть, самый неприятный порог.

— Снимайте сапоги! — приказал рыбинспектор.

Моторка вылетела из-за речной луки и ее толкнула сильная вихревая струя. Течение обрушилось на нас, как с горы. Мотор закашлялся, надрывно чихнул и замолк. Сергей выключил его и поднял из воды.

Мы разделись и вышли из лодки. Глубина у порога едва достигала колена, но мы тут же вымокли до самого пояса — такое было течение! Сергей тянул лодку за нос, я помогал ему с кормы. Ноги у меня подвертывались и дрожали, тело сто-

нало от напряжения. При каждом шаге я оступался со скользких замочевенных плит, спотыкался о камни величиной с голову, но продолжал толкать нашу пирогу с прежним упорством. Брызги вливались в лицо, спугивали комаров, и стекали, смешиваясь с дорожками пота.

Мы прошли около ста метров и поменялись местами. Здесь было чуть потише и поглубже, и Сергей снова завел мотор, поставив его на малые обороты. Подталкивая лодку, мы продвинулись еще немного, и я увидел длинный тупой валун, слегка выпиравший из воды. Течение заливало его, распадаясь на несколько рукавов. Обойдя каменное препятствие, эти рукава свивались в один плотный жгут и снова расходились в разные стороны, образуя ценные воронки. Вода неслась вскачь, как расплавленное золото.

Сергей на полную мощность врубил газ, разогнал лодку и тут же выключил мотор. По инерции, резвым коньком-горбунком наша пирога взлетела на гребень волны, вскарабкалась на порог у самого валуна и остановилась, как вкопанная. И хотя буруны захлестывали днище, и течение грозило столкнуть нас с мертвой точки, этого мгновения было достаточно, чтобы, упираясь шестью в камень-валун, уйти подалее от рокового места, на более или менее спокойную воду.

— Запиши! — сказал Сереежа голосом старика Яковлевича, — это место Девкин порог зовется, — и засмеялся: — Девки, они все такие...

Шегмасы мы остановились в доме бывшего председателя колхоза, а ныне пенсионера Павла Дмитриевича Поташева. Человеку давно за шестьдесят, дети, слава богу, давно пристроены и хорошо зарабатывают, а он тем не менее все делает сам. Сам заготавливает на зиму грибы и ягоды, сам пилит и колет дрова, ловит рыбу, ухаживает за скотиной и, когда надо, поможет жене приготовитьстряпню. И все он делает споро, все первым, все чуть не бегом...

Вот и сейчас он суетился вокруг незваных гостей, колдовал над чайной заваркой, подсыпая в нее какие-то корешки и травки — для духовности.

За ужином непринхотливо размазывался клубок застольной беседы.

— Мы дак последние будем по реке-то, — охотно балагурил Павел Дмитриевич, прихлебывая чай. — А дальше все лес да бес. От них и кормимся. (Под бесом хозяин подразумевал птицу и зверя.) И что

один недодаст, у другого добудем. Речку тоже не забываем.

— А зимой не скучаете? — спросил я, представив на минуту отрезанную от мира, засыпанную глубокими снегами деревеньку в десять дворов, в которой лишь одни дымы из труб да лай собак, да подслеповатые окошки с тусклыми огоньками напоминают о присутствии человека.

— Некогда скучать-то, — посерьезнел Поташев. — Да вам и не понять — привычки к сельскому житью нет, но нашим миром мазаны. — И, спохватившись, что, быть может, чем-то обидел человека, весело прибавил: — Молодые — те комедьи крутят. Навезут всяких картин с Вожгор — сидят, шерятся... Етту, как ее... — Он долго и мучительно припоминал название известного фильма с Юрием Никулиным в заглавной роли, — мы со старухой раз семь смотрели.

— Будя врать-то! — вскинулась Прасковья Федоровна, его супруга. — Что ты меня перед людьми срамишь!..

— Ну не семь, ну два — какое значенье! — виновато оправдывался Павел Дмитриевич и поспешил перевести разговор в другое русло. Речь его быстрая, скатная, с прибаутками, которым я улыбаюсь, но не успеваю запомнить, не говоря уж о том, чтобы записать.

— Когда вы к деревне подплывали, видели, небось, сколько народу на пожнях робит? И все молодежь! Молодежи у нас хорошо живет: каждому дела хватает — животноводство... Опять-таки воля — рыбалка, охота. У нас тут, считай, всякий охотник, — он схлебнул из блюдца, вкусно причмокнул. — В Вожгорах-то, как в армию забрали, — пиши, пропал человек. Его уж обратно калачом не заманишь — ауф-видерзеен! А у нас нет. Возвращается к нам молодежь. Видать, крепко приглянулось им родное отечество. У меня, к примеру, двое сынов вернулось, и у соседа тоже. А с молодежью и жить веселее, и помирать не страшно. Верно, старуха?..

намеренно опускаю подробности нашего нелегкого плавания к истокам Пижмы Мезенской. Хочу только сказать, что реку мы не осилили, побили лодку и мотор. К тому же не хватило гвоздей для шпонок.

Характер Пижмы от Шемаса сильно изменился. Она пробилась себе русло в скальных породах и

текла, будто по дну ущелья. Вначале Тиманский кряж был похож на море, которое никак не уляжется после шторма. Повсюду тянулись однообразные, как застывшие волны, холмы до самого горизонта. А потом он словно вырвался из узды, прошелся впрысядку по зеленым увалам, стал карабкаться крутыми отвесами, обрываться глухими распадками. И Пижма тут же почувствовала его настроение. Она металась от одной береговой кручи к другой, обнажалась голым камнем, кружила водоворотами. И вместе с ней, выбирая единственно правильный курс, прыгала наша пирога, запряженная в 12 лошадиных сил. С береговых отвесов свешивались деревья, топорщились каменные глыбы, напоминающие декорации средневековой трагедии. Смотреть на небо приходилось задрать голову. Река грохотала доброй дюжиной своих порогов и каждому приходилось кланяться — вылезать из лодки и тащить ее, преодолевая бешеное течение.

Шестдесят с лишним километров, пройденные за двенадцать часов, набатом гудели в голове, каменной усталостью отдавались во всем теле. Я разбил себе колено, винтом оцарапал руку. Рыбинспектор, как человек бывалый, отделался только шишками.

Сейчас мы сидели у потухшего костра и смотрели, как убывает вода, обнажая почти на глазах увитые водорослями валуны. До волока, по Сережиным подсчетам, было не меньше десяти километров, а в пересчете на наши силы и возможности — пять-шесть часов ходьбы по каменистому осыпающемуся берегу.

Шел первый час ночи, и пора было принимать какое-то решение, но огонь так приворожил нас, что не хотелось двигаться с места. Мне было немного неловко перед Сережей за то, что я вовлек его в эту авантюру. Удовольствий — никаких, зато побитая лодка, покарженный винт и горячее на исходе. Что толкнуло его: лихость, упрямство, желание утвердить свое «я»? А может быть, искреннее желание помочь мне? Впрочем, зачем гадать? Истинные слова негромки, истинные поступки немногословны...

Решение, как ни странно, пришло... с неба. Над притихшей рекой долго и распевно дрожал какой-то посторонний звук. Потом он усилился, заложил уши надрывным басовым гудением, переходящим в рев, и от кромки леса вдруг отделилась черная машина вертолета. Сделав над нами два круга, Ми-8 выбрал удобную для посадки галечную косу. Лопасти винтов загребали воздух с такой силой, что оттуда, наверное, сдуло все песчинки, а приткнувшаяся поблизости наша

лодка стала раскачиваться, как маятник.

Бобряцов ничему не удивился, видно, привык к таким неожиданностям, и пошел к косе узнать, в чем дело.

Пилоты вылезли из машины. Один остался проверить двигатели, а двое других не спеша направились навстречу инспектору. Были они в резиновых сапогах-ботанках с шегольски подвернутыми голенищами, в меховых, на молниях и застежках, куртках. На поясах у парней в сырмятных кожаных чехлах тяжелели охотничьи ножи.

— Откуда, ребята? — строго окликнул их Сережа.

Пилоты вальяжно рассмеялись.

— Из Четласа, вестимо, — отозвался один из них, вероятно старший по должности, и с размаху, с эдакой простецкой ухваткой обрушил свою ладонь о Сережино плечо. Видимо, такая у него была привычка знакомиться. — А вы кто будете, Магелланы?

Сережа показал свой документ, и пилоты как-то поскучнели, осунулись, почему-то стали показывать удочки и другие орудия лова, доказывая, что ничего запрещенного у них нет да и времени для хорошей рыбалки почти не осталось — в полшестого, как штык, надо прибыть в поселок...

— Как там Четлас? — спросил я, чтобы переменить тягостный для всех разговор.

— А что ему делается — стоит, — подхватил на лету старший пилот. — Оборудование туда возим, горючее, продукты. Бурить-то приходится в тундре. Далеко летаем...

— Ну, а Соболь как, Слабошпицкий, Колодий, Памбухчинц? — я называл фамилии людей, с которыми познакомился во время зимней поездки в поселок геологов, и по лицам пилотов видел, что они им тоже хорошо известны. Пошли возгласы удивления, взаимные распросы сменились обоюдно приятными воспоминаниями.

За разговорами не заметили, как на пиках елей повисло солнце. Вода в реке, прежде свинцовая, безучастная, вдруг просветлела до самого дна: среди розоватых диабазовых камней забегали стаи хариусов. В глубине зарослей запели птицы, зашумелись беспокойные синие тени, и вся земля и вода задымилась в неверном молочно-лимонном свете.

Как ни странно, но усталость подкрадывается именно при восходе солнца. Оно действует безотказно и утомляет хуже всякой работы. Я ощутил, как в меня вливается сладкая, блаженная истома.

— Ну, как, старик, поможем Магеллану? — с деланным равнодушием старший пилот смотрел на своего напарника, обретая привыч-

ную роль лидера. Ребята уже знали о моих несбывшихся надеждах и, до поры, до времени, помалкивали. Неужели не все потеряно?

— Двадцать минут — туда и обратно, — отрывисто скомандовал лидер и хлопнул меня по плечу. — По Северу можно только летать...

Ми-8 свечой взмыл в небо и пошел перелистывать один пейзаж за другим... Заброшенная тропинка петляла между низкорослым ельником и пнями. Она то скрывалась под слежавшимся настилом хвоя, то утопала в сырых болотистых распадках. Судя по всему, это и был местный путь-волок из варяг в греки, теперь уже позабытый и давно-давно позаброшенный.

Лес начал редеть, и тропа уперлась в ржавое, застойное болото с пучками черной травы и зарослями сухого камыша. Я видел, как в торфяную жижу повалился мертвенно-серый ствол с обгорелыми сучьями, мысленно представил себе какого-нибудь Ивашку или Петруху из нищей новгородской братии, пустившихся в задебряную глушь на поиски призрачного счастья. Сколько их побывало на этой тропе? Сколько лодок-ушкучев пришлось протаскать по этой болотине, сколько товарищей потерять?.. История уже не помнит этих безымянных подвигов. Наверное, не одного путника засосала эта мертвая подземная сила и прикрыла сверху, как гробовой доской, сырой темной хлябью. Наверное, не один холоп обрел вечный покой среди этих трясин, истаял прахом в тягучем дне, под жидким северным небом, к которому тянулись сложенные в молитве пальцы...

Но вот болото кончилось, тропа посветлела, выгнулась дугой и вскоре вывела к реке. Пижма Печорская поблескивала сквозь заросли. Ее ширина в этом месте едва достигала метров десяти, и было такое ощущение, словно меня обманули. Томили, обещали, наговорили всяческих чудес — и в результате подкинули какую-то жалкую подделку? Разве это река? Берега изрезаны ржавыми струями выходящих на поверхность источников, кое-где заросли водорослями, вода черная, неприветливая... Несколько раз, вспугнутые тенью вертолета, взлетали утки и, рассекая воздух, уносились в сторону леса. На правом берегу я заметил старый столб с отметкой «31» — видимо, отсчет километров от Ямозера. И следом за ними показалась большая свежесрубленная изба, приют охотников и рыболовов.

Как объяснил пилот, речку можно перейти, не замочив верх сапог, и устроиться в избе на ночлег. Порядок в ней поддерживается образцовый: соль есть, сахар, даже немного муки, и при желании здесь

можно повеселиться всей семьей. Места хватит на шестерых.

— А рыба есть? — размечтался я.

— Рыбы навалом, — заговорщицки прошептал пилот. — И все хариус да окунь. Сиг тоже попадается. А не хочешь рыбачить — иди по грибы-ягоды. Тут клюквенное болотце поблизости. Вообще у нас этой ягоды бери — не хочу. Вечный дар природы! Подсчитано, что с каждого гектара в среднем берется три клюковки. Так что тебе достанутся остальные триста тысяч. Приезжай!

Двадцать обещанных минут подошли к концу.

снова Пижма

Мезенская разворачивает свой стремительный свиток. Сережа иногда отключает мотор, проверяя искореженный винт, и тогда в работу включаюсь я, веслом направляя лодку в фарватер. Из распахнутых зарослей, из сиреневой мглы несется веселая птичья потеха. Играют хариусы, гоняясь за солнечными зайчиками. Время от времени на влажных берегах встречаются следы лосиных копыт, отпечатки когтистых лап величиной с большую ладонь. Сна — ни в одном глазу; я плыву притихший, ошеломленный речным простором, благословляя тот день и час, когда пустился в это плавание...

И все-таки легкая горечь не отпускает душу: схалтурил! Да, да, именно схалтурил! Древний волок так и остался для меня тайной за семью печатями. Прогулка на вертолете — это не в счет, это холостой рейс...

Но я еще вернусь на эту тропу, обязательно вернусь. И как слабое утешение, звучат слова бывалого четласского пилота: «По Северу ходить нельзя. По Северу можно только летать».

Ксения Некрасова

Колебля хвойными крылами,
Лежал Урал на лапах

золотых, —

писала поэтесса.

«Ксения Некрасова не похожа ни на одного из поэтов, своих современников. Зато ее стихи очень близки к поэзии русских сказительниц, неизвестных авторов народных песен. Почти всегда лишённые рифмы, потрясающие яркой и новой образностью, стихи Некрасовой останаавливали внимание читателя, ошеломляли, иногда настораживали непривычностью и новизной... Ни на кого не похожая, небывалая, как сама поэзия, никогда ни в одной строке не покривившая душой, Некрасова всю жизнь писала большую картину современной жизни».

Так сказал о Ксении Некрасовой Борис Слуцкий.

Ксения Александровна Некрасова родилась в 1912 году в селе Ирбитские Вершины, теперь Сухоложского района Свердловской области. Жила она в Шадринске, где училась в местном агропедагогическом техникуме, на отделении политпросветработы. Большого интереса к учебе Ксения не проявляла. Среди учащихся она однако выделялась тем, что была неуравновешенной, беспокойной и очень начитанной. В Шадринске она уже по-настоящему увлеклась поэзией. На клочках бумаги писала стихи, некоторые из них публиковались в стенной газете.

Техникум К. Некрасова не закончила — заболела. Врачи рекомендовали ей сменить профессию педагога.

Поэтесса уехала в Свердловск, несколько лет работала на Уралмаше. Затем Ксения Некрасова поступила в Литературный институт. Здесь она училась вместе с Константином Симоновым, Маргаритой Алигер и другими видными советскими поэтами. Ее стихи ценили Николай Асеев, Анна Ахматова, Алексей Толстой, Степан Щипачев, Михаил Светлов...

Шадринский клуб книголюбов сейчас носит имя талантливой уральской поэтессы Ксении Некрасовой.

Л. ОСИНЦЕВ

Машинист-трубоукладчик

Из детства помнится: речка, заросли тальника, белые толстые птицы неторопливо двигаются берегом... Вот два гусака загоготали, склонили шею и вдруг... подняли прут тальника. Подняли и вместе понесли, важно вышагивая, переваливаясь...

Шеи птиц вытянуты, прут покачивается. Какое гусиное достоинство и ответственность! Мы рты разинули: очень уж необычное зрелище.

А сравните это вот. Шесть громадных тракторов (высота гусениц — в человеческий рост), подерживая вытянутыми стальными клювами-троллями огромную трубу (вовнутрь, не сгибаясь, пройдет десятилетний ребенок), медленно двигаются вперед. Чтобы сохранить сталь от ржавчины, укутывают особой пленкой и только тогда опускают в землю. Первая машина тащит за собой огненное кольцо. Оно

одето на трубу, и из прорезей обруча гудит и рвется багрово-черное пламя. Жаркие космы лижут сталь, она постепенно заливается малиновой краской.

Трубу еще подскребут и подчистят, а последний трактор подтянет изолировочную машину. Две шпули, словно два юрких жука, заснут вокруг цилиндра, обматывая бесконечными бинтами. Теперь труба похожа на черную змею, выползшую погреться на солнце. Она изгибается, щелкает, гудит и, наконец, покалебавшись, ложится в приготовленное ложе. Огромные желтые машины, осторожно несущие толстую плетть, и напоминали гусей с тальниковым прутом.

Держат машины стальную нить метров в 80—90 (каждый метр весит 650 килограммов), и ты невольно думаешь — сколько же силы, мастерства нужно человеку, чтобы управлять такой мощью.

Но инженеры-конструкторы максимально облегчили управление. Машинист нажимает на разноцветные рычажки, клавиши, поглядывает на стрелки приборов. Кабина похожа на салон легкового автомобиля: мягкое сиденье, широкий обзор, вентиляторы...

Так что физически работа у машиниста не очень трудная. Зато сколько знать должен, сколько уметь, какой быстротой реакции, сноровкой и спортивной закалкой обладать! Представьте на минуту тяжеловеса со штангой, балансирующего на проволоке. Трудно представить. Но вот видишь колонну трубоукладчиков, наблюдаешь за машиной и машинистом, и такое чувство возникает.

Сам «Интернационал» весит около 45 тонн, груз же поднимает вдвое больший. От тяжелого груза

траки в землю вдавливаются, а она в тюменском крае болотистая насквозь, даже в жестокие морозы пружинит под ногами. Вот и думай машинист, рассчитывая каждое движение. Ближе сойтись механизмам нельзя — не выдержит почва тяжести, и обвалится стенка траншеи, разойтись друг от друга дальше — тоже невозможно: играет змея-труба, изгибается из стороны в сторону, того и гляди сдернет всю связку машин за собой...

Что скрывать — бывают на строительстве трубопроводов разные случаи. Люди не на асфальте работают, и не из окна трамвая на природу глядят. И все же стараются не допустить чрезвычайных происшествий, потому что всякая остановка изоляционно-укладочной колонны выбивает из графика всю стройку.

Рабочий, севший за рычаги трубоукладчика, должен знать слесарное дело и сопротивление материалов, быть хорошим механиком и разбираться в электронных схемах, знать сварное дело и неорганическую химию. Но кто ставит себе цель, тот в конце концов едет в Москву на курсы машинистов, где и проходит стажировку работы на новой технике.

С уважением смотрят на молодых парней, получивших права машиниста-трубоукладчика. Потому что такое звание, можно сказать, синоним звания «специалист высшей квалификации». Навесив на трактор соответствующие приспособления, можно валить лес, засыпать траншеи грунтом, рыхлить насквозь промерзшую землю, выполнять другие операции. Универсальная машина. Ценится и человек, работающий на ней.

И нужна в таких людях на трас-

сах строительства трубопроводов велика. Ты только сравни, читатель. Двадцать лет назад трубопроводный транспорт в общем объеме перевозок по стране занимал один процент, а ныне уступает лишь железной дороге. Уже построены супергазопроводы Оренбург — Западная граница СССР и Бухара — Урал, введен в действие нефтепровод Усть-Балык — Курган — Уфа — Альметьевск. Заканчивается строительство подземной магистрали от газового месторождения Уренгой.

А геологи ставят все новые точки на карте.

...Работал на одном из казанских заводов слесарь Николай Галлягин. В цехе были довольны парнем, а он собой — нет. Хотелось дорог, трудностей... Стал трассовиком. Исколесил весь север страны. За шесть лет ни одна сотня километров подземных магистралей уложена его руками. Теперь Николай Галлягин опытный бригадир треста «Татнефтепроводстрой».

Рядом с ним два брата — Григорий и Юрий. Поддались соблазнительным рассказам старшего. Сперва немалую роль сыграл материальный интерес. Дело в том, что братья заядлые автогонщики. Вот и мечтали купить мощные мотоциклы. С тех пор накопили не на один мотоцикл, а в родную Казань не торопятся. Трудная работа трассовиков по достоинству оценивается государством. По 600—750 рублей в месяц зарабатывают люди в зимний сезон.

Накопили парни денег, поработали на славу, однако уезжать не собираются. Больше того, узнал недавно, что еще одного брата зовут к себе. Потому что в большинстве своем на трассах работают настоящие мужчины. Слабого никакой рубль не удержит, сильный свои интересы рублем не меряет.

Борис ОРЛОВ

Спасли музыку

**Евгений
ИЩЕНКО**

Кто не любит музыку Петра Ильича Чайковского?! Одним больше нравятся оперы великого композитора, другим — его камерные произведения. Среди последних наверняка найдутся те, кто с замиранием сердца слушает виолончельные «Вариации на тему рококо». Однако вряд ли все знают, что к возрождению истинного звучания этих «Вариаций» самое непосредственное отношение имели криминалисты.

Впервые это произведение было исполнено в 1877 году в Москве. Однако уже тогда прозвучала музыка, весьма далекая от оригинального замысла П. И. Чайковского. Это случилось потому, что композитор посвятил «Вариации» первому их исполнителю, известному виолончелисту В. Фитценгагену, который отредактировал произведение. Обошелся он с рукописью гениального современника довольно варварски: уничтожив целые музыкальные фразы, вписал на их место свои, заклеил ноты оригинала сургучом. Фитценгаген внес и целый ряд изменений: восьмая вариация была изъята, а остальные переставлены местами. В таком виде «Вариации на тему рококо» были в 1878 году изданы и исполнялись.

В конце 1930-х годов обладателем автографа «Вариаций» стал профессор Московской консерватории В. Л. Кубацкий, который решил восстановить произведение П. И. Чайковского. Сделать это было нелегко. Фитценгаген писал такими же чернилами, что и Чайковский, имел сходную с великим композитором манеру нотного письма. На восстановление ушли годы. А когда большой труд был завершен, музыкальные эксперты отказались признать его ценность. У них возникли сомнения в истинности восстановленной рукописи.

Вот тогда-то на помощь пришли криминалисты. Они сделали с рукописи при косо падающем ультрафиолетовом и инфракрасном освещении более 300 фотоснимков, на которых отчетливо проступали, казалось бы, навсегда уничтоженные Фитценгагеном ноты великого композитора. И весной 1941 года в концертном зале им. П. И. Чайковского впервые прозвучали «Вариации на тему рококо» в первоизданном виде.

Человек в море профессий

**Нина
МАЛЫШЕВА**

*Рисунок
А. Банных*

Челябинский журналист Г. Дмитрин в последние годы написал серию книг и брошюр, посвященных профессиональному самоопределению молодежи. Две из них вышли недавно массовыми тиражами в Москве: первая — «Держайте, вы талантливы!» — издана «Молодой гвардией» и адресована юношеству; вторая — «Когда сын выбирает профессию» — выпущена Политиздатом и включена в «Библиотечку семейного чтения». Поговорим о той, которая непосредственно обращена к молодежи, серьезно задумывающейся над проблемой «кем быть?».

По последним данным, в нашей стране насчитывается более 50 тысяч специальностей. Ежегодно в СССР рождается более 500 новых. Можно понять тех молодых людей, которые стоят перед выбором профессии столь же нерешительно, как и рыцарь на распутье.

Книга Г. Дмитрина «Держайте, вы талантливы!» не содержит универсальной формулы выбора, просто она рассказывает о том, что должно лежать в его основе: о моральном и нравственном багаже, что рождает и обуславливает счастливую встречу с призванием. И поэтому слова Маркса из его гимназического сочинения могли бы стать эпиграфом к ней: «...Главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наши собственные совершенствования. Человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования, только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага...

Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что это — жертва во имя всех, тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам...

Автор, не мудрствуя лукаво, не надоедая скучными нравоучениями по этому поводу, просто рассказывает юному читателю о людях, известных и не известных, о жизненных коллизиях, порой драматичных, часто обыкновенных, — и словно ожи-

вают, наполняются понятным и близким тебе смыслом старые, общие истины. Вот, к примеру, история инвалида Отечественной войны Федора Александровича Торяника. Однажды он увидел около своего дома плачущую девочку. Девочка потеряла куклу. А в ту послевоенную пору кукол в магазинах не было. «И тогда Торяник взялся сделать ей новую. Ничего особенного? Да, если бы не одно обстоятельство: у Федора Александровича не было обеих рук ниже локтей...» Так вместе с куклой для девочки к инвалиду вернулось ощущение своей нужности людям.

Да, выбор профессии — дело глубоко индивидуальное, глубоко личное. И, как правильно пишет Г. Дмитрин, товарищи, родители, педагоги и книги помогут найти свою профессию. «Но ответственность выбора лежит прежде всего на самом человеке: никто за тебя не осуществит твою мечту, не проживет твою жизнь». И автор предлагает на суд юного читателя яркий, своеобразный калейдоскоп из биографий и судеб. Но он еще и вычленяет при этом однотипность причин и ситуаций, поворачивающих человека лицом к будущей профессии, к делу всей его жизни, классифицирует способ приобщения к профессии. Делает это он ненавязчиво и тактично. Читая книгу, невольно вспоминаешь мудрые стихи Маршака:

Мораль нужна, но прибавить
не надо
Ее гвоздем к живым деревьям
сада,
К живым страницам детских
повестей.
Мораль нужна. Но — никаких
гвоздей.

Итак, если главным руководителем при выборе профессии должен быть гражданский долг, человеческий долг, то неотъемлемым качеством человека, стремящегося найти свое место в жизни, должно быть трудолюбие. На протяжении всего повествования Дмитрин подчеркивает, что без призвания к труду нет и не может быть призвания к профессии.

Или, говоря словами Ушинского: «Воспитание у детей безграничного трудолюбия — есть лучшая форма наследства, оставляемого им родителем».

ми, одно из важнейших условий счастья наследников». Именно способность к честному, самоотверженному, героическому и будничному труду дает право на признание и признание, славу и уважение.

Вот эпизод, которым автор заканчивает свою книгу, — о заслуженном летчике-испытателе СССР, Герое Советского Союза Сергее Анохине. На его счету немало подвигов. Но свой главный подвиг летчик совершил на земле. Испытание нового истребителя на прочность в 1945 году закончилось трагично. У Сергея сломана рука, разбито лицо и самое страшное — удален поврежденный в аварии глаз. В медицинском свидетельстве появилась короткая, безжалостно ломающая сложившуюся жизнь запись: «К летной службе не годен». Приговор, не подлежащий обжалованию. У человека с одним глазом в значительной степени теряется правильное пространственное и объемное представление, ухудшается так называемое глубинное зрение.

...Многие, долгие месяцы самого напряженного, самого тяжелого в его жизни труда. И Анохин победил. Под влиянием целенаправленного непрерывного тренажа сработали так называемые компенсаторные способности организма. Он снова стал летать. «Фактом своей биографии Анохин снова и снова подтвердил: возможности человека огромны. Но проявиться они могут лишь как итог систематического, ежегодного, ежедневного труда над собой».

Призыв к дерзанию и слова о таланте в названии этой книжки оказались вовсе не случайно. Весь ее пафос обращен на то, чтобы доказать: «Человек многогранен, богат способностями, надо приложить лишь определенные усилия ума и воли, чтобы найти, развить те грани своего дарования, которые больше всего соответствуют избранному делу, чтобы привести, как говорят ученые, в соответствие модель личности и самомодель профессии». Сама по себе эта концепция не нова. Ее выдвинул и обосновал еще Гельвеций. Но сегодня, к сожалению, многие писатели и журналисты, занимающиеся проблемами профессиональной ориентации школьников, предлагают молодым незавидную долю: долю единственного ключика к двери счастливой трудовой жизни, долю единственной профессии. Из нескольких десятков тысяч! Автор книги справедливо удивляется: с помощью какого сверхчувствительного компаса выбрать на эту единственную дорогу?! И, вновь обращаясь к судьбам, характерам, биографиям, к достижениям современной психологии, утверждает: работа над собой путем самоанализа, поиска, размышлений дает возможность быть субъектом выбора профессии, творцом призвания. Подтверждением тому — его рассказы о

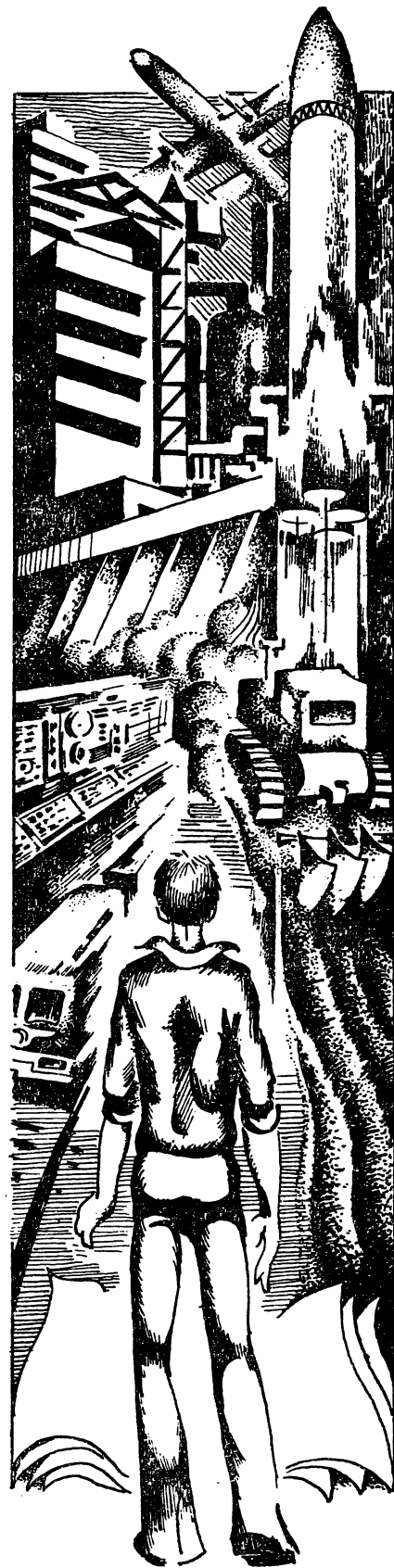
Брюхоненко и Чижевском, Бородине, Брюсове и просто о леснике Красине.

Г. Дмитрин не упрощает проблемы. Кроме глав, раскрывающих многогранность и даже универсальность дарований человека: «Быль о леснике и танкисте», «Все есть предмет творчества», «Время Великих начал», — он пишет главу «Но все ли ты можешь?» И в ней говорит: да, люди богаты способностями, но не равны в них; у каждого человека свой уровень и диапазон способностей; и, наконец, каждая профессия требует вполне определенных психологических характеристик.

В главе «Дорогу осилит идущий» автор, продолжая разговор о способностях, касается еще одной важной грани этой проблемы. Он говорит о роли профадаптации периода в процессе профессионального становления молодежи, подчеркивает огромную значимость первых трудовых шагов. Ведь от того, какими они будут, зависит, укрепится ли молодой человек в избранной сфере деятельности, либо у него появится желание, а иногда и необходимость переориентации, что недешево обходится обществу как в моральном, так и в экономическом отношении.

Дмитрин указывает и еще один аспект: трудно предположить, что школьник еще до встречи с профессией в состоянии учесть все требования и особенности ее. И, наконец, последний аргумент автора в пользу профадаптации: о призвании можно говорить только тогда, когда человек проявит себя практически, добьется в какой-либо отрасли труда значительных для своего возраста результатов. Во-вторых, он отрицает неудачников и вечно ищущих, обвиняя их не в отсутствии способностей, но в размягченности духа и слабости воли.

Точно определив специфику юношеского восприятия, Г. Дмитрин наполняет свою «книгу фактов» материалом не только определенной воспитательной ценности, но примерами яркими, интересными, захватывающими воображение читателя. И не только предлагает молодежи засвидетельствовать почтение к великим мира сего, но ищет в их судьбах и характерах эпизоды и черты, доступные повторению и заимствованию.

«О, эти русские!..»

**Евгений
СУББОТИН**

Получилось удивительно несправедливо, что имя Сергея Павловича Дягилева (1882—1929) за рубежом более известно, чем в нашей стране. Обидно, что на родине великого пропагандиста русского искусства, каким был Дягилев, до сих пор нет ни одного исследования, посвященного его жизни и деятельности, в то время как на Западе устраиваются выставки, издаются книги и снимаются кинофильмы, выпущены почтовые марки с его изображением...

В Пермскую мужскую классическую гимназию Сергей Дягилев поступил после успешной сдачи вступительных экзаменов сразу во второй класс.

Новый ученик привлек внимание учащихся прежде всего своей внешностью. Это был грузный для своего возраста мальчик, с большой головой и выразительными глазами. Гимназистам запомнилась его привычка при разговоре взмахивать рукой, заканчивая жест шелчком пальцев. Но не только внешностью выделялся молодой Дягилев. Он прекрасно знал русскую и зарубежную литературу, театр, музыку, умел играть на пианино, владел французским и немецким языками. Это придавало уважение к личности молодого Дяги́лева. Во всем же остальном это был обычный ребенок, живой, любящий пошалить и поспорить. Известно, что последнее слово в спорах он не раз утверждал с помощью кулаков.

Однако Сергей не блистал успехами в учебе. Его увлечение музыкой, театром, живописью мешало занятиям, и гимназию Сергей Дягилев закончил без награды.

В 1909 году Париж с нетерпением ожидал очередного ежегодного выступления русских артистов за рубежом, так называемого «Русского сезона». «Что приготовил Дягилев на этот раз? Чем удивит?» Эти вопросы обсуждались на страницах французских газет. И Дягилев оправдал надежды жителей французской столицы. На сей раз он не только удивил, он привел в восторг, ошеломил, потряс ценителей искусства. Имя Дяги́лева, его соратников и весть об успехе моментально облетели всю мировую прессу, организатора «Русских сезонов» Сергея Павловича Дяги́лева узнал весь мир. Наконец-то Дягилев добился своего: он был рад и горд — русское искусство впервые получило столь широкое международное признание, цель, к которой в течение нескольких лет стремился он, достигнута. Не легко, но интересен путь Дяги́лева к этой победе...

...В 1890 году в петербургском доме известной общественной деятельницы Анны Павловны Философовой появился новый жилец, ее племянник — 18-летний Сергей Дягилев, приехавший в столицу для поступления в университет. Тогда же, через двоюродного брата Диму Философова, Дягилев входит в кружок интеллигентной молодежи — общество самообразования, президентом которого был Александр Бенуа.

В письме к матери от 27 сентября 1890 года «почетный вольный общинник» Сергей Дягилев писал: «Бываю у Бенуа. Там у нас составился

кружок, человек в 5, и раз в неделю читаем каждый лекции из истории искусств, было уже 3. Бенуа читал «развитие искусства в Германии», Калинин (исполнял должность секретаря общества) «о современной критике» и Нувель читал «историю оперы». Я буду читать первую лекцию о Карамазовых и затем из музыки что-нибудь. Эти лекции очень интересны и полезны, во-первых, потому, что заставляют прочитывать много перед ними, во-вторых, потому, что причаю хорошо говорить».

В кружке к Дягилеву долгое время относились пренебрежительно, многих раздражала его склонность «к фатовству, к гусарству». Но когда дело дошло до издания журнала, оказалось, что среди кружковцев нет человека, который бы мог взять на себя роль лидера в этом деле. «Тут-то и обнаружилось,— вспоминал позднее Бенуа,— что за эти же годы, бок о бок с нами, присматриваясь со стороны к нам, втайне многому у нас учась, то приближаясь к нам вплотную, то удаляясь от нас, рос и развивался тот самый человек, который волей судьбы должен был «вывести нас в люди».

Здесь Бенуа говорит о Дягилеве, энергии, деловой хватке которого, умению найти выход из критической ситуации мог позавидовать любой. Результаты кипучей деятельности не замедлили сказаться. Уже в конце 1898 года под редакцией С. Дяги́лева выходит первый номер журнала «Мир искусства», в 1900 году организуется одноименное художественное объединение.

Из блестящей выставочной деятельности Сергея Дяги́лева на рубеже двух веков выделены «Историко-художественную выставку русских портретов», ставшую крупным событием в культурной жизни дореволюционной России, «праздником искусства», как отзывались о ней некоторые рецензенты. Выставка, открытая в марте 1905 года в залах Таврического дворца столицы, стала триумфом Дяги́лева. Именно при ее создании впервые в полной мере раскрылась масштабность организаторского таланта Сергея Дяги́лева и проявилась его большая любовь к русской культуре. Для организации выставки Дягилеву пришлось переложить массу исторической литературы в поисках мест, где, по его мнению, могли оказаться забытые картины, исколесить всю Россию. Он собрал 6000 произведений искусства.

Прекрасно разбираясь в живописи, по словам Грабаря, «гораздо лучше иных художников», и обладая несомненным талантом критика, Дягилев в 1902 году выпускает монографию о художнике Д. Г. Левицком, удостоенную премии Академии наук, выступает с рядом критических статей в печати. Имя Дяги́лева становится известным в России. Но Дяги́-

леву этого мало, он мечтает о большем — о покорении Парижа.

Что двигало Дягилевым? Жажда славы? Да, было и это, но это не главное! Главным была его безграничная любовь к русской культуре, вера в ее могучую силу. В одном из писем Дягилев писал, что для него «вопрос русских культурных побед есть вопрос жизни».

Покорение Парижа, а в его лице всей Европы, началось с живописи. Открытие в 1906 году русской художественной выставки в «Осеннем салоне», организованной Дягилевым, явилось международным признанием Врубеля, Бенуа, Серова, Коровина, Малаявина, Сомова и других русских художников.

В 1907 году Сергей Дягилев знакомил парижан с музыкой русских композиторов. В программе были произведения Глинки, Бородина, Чайковского, Мусоргского, Лядова, Скрябина. В этих симфонических концертах, известных под названием «Исторические русские концерты», участвовали приглашенные Дягилевым Рахманинов, Глазунов, Римский-Корсаков, Шаляпин.

В 1908 году Дягилев преподнесит Парижу уже оперное произведение. «Борис Годунов» Мусоргского с Шаляпиным в главной роли встретил горячий прием. Личность Дяги́лева становится популярной в Европе. Его деятельность является непременной темой разговоров в светских салонах Парижа и Петербурга. И если в первых слышны слова восторга и благодарности Сергею Дягилеву за знакомство с самобытным искусством России, то в последних больше говорят о трудностях их организации и отсутствии поддержки со стороны русского правительства.

А год 1909-й стал событием в истории мирового искусства. Чем же сумел Дягилев поразить на этот раз искушенных ценителей искусства? На сей раз был балет, искусство, находившееся в Западной Европе в глубоком кризисе. Дягилев преподнес Европе балет, как блестящий и органический синтез музыки, живописи и хореографии, показав всю прелесть этого прекраснейшего искусства. И именно с этого периода началось возрождение балетного театра Франции, а чуть позднее зарождение балетных трупп в Англии и США, руководителями которых становились артисты, ранее сотрудничавшие с Дягилевым.

Именно в годы «Русских сезонов» прочно устанавливается сохранившийся до наших дней авторитет русской балетной школы, русской музыки, русской театрально-декорационной живописи.

Академик Луи Жилле писал: «О, эти русские! Как объяснить то впечатление, которое произвели созданные ими волшебные видения?»

Прибытие русского балета было в подлинном смысле событием, неожиданностью, порывом бури, своего рода потрясением. «Шехерезада!» «Князь Игорь!» «Жар-птица!» «Призрак Розы!» Я могу сказать без преувеличения, что моя жизнь распадается на две эпохи: до и после русского балета. Все наши представления подверглись изменениям.

С восторгом о русском балете тех дней отзывались и другие выдающиеся деятели Франции, среди которых назовем писателей Ромена Роллана, Марселя Прево, Анатоля Франса, композиторов Клода Дебюс-

си и Мориса Равеля, скульптора Огюста Родена, художника Анри Матисса.

Триумф русского балета объясним прежде всего прекрасно подобранным ансамблем его участников. В антрепризе Сергея Дягилева приняли участие такие мастера сцены, как Анна Павлова, Тамара Карсавина, Ида Рубинштейн, Вацлав Нижинский, Михаил Фокин, а среди художников, выполнивших декорационное оформление спектаклей, были Александр Бенуа, Николай Рерих, Константин Коровин, Александр Головин. Ошибочно было бы думать, что заслуга Дягилева состоит только в организации переноса спектаклей балетного театра России на заграничную сцену, хотя сама по себе организация этого переноса, учитывая препятствия со стороны царского правительства, уже великое дело. Заслуга Дягилева в том, что его антреприза помогла освободиться балетному искусству России из «тисков казенщины правительственных театров», предоставила возможность более полного раскрытия творческих дарований ее участников.

Открытие талантов, постоянно вносящих свежую струю в искусство балета, неотделимо от всей деятельности Дягилева. Это он подарил миру хореографов М. Фокина, В. Нижинского, Л. Мясина, Д. Балачина. Это Дягилев проявил заботу о русском стиле в творчестве Сергея Прокофьева, создавшего для труппы «Русский балет С. П. Дягилева» (труппа образовалась в апреле 1911 года) музыку к трем балетам. А Игорь Стравинский произнес о Дягилеве такие слова: «Он не только любил мою музыку и верил в мое будущее, но и употребил всю свою энергию на то, чтобы раскрывать мое дарование перед публикой».

Популярность и авторитет труппы Сергея Дягилева были настолько значительны, что сотрудничество с ней считали за честь для себя такие зарубежные деятели искусства, как композиторы К. Дебюсси, Ж. Орик, Ф. Пуленк, М. Равель, Р. Штраус, Э. Сати, художники П. Пикассо, Ж. Миро, А. Дерен, А. Матисс. Такого соцветия талантов не знал еще ни один балетный театр мира.

Первая мировая война, а затем Октябрьская революция застали Сергея Павловича Дягилева за границей. Дягилев всегда думал о возвращении на родину. События, происходившие в России, как правило, находили отражение и в его деятельности. Так, в годы первой мировой войны, когда Россию наводнили раненые, этот «коммерсант, чуждый всякой расчетливости», как о нем отзывался Стравинский, устраивает в Женеве, Париже и Риме спектакли в пользу Красного Креста. Один спектакль только

в парижской «Гранд Опера» увеличил фонд этого общества на 400 тысяч франков золотом!

После Февральской революции Дягилев перед парадным спектаклем в Риме заменяет верноподданнический царский гимн «Боже, царя храни» знаменитой песней волжских бурлаков «Дубинушкой». События 1917 года были отмечены водружением красного знамени в финале балета Стравинского «Жар-птица». Свое возмущение по поводу этого спектакля правящие круги Франции выразили письмом С. П. Дягилеву, однако это не помешало ему повторить сцену в Италии.

В России началось строительство социализма, и Дягилев заказывает Сергею Прокофьеву балет «Стальной скок». После премьеры балета белоэмигрантские газеты взбешены: «Ключий цветок служителей Пролеткульта». Другие газеты называют композитора «апостолом большевизма». «Прокофьев путешествует по нашим странам, но отказывается мыслить по-нашему». Эти слова в полной мере можно отнести и к Дягилеву.

Дягилев вернулся бы на родину, так считали многие, знавшие его в последние годы жизни, но скоростная смерть в Венеции помешала этому. Интересное совпадение: смерть Дягилева в Венеции удивительным образом соприкоснулась с впечатлением его юности. Посетив этот город в 1890 году, сразу после окончания гимназии, Сергей Павлович писал родным в Пермь, что Венеция «иногда до того красива, что хоть лежись да умирай». Не мог знать тогда 18-летний Дягилев, что этот прекрасный город действительно станет последним на его жизненном пути.

Очень верно о Сергее Павловиче Дягилеве сказал художник М. В. Нестеров:

«Дягилев — явление чисто русское, хотя и чрезвычайное. В нем соединились все особенности русской одаренности. Спокон веков в отечестве нашем не переводились Дягилевы. Они — то тут, то там — давали себя знать. Редкое поколение в какой-нибудь области не имело своего Дягилева, человека огромных дарований, не меньших дерзновенный, и не их вина, что в прошлом не всегда наша страна, наше общество умело их оценить и с равным талантом силы их использовать».

На снимках: С. П. Дягилев; площадь Дягилева в Париже.

ТРОФИМ- МИГРАНТ

Николай
БОЙКО

Рисунок
Н. Мооса

В Усть-Вою, большое село на средней Печоре, мы прибыли во второй половине короткого осеннего дня, хмурого и холодного. Моросил мелкий вьедливый дождь. Налетал резкий, порывистый ветер с низовьев неприветливой, серо-свинцовой реки.

Баржу, из опасения посадить на мель, остановили далеко от берега. А у нас грузы были громоздкими и тяжелыми: жилые балки, огромные железные баки под солярку, буровой агрегат, трелевочный трактор. За что ни возьмись — или автокран надо, или очень много людей. Нас же всего двенадцать человек на барже.

— Что будем делать? — спросил я у своих подчиненных, обескураженно оглядывая реку и ее песчаный с редкими валунами берег. — Может, назад поплывем?..

Шутку не поддержали. Какое там, в самом деле, назад, когда через неделю-другую мы должны бурить скважины.

— Ныряем, хлопцы! — скомандовал я.

Выбравшись на берег из ледяной воды, мы скорее всего развели костер из валявшегося в изоляции сушняка, разделелись и — что значит молодость! — почти совсем голые толпились со смехом вокруг огня, сушили одежду, портянки, не замечая холодного дождя и пронизывающего ветра.

— Салют индейцам! — вдруг крикнул кто-то с берега.

Я глянул вверх. На береговой круче у сосен стоял высокий, давненько не бритый мужчина, расставив по-хозяйски сильные ноги, глубоко загнув руки в карманы ватных штанов.

— Ты кто? — спросил я.

— Человек, — ответил мужик.

Он стоял все так же и ждал, похоже, что мы дальше будем делать.

— Солнце, леший, застишь! — крикнул кто-то ради развлечения, потому что солнца и в помине было.

— Разговор есть, — сказал незнакомец.

— Спускайся, коль есть, — махнул я рукой.

Помедлив, он съехал к нам на брюках, осыпая мокрый песок и гальку.

— Трофим, — коротко назвал он себя и, повернувшись к реке, кивнул на покачивающуюся на серо-свинцовой воде баржу: — Твоя?

— Наша.

— Ближе почему не поставил?
— Шкипер не захотел. На мель, говорит, сяду...
— Врет он: столкнуть можно трактором!
— Тракториста нет. Заболел по дороге.
— Разрешить?
— Давай, — согласился я, считая, что хуже не будет.

— А спирт у тебя есть?
Я кивнул и он, живо сняв резиновые сапоги и сбросив телогрейку, решительно вошел в реку. Доплыв до баржи, легко забрался на нее, завел трактор, громко и властно окликнул шкипера:

— Родька-а! Сам посудину ближе к людям поставишь или, может, я?

Родька, малый лет тридцати, огненно-рыжий, веснушчатый, в бушлате и в фуражке с «капустой», высунулся из своей будки:

— И так разгрузят!
— Родио-он!..
— Разгру-узят!..
— Принимай трос с лебедки, — крикнул мне Трофим, откинув от себя щуплого низкорослого Родьку, повисшего было у него на рукаве, опустил щит трактора прямо на палубу, включил лебедку. Трос натянуло и, вздрогнув, баржа медленно пошла к берегу...

Вечером у костра Трофим, после выпитого за знакомство, отмяк, подобрел и охотно рассказал о себе.

— Спрашиваешь, откуда знает меня Родька-шкипер и почему называет цыганом? А кто меня на Печоре не знает? — скупно улыбнулся он, глядя поверх костра на реку, что тяжело плескалась внизу. — Родом я не из цыган. Это Родька врет. Вид у меня только цыганский. Внутренний мигрант я: с квадрата на квадрат переезжаю... На казахстанской целине старт взял. Пахал там, сеял, хлеб убирал. Зарабатывал хорошо, да... Поймете ли вы меня? Надоело одно и то же! В тайгу потянуло. Сплю и видится — работаю, ломлюсь через нее по меридиану на своем бульдозере! Не выдержал. Жену с дочкой оставил, дом оставил. «Троша, куда ты? Зачем?!» — руками вцепилась. «Ждите, — говорю. — На новом, нескучном месте устроюсь — заберу...»

Трофим зябко передернул плечами и придвинулся ближе к костру. Поразили меня его глаза. Только что молодые, мечтательные, дерзкие, они равнодушно-тупо смотрели в огонь. Они, ей-богу, были как окна в нежилой холодной избе. Вот-вот, казалось, ударит Трофим себя в грудь кулаком, начнет каяться, жалеть, что покинул жену с дочкой.

Но Трофим быстро подавил в себе минутную слабость и продолжал ровным, отвердевшим,

даже веселым голосом, в котором, однако, улавливалась ирония над самим собой.

— Ворочай, Трофим! Буди вековую тайгу! — сказали мне на Оби в экспедиции...

— Дороги бил к буровым. Деревья — вдвоем не обхватишь, вершинами в небо уперлись. Работа была! Настоящая! Человеком себя чувствовал. Нужным! О деньгах и не говорю: платят сотенными. Приятелей вокруг меня — рой. В душу — а была она у меня, как Сибирь, просторная! — чуть не с сапогами лезут: «Троша! Друг ты наш, не можем без тебя!..»

Куда тут, думаю, женку вызывать? Самому, вижу, тесно!.. «Прощайте, — говорю, — чалдоны сибирские. Посеялся я у вас, да не пророс. На другой, более интересный квадрат переезжаю, прорасту там, зазеленею, женку с дочкой!..»

Оборвав на полуслове, Трофим долго разминал в сухих длинных пальцах очередную мою «беломорину», а затем прикурил от вишневого уголька, держа его на ладони, словно ледяшку. А я, отнюдь не с праздным интересом, присматривался и приценивался к нему. Мне позарез нужен был тракторист, и именно такой, готовый, как я сам уже видел, броситься в ледяную воду и завести чужому дяде трактор. Нужен был сообразительный и смелый малый, пусть даже «внутренний мигрант», но чтобы знал свое дело и не боялся работы.

— Рассказывай, — попросил я Трофима.

— Смотришь, небось, со стороны, — нахмурился он, — и думаешь: «перекати-поле, летун!»

— Да как тебе сказать... — смешался я.

— Думай, как хочешь. Но одно во мне уважай: жажду побольше узнать. И тогда поймешь, почему мне не до женки и дочки. Почему нет покоя в душе, удовлетворения, а все что-то тянет куда-то. «На Сургуте, — шепчет, — ты был. Был в Самотлоре, в Надыме, Норильске... А ведь по ту сторону батюшки-Урала тоже люди живут!..»

Помолчав, Трофим не спеша продолжал, все так же задумчиво и вместе с тем удивленно, глядя в огонь:

— Перевалил через Урал — действительно, живут, шахт понарыли, большой город посередь голой тундры поставили. Но — еще чего-то ищут, как я, заведенный: экспедиция у них — первый класс!..

— Комплексная, — подтвердил я.

— Ввалился к ним, рапортую: так и так, приехал из-за Урала вам на помощь: тракторист, дизелист, буровик — кого надо, того во мне и выбирайте! Ну, они с ходу меня на Халмер-ю!.. Слышал о таком?

И получив утвердительный ответ, закрутил головой:

— Поселочек, скажу тебе! Полгода пуржит. На буровую в июне идешь — за веревку держишься. Три захода как-то делал — и все мимо

дверей проносило! Наконец схитрил, попластунски пополз. Ползу, — тонко усмехнулся Трофим, — и сам себя из снега выкапываю...

Наш разговор затянулся до полуночи, пора было кончать: усталость брала свое, а завтра предстоял трудный день. Да и все, что нужно было узнать о Трофиме, я узнал и даже свое мнение о нем составил.

Передо мной сидел, несомненно, летун, но особой породы, выведенный из общего вида тех летунов, которые нигде и никогда сами ничего не начинают и не заканчивают, прилетают на уже кем-то начатое всего лишь попробовать, пока не надоест — своего рода дегустаторы, опробователи жизни, всегда и везде ищущие у ее края.

Трофим принадлежал к их высшему подвиду: для него к длинному рублю подавай на десерт еще и необычность, новизну, от которой он согласен какое-то время ходить как в чаду.

Я смотрел на него, слушал его рассказ о Вуктыле и Тэбуке, осуждал про себя и в то же время знал, что приму к себе в отряд. Иначе не выкручусь...

— А сюда, в это село, каким ветром тебя занесло? — спросил я на всякий случай.

— Услышал, что Печору хотят где-то здесь на юг поворачивать — интересно стало!..

До весны пробыл у меня в отряде Трофим трактористом, набрасываясь с жадностью на любую работу. Слово всю, сколько ее было на огромном поисковом участке, хотел переделать за отпущенный ему срок, который ни придвинуть и ни отодвинуть: придет его время — и на полпути к буровой бросит он бак с соляжкой и трактор...

Я ждал этого часа, и чем ниже спускалась по Печоре весна, чем уверенней пробиралась она по тайге, тем с большей тревогой (поглянувшись он мне!) присматривался к Трофиму. До странности азартная радость приходила ко мне, когда видел, как он одним энергичным рывком заводил подзастывший на холоде трактор или запускал дизель на буровой. Если надо было, не задумываясь, лез под картер и часами лежал на снегу.

Скажу: «Трофим, пускач на буровой чего-то забарахлил». Не его это дело, есть на буровой свой дизелист. А он пойдет и каждый винтик проверит.

Скажу: «Бабки в Старой Усть-Вое без дров сидят, просили, если сможешь, подкинуть лесину-другую...»

Выберет время, когда на буровой нет работы, и одной кучу вровень с избой привезет, другой... Когда и отдыхает, не знаю!

— Взлетную полосу, Трофим, надо от снега очистить — в сельсовете просили...

Взлетно-посадочная полоса — квадрат стылой земли, раскорчеванный от низкорослых редких сосенок. Задует, заметет ее снегом иной раз так, что и красных флажков по бокам не видно, лишь одна полосатая «колбаса» на ветру мотается. Скажешь ему и забудешь, завертисься. А он не забудет, слышишь, рокочет на аэродроме трактор — таскает Трофим по переметной поляне тяжелый деревянный клин-треугольник.

Но запахло весной, заблестела вода в затишьях, прогретых солнцем, и — подменили Трофима. Сидит в тракторе, солярку на буровую везет и вдруг — стоп, выскакивает из кабины на рыхлый ноздреватый снег и стоит, смотрит, как в синем высоком, без единой куртиночки, небе летят гуси...

— Тебя, — спрашиваю, — кличут?

— Меня, — отводит виновато глаза.

— Куда на этот раз? На Ямал, на Новую Землю?..

— Сам не знаю... Куда потянет...

— Ты брось, — говорю. — Угомонись, около сорока тебе?..

— Пятый десяток скоро разменяю. В июне.

— Вот видишь, пора бы понять, что жизнь — это не вокзал, где постоянно хлопают двери.

Гляжу, а он трясущимися, как у пьяницы, руками подает заявление, вытаскивает из потайного кармана еще какую-то потертую от долгого ношения бумажку.

— Что еще? — спрашиваю.

— Письмо дочка прислала. Хочешь — почитай... — и подает его мне вместе с заявлением на расчет.

«Милый далекий папочка! — читаю про себя. — Я уже большая выросла, почти с маму. Восьмой класс заканчиваю. Учусь хорошо, в девятый, наверно, пойду, чтоб в институт потом поступить.

Я очень горжусь тобой, папочка. У всех моих подруг папы дома сидят и работают, — а ты Крайний Север покоряешь.

Я тебя ни разу в жизни не видела и не знаю, какой ты, но мама говорит — большой, сильный и добрый...»

Я не смог читать дальше и вернул Трофиму письмо:

— Езжай.

— Спасибо, — ответил он глухо и, потоптавшись, безнадежно-тихо добавил: — Поеду, если, конечно, в Усинске не застряну...

Ранним утром — налегке — он ушел. Река еще не вскрылась, и Трофим заспешил в соседний поселок. Оттуда быстрее можно было попасть в неустроенный Усинск.

ВАРАКУШИ

Габдулла
БАЙБУРИН

Рисунок
Т. Анпилоговой

Никогда, братцы, не видывал я такой клубники, какая уродилась в нынешнем году. Некоторые ягоды величиной с детский кулак.

Я наклонился, чтобы сорвать одну особенно большую ягоду, но не успел поднести руку, как мой взгляд привлекло другое: прямо под ногами, на земле, было маленькое гнездышко, а в нем уютно устроились шесть пятнисто-красчатых яичек не крупнее фасоли.

В этот момент надо мной пронеслась, едва не задев крылом за голову, сначала одна птичка, потом точно такая же другая. Птички взволнованно носились вокруг и отчаянно трещали:

— Теть, теть.

Ага, так вот кто поселился у меня в клубнике. Это же варакуши, или иначе их называют синегрудки.

«Как же это так? — подумал я. — Где гнездо свили! Не могли места получше выбрать. Хорошо, пока птенцов еще нет, а что будет, когда появятся и поднимут писк на весь сад! Тут же полным-полно кошек. Только у одного сторожа их три. А Васька-разбойник соседа моего Галиахмет-агая. Этот вообще днюет и ночует у нас. Сами приучили...»

Нет, придется теперь, пока птенцы не выведутся и не вырастут, с кошками по-другому разговаривать. Но удастся ли уследить? Все эти Пеструхи и Васьки ночи напролет шныряют по саду. Да и днем не будешь же сидеть возле гнезда и караулить. Вот если бы перенести гнездо хоть на ветку смородины... Впрочем, этого нельзя делать.

Погруженный в свои мысли, я не заметил, как, широко распахнув калитку, ко мне в гости пожаловал сам Галиахмет-агай.

— О чем заботы? Почему тень на лице в солнечный день? — весело приветствовал он меня.

Я рассказал ему о гнезде.

— Да, переносить нельзя, ни в коем случае. Даже трогать, — сказал сосед. — Бывают птицы, которые сразу же бросают гнездо, только прикоснись к нему. Может быть и варакуши такие.

— Тогда посади своего кота на цепь, — сказал я.

— Это не решит вопроса, — возразил Галиахмет-агай. — Другие найдутся... Но у меня, ка-

жется, есть идея. Возьми одну из своих железных бочек и возведи забор вокруг гнезда.

— Как? — не понял я.

— А так: берешь зубило в одну руку, молоток в другую и лупишь, пока не вырубил дно. Потом, когда птенцы проклюнутся, поставишь бочку вверх дном над гнездом и порядок — кошка туда не залезет, а небо у птиц над головой, лети куда хочешь, понял?

Мне понравилась идея, однако сразу же взяться за дело не мог. Не было зубила. Молоток был, а этого куска железа, по которому колотят, не было.

Я обошел всех соседей — зубила нет, поехал в город, обежал пять магазинов — тоже не нашел. Правда, один пожилой продавец посоветовал:

— Поищи-ка ты, брат, зубило на толчке.

Дождался я воскресенья. Пошел на толкучку и зубило раздобыл превосходное.

Окрыленный, я конечно в тот же день помчался на дачу. Все эти дни волновался: как-то там мои синегрудки?

Еще издали увидел — вертятся возле клубники. Сначала одна с кормом в клюве выпорхнула из-за яблони, потом другая. «Ага, выходит, не только живы, но и птенцов вывели!» Я стал за ними наблюдать.

Не так уж варакуши наивны и бесхитростны, как это может показаться. Найдя корм, прежде чем лететь в гнездо, каждая варакуша садилась на яблоню. Потом, прыгая с ветки на ветку и оглядываясь по сторонам, приближалась к гнезду и, наконец, в какой-то момент — рраз! — как брошенный камень, ныряла в ягодник. Исчезала мгновенно, так что за ней и глазу не уследить.

Влетали они обязательно в другом месте и садилась уже не на яблоню, а на вишню.

А посмотрели бы вы, как они корм ищут! Неудобности их можно позавидовать. Синегрудки не прыгают по земле, как воробьи, а стремительно бегают по ней. Мгновенно пробегают два-три метра, а по пути успевают поживу найти.

Не помню, сколько времени я простоял с зубилом в руках, а потом заколебался: нужно ли гробить бочку? Птенцы за это время ни разу не пискнули из ягодника, как в рот воды набрали.

Чтобы окончательно убедиться, я все-таки решил взглянуть на птенцов. Подошел со стороны вишни почти вплотную к гнезду, сделал вид, что собираю ягоды, потихоньку раздвинул листову и... ничего не увидел. Осмотрел все внимательно — никакого результата. Меня даже заело: не могло же гнездо исчезнуть. И уходить надо, и уйти не могу. Птицы беспокоятся, а я не ухажу...

Нашел я гнездо в конце концов. Рядом оказалось. Но до сих пор удивляюсь: до чего природа хитра!

Гнездо сделано было из серовато-зеленых былинки, кругом трава похожего цвета и земля — соответственно. Да что там земля! Сами птенцы ничем не выделялись на этом фоне. И что интересно: сидели, пока я на них смотрел, как каменные, не шелохнувшись. Я даже засомневался: живы ли они, и решил их потрогать. Но только поднес палец к гнезду, как один птенец неожиданно повернул голову и разинул свой желтый клюв. Я даже вздрогнул от неожиданности.

Конечно, старшие синегрудки страшно переполошились, пока я разглядывал птенцов. Они носились вокруг с таким писком, что хоть уши затыкай.

«Похоже, им и вправду никакой защиты не нужно, раз они строят гнездо на земле, да еще так, что его в упор не разглядишь. Значит, природа и это предусмотрела», — думал я, выбираясь из клубники и срывая по пути спелые ягоды.

Одним словом, после этого я взял инструменты, пошел в сарай и бросил их в ящик, решив, что в случае чего всегда успею вырубить дно в любой из бочек. Однако зубило пролежало в ящике и на второй, и на третий, и на четвертый день...

Каждое утро, как только я выходил на крыльцо, синегрудки встречали меня своей незатейливой песенкой:

— Теть, теть...

Я с удовольствием наблюдал за ними и тоже приветствовал их:

— Привет, остроносенькие, привет, хлопотуши!

И все шло нормально. Я занимался своими делами, а синегрудки своими: бегали рядом со мной и тыкали куда попало носом.

До чего же изящна и симпатична варакуша. И, кажется, вовсе не имеет веса. Как встанет против солнца, словно радуга вспыхнет, переливается разноцветное ожерелье на ее груди из синих, красных и черных полос.

Я любовался птичками, испытывая к ним своеобразную благодарность за доверие, которое они мне оказали, поселившись в моем саду. Может быть, мне это просто казалось, но синегрудки действительно бегали совсем рядом со мной по свежевскопанной земле, не улетая, а смешно уклоняясь от комьев земли, летящих с моей лопаты...

Не без грусти я думал о том, что нам вскоре придется расстаться. Вот-вот должны выпорхнуть из гнезда птенцы, и улетят мои друзья куда-нибудь в зеленую урему на берега Демы. А может быть, до осени останутся?

Но... Это так и осталось загадкой.

Однажды мне пришлось срочно уехать на один день в город. По возвращении варакуши встретили меня прямо у ворот.

— Теть, теть!..

Однако это было не обычное приветствие, а какое-то тревожное. У меня екнуло сердце. Я присмотрелся повнимательнее, варакуши действительно вели себя необычно. Отчаянно крича и широко раскрывая рты, они носились над клубникой, круто разворачиваясь, то взмывая вверх, то почти падая на землю. Сначала я не хотел верить дурным предчувствиям, но потом не выдержал и побежал к гнезду. Там птенцов не было.

До сих пор не знаю, что произошло. То ли кошка поохотилась, то ли хищная птица. Во всяком случае ни вокруг гнезда, ни рядом не было перьев, ни чьих-либо следов, и куда делись птенцы — абсолютно непонятно.

Синегрудки кружились рядом, затем проводили до самого крыльца все с теми же печальными криками-вопросами.

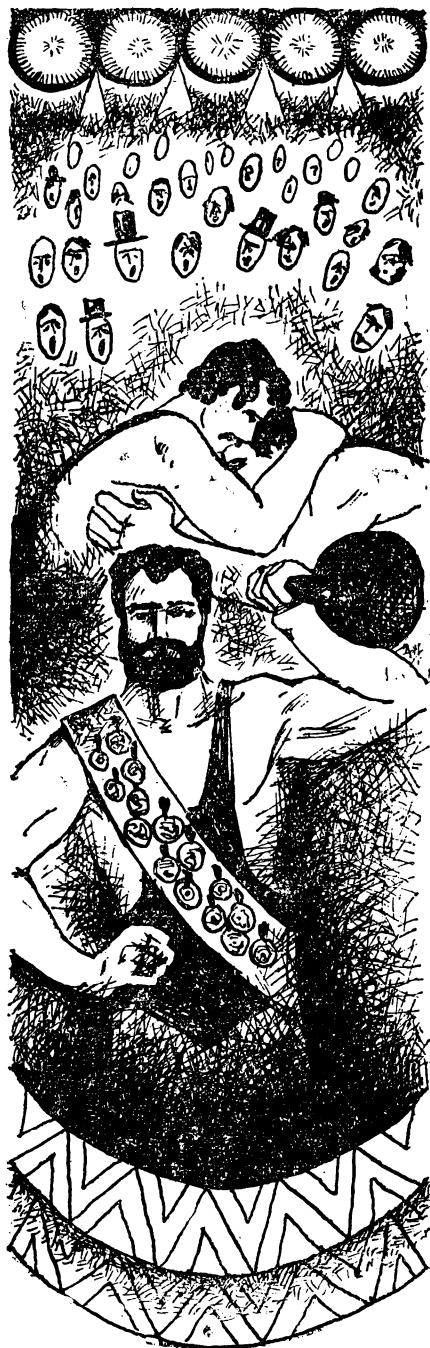
Да, вот так получилось. Мне казалось, что птицы обвиняют меня и кричат почти по-человечьему, выговаривая:

— Куда дел? Отдай!

У них были на это основания. Видели же они, как я рассматривал их гнездо... А может быть, они просто рассказывали мне о своем горе? Но почему — о горе? Птенцы вполне могли и сами покинуть гнездо, особенно — по тревоге, а родители проглядели их вылет и теперь недоумевали вместе со мной.

Перевод с башкирского Е. Мальчинова

БОГАТЫРИ РОССИИ

**Михаил
АПТЕКАРЬ,**
судья международной
категории по тяжелой атлетике,

**Владимир
ПУРОНЕН**

Некий профессор в каком-то музее предложил посетителям примерить кольчуги и латы средневековых рыцарей, и многим это одеяние оказалось коротковатым. Мы растем от века к веку. Но вот становимся ли сильнее? А если тот же самый профессор предложит еще помахать мечами, палицами, копьями и щитами, входившими в комплект вооружения рыцарей? Не каких-нибудь чудо-богатырей — самых обыкновенных вояк, каких было тысячи и тысячи? Не каждый наш современник смог бы легко поднять щит. А хозяева этого оружия могли часами работать им, не зная усталости, и при этом носить на себе до тридцати и более килограммов разного защитного снаряжения — латы, шлемы, панцири...

Когда кто-нибудь из нынешних тяжелоатлетов устанавливает очередной рекорд, иной журналист не преминет сказать, что никто из силачей прошлого не поднимал подобного веса и даже прославленные атлеты Древней Греции не справились бы с такой штангой. Это верно — античные атлеты штанг не поднимали: этот спортивный снаряд им вообще не был известен. Что же они поднимали?

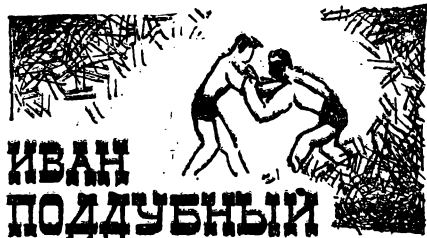
Кто что... Милон Кротонский, например, обошел однажды стадион в Олимпии с четырехлетним быком на спине. «Рекорду» этому около 2500 лет. Сколько он весил — бычок? Сообщим, что средний вес быка пятьсот килограммов.

В музее Олимпии хранится камень, по форме отдаленно напоминающий гирю, весом сто сорок три килограмма. На камне высечена надпись: «Бибон поднял меня над головой одной рукой». Было это в шестом веке до нашей эры. Англичанин (немец по происхождению) Артур Саксон в 1906 году вытолкнул от плеча правой рукой вверх штангу весом 159 килограммов; и все-таки рекорд Бибона не был побит, ибо штанга — снаряд, несравненно более удобный, чем камень. Кстати, и достижение Артура Саксона тоже пока еще никем не перекрыто.

До сего дня нашлось не много желающих повторить достижения Сергея Елисева (в начале века они считались мировыми рекордами) в упражнениях с раздельным весом — по гире в каждой руке. Вот некоторые из них: жим двух гирь двумя руками — 119 килограммов, толчок двух гирь — 132 килограмма, выбрасывание гирь — 112 килограммов.

У нас есть Василий Алексеев. Да, он величайший атлет наших дней. Но величайшие атлеты были во все времена, и соберись они все на одном помосте — трудно сказать, кто бы из них был признан сильнейшим...

Если нашему современнику задать вопрос: «Кто сегодня чемпион мира по классической или иной борьбе?» — ответом чаще всего будет недоуменное пожатие плеч. Да, борьба сейчас уже не пользуется тем успехом, что, допустим, полсотни лет назад. Но даже в наши дни почти каждый что-нибудь да слышал об Иване Поддубном.

С именем Ивана Максимовича Поддубного связана целая эпоха в истории отечественного и мирового спорта. И цирка — тоже. Впервые на ковер Иван Максимович — тогда еще старший рабочий Феодосийской транспортной фирмы, проще говоря, грузчик — вышел в 1896 году, имея от роду 26 лет, и покинул его только через сорок пять лет, в 70-летнем возрасте. Рабочий стаж, что и говорить, изрядный!

Шли годы. Менялись поколения борцов и зрителей. А Поддубный оставался. Казалось, время потеряло над ним власть. Начав выступать как борец-поясник, Поддубный примерно с 1903 года становится выдающимся специалистом французской борьбы, хотя и поясну не забывает. Завоевав в 1905 году в Париже титул чемпиона мира, он своими дальнейшими успехами на протяжении многих лет подтверждает это звание.

...Афиши Томского городского цирка в начале марта 1937 года известили о приезде Поддубного. Билеты брались с боем. Парад-алле борцов. Арбитр хорошо поставленным голосом перечисляет их титулы, сообщает, когда и каких соперников они повергли наземь. Закончив перечень, арбитр торжественно провозглашает:

— Для участия в чемпионате в Томск прибыл чемпион чемпионов мира Иван Максимович Поддубный!

Под гром аплодисментов на манеж выбегает рослый пожилой мужчина в черном борцовском трико и, остановившись, делает «комплимент» — полупоклон на все четыре стороны.

Плечи его поражают шириной, погрузившая фигура все еще говорит о незаурядной мощи. В несколько минут, после обоюдных рывков и захватов он, броском через бедро, переводит противника в партер, ставит на мост — и заставляет коснуться ковра не только лопатками, но и всей спиной. Каждый прием, проводимый

чемпионом мира, сопровождается овациями.

Соперниками Поддубного, в числе прочих борцов, были Н. Васманов, И. Чуфистов, Верден (Н. Жеребцов), Урс-Ярчак, негр Франк Гуд... Имена эти сегодня ничего не говорят любителям борьбы, но много лет назад они могли украсить афишу любого столичного цирка. Иногда на ковер померяться силами с профессионалами выходили любители. Схватки с участием местных борцов оживляли интерес публики. Между прочим, местная печать, объявляя программу на вечер, сообщала только о том, какие борцы и в паре с кем выйдут на арену. Об акробатах, дрессировщиках, канатоходцах даже не упоминалось, хотя борьба занимала никак не больше одной трети всего представления.

Помимо французской, атлеты показывали национальные виды борьбы: вольно-американскую (сейчас просто вольная), русско-шведскую — на помехах, турецкую, нормандскую, цыганскую... Незабываемое было зрелище! Праздник атлетического спорта длился несколько часов подряд: борцы поднимали штанги, жонглировали гириями, демонстрировали мускулатуру.

В показательной схватке принял участие и сам арбитр В. К. Раковский — еще в двадцатых годах он довольно успешно боролся в Сибири и на Дальнем Востоке. Выступал он чаще всего под красной маской. Утверждают, что маску «изобрел» неистовый на выдумку «дядя Ваня» — И. Лебедев. Выступления борца в маске (черная маска, красная маска) обеспечивали дополнительный приток зрителей, и антрепренеры выпускали обычно маску под занавес чемпионата. Под нею чаще всего скрывались хорошие профессионалы, но иногда выступали инкогнито и сильные, любители из числа студентов, чиновников, военнослужащих. Для лиц из «приличного» общества выступать на ковре перед публикой считалось делом предосудительным, а военным — и прямо запрещалось.

Закрывал программу прощальный выход Поддубного — он делился воспоминаниями о своем спортивном прошлом, рассказывал о странах, где пришлось выступать, о соперниках, которых довелось уложить.

Конечно, Поддубный 30-х годов заметно уступал Поддубному периода расцвета его силы и мастерства, хотя и на седьмом десятке Иван Максимович был борцом далеко не слабым. Признанс народное обязывало вновь и вновь выходить на ковер. Он уже не мог проводить своих «коронных» приемов. Если было пужно, соперники подыгрывали старику: Поддубный исполнял роль этакого «папаша», который утихомиривает не в меру расшалившихся «сынков». Выступления его скорее были пропагандой борьбы,

чем борьбой в полном смысле слова. В управлении госцирков чемпион был на особом положении — нечто вроде резерва главного командования: он поднимал сборы, его порою перебрашивали в «горящие» цирки для направления дел.

Но и в преклонном возрасте слава Поддубного не была «двухтой». Не один борец, осмелившийся поверить в это, жестоко просчитался. В Харькове в 1924 году с чемпионом мира должен был бороться довольно известный в те годы атлет Квариани. Он был в расцвете сил и раза в два моложе Ивана Максимовича. Поэтому предположение последнего бороться минут двадцать, а затем «выкинуть белый флаг» Квариани принял как оскорбление. Лечь под старика?! Квариани пришлось убедиться, как далеко ему до «папаша». Иван Поддубный несколько раз поднимал противника «на второй этаж» и с силой швырял на ковер, даже не пытаясь довести прием до конца. После одного из таких бросков Квариани встать уже не мог, и его унесли с арены без сознания. Схватка длилась всего три-четыре минуты...

Летом того же года на открытом конкурсе атлетического телосложения в Москве Поддубному единодушно был присужден приз как обладателю востину геркулесовской мускулатуры. Совсем неплохо для человека пятидесяти трех лет! Вскоре после этого Иван Максимович отправился в двухлетние гастроли по Америке, где ему пришлось временно переквалифицироваться в борца вольного стиля, так как борьба французская в Новом Свете была не в почете. И там Поддубный не уронил чести своего имени. Выступая почти без поражений, он на деле доказал, что остается, несмотря на возраст, одним из сильнейших борцов своего времени. На родину Иван Максимович вернулся с титулом «чемпиона Америки».

При всей условности цирковой борьбы Поддубный всегда был готов к бескомпромиссной схватке. В 1919 году город Бердянск, где должен был проходить чемпионат французской борьбы, был внезапно захвачен махновцами. Махно предложил чемпиону мира померяться силами со своим силачом Грицко. Друга пытался уговорить Максимыча красиво проиграть махновцу — неровен час, в отместку за поражение «своего» анархисты-бандиты могли перестрелять весь чемпионат... Но Поддубный оставался Поддубным: на второй минуте Грицко лежал на лопатках. У Махно, вероятно, было хорошее настроение, поскольку он не только не наказал борцов за такой конфуз, но и наградил их тремя фунтами керенок...

Знаменитости прошлого старались, по возможности, избегать встреч друг с другом. Никогда не

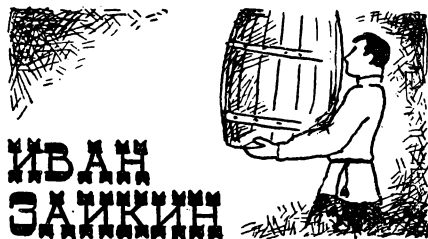
боролись, например, Поддубный и Геккеншмидт. Поражение могло нанести весомый ущерб репутации. Чтобы определить место в «табели о рангах», несколько наиболее известных европейских борцов в начале века съехались в Гамбурге и там, при закрытых дверях, выясняли отношения. С тех пор выражение «по гамбургскому счету» стало равнозначно словам «на самом деле». Так вот, по гамбургскому счету мало кто мог стать ровней с Поддубным добрых тридцать лет.

Конечно, были поражения и у Поддубного. Ему случалось проигрывать Раулю де Буше — французскому мяснику, Станиславу Збышко (по очкам), Клементсу Булю, Ивану Чуфистову и еще нескольким борцам мирового класса — у всех, кроме Збышко, Поддубный брал реванш. Но поражений было мало, и в среде самих борцов Поддубный считался явлением исключительным.

Провинциальные борцы охотно принимали в качестве псевдонима имя Поддубного — лучшую рекламу трудно было придумать. Один из таких «Поддубных» был небезызвестный Василий Федорович Бабушкин, подвиг которого во время русско-японской войны хорошо описаны русским писателем А. С. Новиковым-Прибоем в «Цусиме». По свидетельству современников, внешнее сходство его с настоящим Поддубным было поразительным.

В знак признания выдающихся заслуг И. М. Поддубного в деле развития и пропаганды физкультуры и спорта советское правительство наградило ветерана в 1936 году орденом Трудового Красного Знамени. Ему было присвоено звание заслуженного артиста, заслуженного мастера спорта. ДСО «Спартак» избрало его своим почетным членом.

В наши дни борцы-«классики» ежегодно разыгрывают мемориал Ивана Максимовича Поддубного, в честь этого состязания даже выпущена почтовая марка.

Лето 1919 года. Динь! Бам!! На затемненной сцене Нового театра в Томске дружно работают кузнец и молотобоец.

Динь! — бьет молоточком кузнец. Бам! — вторит ему молотобоец.

Под их ударами кусок раскаленного добела железа быстро превращается в подковку. Пудовый молот обрушивается на наковальню, фонтаном брызжут искры...

Только установлена наковальня на груди человека богатырского сложения, который «держит мост» — опирается, прогнувшись, о пол ногами и головой. Работа закончена. Человек встает — на лице, на груди, на руках его видны следы ожогов. Под бурные аплодисменты богатырь кланяется публике...

Это — Иван Заикин. Имя его в те годы гремело по всей стране. Если цирковые афиши извещали, что на манеже будет выступать Иван Михайлович Заикин, — сборы были обеспечены. Один из сильнейших русских атлетов, бывший царицынский грузчик, ставший в 1904 году победителем первенства России по поднятию тяжестей, чемпион мира по французской борьбе, Заикин часто выступал с «сольными» силовыми номерами. Замечательный артист, он работал с железом необычайно красиво, с неподражаемым мастерством. Многие его трюки были неповторимы.

«Адская кузница» — далеко не единственный опасный номер, который Заикин имел в репертуаре. «Пояс Самсона» — в провинции, для пущего эффекта, номер этот называли «пояс смерти» — также был зрелищем довольно впечатляющим. Пояс представлял из себя железную полосу метров пять длиной, шириной и толщиной с ладонь. Два десятка здоровенных ассистентов должны были навить эту «полоску» на грудную клетку Заикина. Последний обычно набирал себе помощников из числа местных грузчиков — в Томске их звали «крючниками»; народ это был все рослый, крепкий. В начале представления каждый раз происходила небольшая «заминка». Когда ассистенты уже готовы были начинать свое дело, выяснялось, что за один конец пояса держится людей больше, чем за другой. Недоразумение устранял быстро сам Заикин: он брал и переставлял лишних с одной стороны на другую с такой легкостью, словно это были не дожие мужики, а фанерные этажерки... Само закручивание пояса превращалось в захватывающую сцену. То Заикин под напором железа отступает к самим декорациям, то от «неловких» движений чемпиона добрая половина его помощников рассыпается горохом во все стороны. Наконец пояс надет. Ассистенты покидают сцену. Заикин выходит к оркестровой яме, на мгновение замирает публика в зале — резкий выдох и... многопудовое железное кольцо соскальзывает со страшным грохотом к ногам артиста.

Свою работу с сорокаведерной бочкой Заикин подавал как сценку из древнерусской былины. Помощники выносили огромную бочку, напол-

няли ее на глазах у публики водой. Сорок ведер — ни больше, ни меньше! Заикин выходил в костюме народного богатыря: просторная косоворотка подпоясана витым шелковым шнурком, широченные штаны заправлены в мягкие сапоги с острыми, загнутыми вверх носками. Зачерпнув расписным деревянным ковшом воды из бочки, он выпивал ковш до дна и отбрасывал в сторону, совсем как Илья Муромец... После этого атлет поднимал бочку весом около двадцати пяти пудов и носил ее по сцене.

Самым тяжелым в репертуаре чемпиона был трюк с полустальным рельсом, который ассистенты гнули на спине и плечах артиста. Рельс укладывался за шею, и на каждом конце повисали по десять — пятнадцать человек. Нередко железо рвало Заикину кожу до крови; при этом наиболее впечатлительные зрители начинали кричать: «Хватит! Довольно!...» — на что, впрочем, сам артист не обращал внимания. На рельсе появлялся вначале едва заметный, затем довольно большой изгиб. О том, что номера эти требовали смелости, — и говорить не приходится.

Смелости Заикину было не занимать! Кроме прочего, он был и одним из первых русских авиаторов. Полеты в начале века были очень опасны: летающие аппараты того времени не отличались надежностью, и далеко не все, кто поднимался в воздух, приземлялись благополучно. В авиаторы шли люди, не боявшиеся риска.

Большой друг Заикина, известный русский писатель Куприн описал в одном из рассказов свой полет с чемпионом мира (автор был в роли пассажира). Полет чуть не закончился трагически...

Спортивный азарт заставлял Заикина принимать участие и в мотогонках, велогонках. Атлет, борец, авиатор, гонщик... Да, великий все-таки был спортсмен!

Летним днем 1922 года некоторые томичи стали невольными зрителями любопытной сценки, разыгранной на набережной речки Ушайки. Немолодой, среднего роста, внешне ничем не примечательный мужчина в потертом пиджачке выспрашивал у кассира кинотеатра «Гло-

бус» — сколько стоят билеты, много ли их продают ежедневно, любят ли томичи цирк и какие номера им больше нравятся?

К не в меру любопытному гражданину подошел постовой милиционер и предложил ему отойти в сторону, дабы не мешать кассиру спокойно продавать билеты на очередной сеанс. Не говоря худого слова, гражданин аккуратно, одними ладонями взял милиционера за пояс, легко и осторожно, как фарфоровую вазу, поднял, перенес и поставил на место: «Вас ставили следить за порядком, а я порядка не нарушаю».

К вечеру в городе только и было разговоров, что о появлении в Томске силача прямо-таки необыкновенного. А на следующий день афиши «Глобуса» аршианными буквами сообщили, что с силовыми номерами будет выступать «чемпион и рекордсмен мира Сергей Иванович Елисеев».

Тот самый Елисеев!..

Родился Сергей Иванович в 1877 году в Уфе. Отец его служил поваром у генерала Казаринова. Утро братьев Елисеевых начиналось с обливания холодной водой и гантельной гимнастики. Вечером, после трудового дня — работа с гириями и самодельной штангой. Братья строго придерживались режима дня. И так из месяца в месяц, из года в год. Юноши без особого труда могли повторить трюки заезжих цирковых силачей. Во время сабантуев охотно принимали участие в молодецких забавах. Борьба на поясах была неотъемлемой частью этих праздников, и здесь мало кто мог устоять против Сергея Елисеева.

В начале 1899 года в русской печати появилось сообщение, что в Италии, в Милане, будет проведен международный турнир по поднятию тяжестей (точнее, по борьбе и поднятию тяжестей, что было обычным для тех лет). Организаторами соревнований являлись основатель итальянского тяжелоатлетического союза маркиз Луиджи Монтичелли и миланская «Газета делло спорт».

Честь России послан был защищать Сергей Елисеев. Имя его, знакомое лишь немногим знатокам гиревого спорта, ничего не говорило ни участникам, ни тем более зрителям миланского турнира. Внешность русского силача тоже не производила впечатления. Молодой атлет был самым легким из участников чемпионата: при росте 172 сантиметра Елисеев весил около 90 килограммов — совсем немного, если учесть, что весовых категорий тогда не существовало и по общепринятому мнению тем, кто «тянул» меньше ста кило, в тяжелой атлетике делать было нечего. Многие соперники превосходили его в весе пуда на два-три, а то и более.

Но победы тяжелоатлетам при-

носят не собственный вес, а тот, который они поднимают...

Программа соревнований состояла из пяти упражнений: рывок, выжимание и толчок одной рукой, жим и толчок двумя руками. Итальянцы надеялись увидеть победителем своего земляка Скури. У последнего, однако, имелись серьезные конкуренты. В их числе — баварец Редль, обладатель на редкость внушительной мускулатуры плечевого пояса.

И зрители, и судьи, и сами участники турнира удивились, когда уже в первом упражнении — рывке одной рукой — русский смог поднять больше, чем кто-либо. 180 фунтов!.. Редль и Скури отстали от Елисеева на 5 и 10 фунтов соответственно.

Темпераментные итальянские болельщики наградили российского богатыря бурными аплодисментами. Елисеев покориł зрителей огромной силой, которая сочеталась у него с изумительной техникой. Он не просто «таскал» штангу, а делал это по-настоящему красиво, поднимая в великолепном стиле почти в каждом упражнении непосильный для соперников вес. Лишь в жиме двумя руками Редль сумел сравняться с ним, и только. Баварцу пришлось довольствоваться вторым местом, Скури остался на третьем. Первый приз — большая золотая медаль за победу в чемпионате — по праву был присужден Сергею Ивановичу Елисееву. Кроме того, за установленный в ходе турнира мировой рекорд в выжимании одной рукой его наградили еще и специальным призом — малой золотой медалью.

Никто из русских атлетов до Елисеева не добивался такого успеха на международных соревнованиях. Сергея Елисеева стали называть «железным человеком».

После триумфального возвращения на родину Елисеев принял участие в очередном, третьем по счету, первенстве страны по поднятию тяжестей и стал, наконец, официально чемпионом России. Выиграв чемпионат следующего, 1900 года Елисеев переходит с любительского помоста на цирковую арену и становится профессиональным атлетом. Имя его стало известно всему миру, и этот шаг был вполне закономерен.

В любительском спорте он оставил след более чем заметный. В наши дни елисеевские рекорды дали бы ему право лишь на звание кандидата в мастера спорта в полутяжелой весовой категории. Не много? Как сказать... В период с 1901-го по 1911 год звание чемпиона не сумел получить ни один тяжелоатлет. Нормативы в отдельных движениях, установленные Елисеевым, оказались не под силу никому целых двенадцать лет, жим двумя руками — около двадцати лет, а толчок двумя...

Толчок двумя руками, 159,9 килограмма, Елисеев сделал на пер-

венстве России в 1900 году. Сейчас он под силу даже легковесам, не всем разумеется — мастерам спорта международного класса, рекордсменам мира. Но это сейчас. А в то время он казался фантастическим. Долгие годы толчок в 160 килограммов или около того считался «грос-смейстерским» результатом. Около сорока лет потребовалось, чтобы побить его. Кто еще из отечественных тяжелоатлетов может похвастать такой завидной долговечностью своих рекордов?

Рекордов этих наверняка могло быть гораздо больше, но... Сергей Иванович Елисеев оказался в Туруханском крае, куда был сослан за «неблагонадежность». Елисеев был противником самодержавия и не раз высказывал свое отношение к царскому правительству. В результате — ссылка сроком на пять лет.

Годы ссылки, унылые и однообразные, похожие один на другой, тянулись мучительно долго. Только изредка, из приходивших с большим опозданием газет мог узнавать Сергей Иванович, что делалось в его любимом мире тяжелой атлетики. Полуголодное существование, морозы, снега, метели... Елисеев не был профессиональным революционером, но верил, что самодержавие обречено на гибель и ждал этого часа. Ждать пришлось долго — двенадцать лет, но Елисеев не пал духом, не опустил. Физическая закалка и железная воля помогли ему выдержать испытания, выпавшие на долю политического ссыльного.

Когда его арестовали, ему было 28 лет. А когда до Сибири докатилась радостная весть о свержении царского режима — ему исполнилось сорок.

Елисеев перебрался на постоянное жительство в Томск — центр тогдашней Сибири. К этому времени он был уже женат, подрастали двое сыновей. Выступая на сцене «Глобуса», Сергей Иванович демонстрировал скорее выносливость и ловкость, чем силу, хотя и силу он сохранил еще немалую: поднимал штангу, гири, вагонные скаты... Мог минуту удерживать двухпудовую гирю на вытянутой в сторону руке хватом сверху, а иногда и подхватом. Трюк этот именовался уважительно «мировым рекордом» и не был, насколько известно, повторен и до сего дня. Боролся успешно на поясах.

Однако возраст и травмы стали все чаще напоминать о себе. Сергею Ивановичу было сорок пять лет; беспокоило сломанное в молодости ребро, давали знать поврежденные мышцы правой руки. Да и годы, проведенные в ссылке, отнюдь не способствовали сохранению спортивной формы.

С 1931-го по 1933 год Елисеев работает преподавателем физкультуры в Томском медицинском институте,

а с 1934-го по 1937 год занимает должность тренера по тяжелой атлетике в Томском индустриальном институте. Елисеев не только готовил хороших атлетов, он продолжал тренироваться сам (на шестом десятке), был членом сборной области по перетягиванию каната. Сейчас, пожалуй, только специалисты знают, что перетягивание каната было некогда олимпийским видом спорта...

Умер С. И. Елисеев в 1939 году в возрасте шестидесяти двух лет. В шеренге таких замечательных атлетов, как Г. Новак, А. Воробьев, Я. Куценко, Ю. Власов, Л. Жаботинский, Р. Плюкфельдер, А. Вахонин, В. Алексеев и других, прославивших нашу Родину замечательными победами на мировом помосте, Сергей Иванович Елисеев был первым. Его имя навечно вписано в историю мирового тяжелоатлетического спорта.

Поручик Людвиг Адамович Чаплинский погиб под Нарвой от прямого попадания снаряда. Об этом сообщила спортивная печать. Почему — спортивная, и, вообще, кто он такой?

Инженер по образованию и банковский служащий по профессии, Чаплинский был отличным спортсменом, тренером и организатором. В тяжелой атлетике Чаплинский установил, например, рекорд России и мира в выкручивании правой рукой — 94 килограмма при собственном весе 72 килограмма.

Им основано атлетическое общество «Санитас» — «Здоровье». В России было много обществ и клубов, каждый со своим уставом. В петербургском «Геркулес-клубе» занимались только те, кто мог любым способом поднять сто килограммов. «Калев», тоже в Петербурге, объединял эстонцев и финнов. Были клубы джентльменские, аристократические, куда вход простоголюдиам объявлялся закрытым. «Санитас» стал демократическим клубом — туда принимали всех желающих. Занимались там только по французской системе.

В начале века тяжелоатлеты Западной Европы и России знали две системы: французскую и немецкую. Для немецкой характерны чисто силовые приемы. Например, на грудь штанга поднималась в несколько этапов: атлет укладывал штангу на

колени, перекатывал на бедра, затем одной рукой поднимал одну сторону штанги, приседая, другой рукой вкатывал снаряд на живот и перетягивал на грудь. Темперamentные французы поднимали штангу в один прием, не касаясь бедер и живота. В 1912 году клубы и кружки объединились в единый Всероссийский союз тяжелоатлетов — ВСТА. Председателем его был избран Людвиг Чаплинский. Руководители ВСТА составили программу чемпионатов — так называемое «классическое пятиборье»: жим, рывок, толчок двумя руками, рывок и толчок одной. Это пятиборье существовало в нашей стране до конца сороковых годов.

«Санитас» придерживалось французской школы и в разделении на весовые категории. Вначале их было три, потом — четыре, пять. По этому делению на чемпионатах узаконивались легковесы, которым долгое время приходилось довольствоваться ролью зрителей. Известен даже такой курьезный случай. Отличный штангист и гимнаст Линстед был малорослым и весил всего четыре пуда — около 65 килограммов, конкурировать с тяжеловесами он не мог и не мог рассчитывать на призовое место. Тогда обиженный легковес, дабы выразить свой протест против существовавших правил, поднялся на Исаакиевский собор и на высоте сто метров сделал стойку на перилах последней заградительной площадки...

Летом 1913 года в Берлине собрались представители стран, культивирующих тяжелую атлетику. Россию представлял Л. А. Чаплинский, он же был одним из инициаторов созыва этого форума. На первом конгрессе, который учредил Международный союз тяжелоатлетов, были приняты единые правила выполнения упражнений, установлен порядок зачитывания рекордов (почти не измененный до сего дня), утверждены границы пяти весовых категорий. Отныне тяжелая атлетика объединила три вида спорта — бокс, всю борьбу и поднятие тяжестей. Международный союз официально зарегистрировал пятьдесят высших достижений. Двадцать шесть из них приходилось на долю наших, русских атлетов. В числе мировых рекордсменов был и сам Чаплинский (выкручивание левой).

Очередному первенству мира и Европы, которое конгресс намечал на осень 1914 года, помешала первая мировая война. Международный союз распался. Многие атлеты надели солдатскую форму. Людвиг Чаплинский тоже пошел на фронт и погиб.

Любители спорта помнят, что в двадцатых годах разыгрывался приз Чаплинского — приз был утвержден после его гибели.

...Его считали петербуржцем. А на самом деле Чаплинский был корен-

ным сибиряком, уроженцем города Красноярск. Сибиряки могут гордиться: стараниями их земляка тяжелая атлетика из увлечения одиночек начала утверждаться как вид спорта.

Цирк был главным пропагандистом борьбы и силового спорта вообще. Увиденные в цирке приемы разучивались прямо во дворах и на улицах. Борцовские чемпионаты проходили на цирковых аренах, в летних садах, на сценах театров и эстрадах варьете. Организаторы старались включить в состав участников иностранцев — выходцев из Германии, Турции, Франции. В те времена многие борцы из этих стран пользовались мировой известностью. Если же зарубежных атлетов не хватало — что ж, за таковых нередко выдавались уроженцы Прибалтики и Закавказья: первые сходили за французов, вторые — за турок...

С легкой руки Ивана Владимировича Лебедева, «профессора атлетики», лучшего из русских арбитров, более известного под фамилией уважительно «Дядя Ваня» (прозвище это в России надолго превратилось в синоним слова «арбитр», «тренинг»), чемпионаты борьбы «подавались» зрителю, как хорошо подготовленные представления. Среди борцов распределялись роли характерных персонажей: героя-любовника, простака, коварного злодея, всегда готового провести запрещенный прием, пещерного человека, былинного богатыря... Разумеется, ввиду особенностей жанра, исполнять эти роли на борцовском ковре могли только люди рослые, могучего телосложения и большой физической силы.

Иван Владимирович Лебедев был сам яркой фигурой в русском профессиональном тяжелоатлетическом спорте. Коренной питерец, он с детства начал заниматься гимнастикой, так называли тогда упражнения с отягощениями; в возрасте восемнадцати лет стал одним из активных членов кружка В. Ф. Краевского. После смерти последнего работал тренером в различных столичных атлетических обществах, а в 1906 году открыл свою школу — как говорилось, «свою арену».

Замечательный атлет, он имел несколько личных достижений, счи-

тавших мировых рекордами. Например, выжимал в солдатской стойке из-за головы штангу весом 220 фунтов пятнадцать раз... Но главную известность Лебедеву принесла его деятельность в качестве арбитра и организатора различных борцовских чемпионатов. Хорошо образованный, достаточно свободно говоривший на нескольких иностранных языках, Лебедев выходил на арену в простонародном русском одеянии: картуз, поддевка, сапоги. До него все арбитры выступали во фраке, белом жилете и лакированных штиблетах. Арбитром он был по-настоящему талантлив, пользовался необычайной популярностью и считался своего рода эталоном, которому сразу же стали подражать. Кое-кто считал, и для этого были основания, что «Дядя Ваня» излишне театрализует соревнования по борьбе.

Умер Лебедев в 1950 году. К сожалению, все его записки и документы бесследно исчезли. А он был неплохим журналистом и одно время издавал спортивный журнал «Геркулес», девизом которого были слова самого «Дяди Вани»: «Каждый человек может и должен быть сильным!»

— Может быть, вам нужны борцы?..

Перед антрепренером второразрядного «международного» чемпионата смущенно перемминается с ноги на ногу совсем еще молодой человек в форме железнодорожника.

— Вам, юноша, приходилось когда-нибудь встречаться на ковре с настоящими борцами?

— Еще нет, но надеюсь...

— Ах, надеетесь!..

Осмотрев юною богатыря со всех сторон, антрепренер, однако, остался доволен и включил его в парадный строй. С этого момента девятнадцатилетний Клементс Буль стал профессиональным борцом. Пусть не очень доходное, но надежное место служащего Транссибирской железной дороги он без сожаления променял на кочевую, полную неопределенностей жизнь циркового артиста.

В те времена каждому борцу приходилось самостоятельно постигать язы мастерства. Именитые борцы тщательно скрывали свои коронные приемы от конкурентов. Делить-

ся секретами — значит раскрыть карты, уменьшить вероятность победы. А чем больше побед — тем выше престиж, выше престиж — больше жалованье. Начинающим борцам обычно отводилась роль «яшек» — они должны были проигрывать в угоду хозяину чемпионата. Многие так и оставались в «яшках» всю жизнь. Многие, но не Клементс Буль.

Молодой борец имел весьма строптивый нрав и не соглашался добровольно проигрывать. Однако проигрывать приходилось — одной силы для победы мало. Боль поражений зачастую была самой настоящей физической болью — «ковром», случалось, называли самый обыкновенный брезент, расстеленный на манеже поверх тонкого слоя опилок. Падение на такой мат редко обходилось без синяков. Переломы и вывихи у профессиональных борцов считались обычным явлением. «Макароны» — удар по щеке ладонью или предплечьем, запрещенные, но мало заметные со стороны болельцев приемы, пристрастное судейство — вот далеко не полный перечень средств, которыми Буля пытались поставить на место. Но безрезультатно! Нелегко давалась ему борцовская наука. Однако года через два-три среди провинциальных борцов у Буля соперников не было.

В 1911 году Клементс Буль впервые выступает в Петербурге, в чемпионате у Ивана Владимировича Лебедева. «Сибиряк», «гроза закаспийских борцов» — так аттестовали афиши молодого спортсмена. Впрочем, шансы его расценивались невысоко — на парад вместе с Клементсом вышли великан из Сибири Григорий Кащеев (псевдоним Г. Косинского), австрийский силач Карл Корнатский, человек с «железными мышцами» голландец Вап-Рилль, любимый ученик Поддубного волжский богатырь Никандр Вахтуров... Компания что надо! Но и новичок оказался не робкого десятка. Огромная сила в сочетании с виртуозной техникой обеспечили ему первый приз и звание чемпиона. Тяжеловес Буль боролся с ловкостью акробата. От его бросков отправлялись в «воздушный полет» дяденьки до десяти пудов весом...

Клементс Буль быстро стал любимцем публики. В печати стали называть его новой восходящей звездой. Буля начали остерегаться чемпионы. Он становится признанным фаворитом столичной, особенно московской публики. Один досуужий журналист подсчитал, что с 1908 по 1912 год Буль боролся в Москве 44 раза, и в 41 схватке одержал победу. Для сравнения можно сказать, что Поддубный и Заикин хотя и выступали в те годы в первопрестольной без поражений, но первый провел только 28 встреч, а второй — всего четыре.

Буль неоднократно боролся и с Поддубным, и не без успеха. Однако

успех был оплачен дорогой ценой. Оберегающий свой титул непобедимого, Поддубный сурово, даже жестоко обходился с теми, кто покушался на его славу. — однажды Буля унесли с арены со сломанным ребром и вывихнутой рукой. Путь профессионального борца не усыпан розами.

В 1915 году столичная спортивная печать была занята предстоящей встречей Буль — Збышко. Збышко — главный герой романа Г. Сенкевича «Крестоносцы»; имя полулегендарного польского богатыря взяла себе в качестве псевдонима краковские атлеты братья Цыганевичи — Станислав и Владислав. В обиходе их обычно звали Збышко-старший и Збышко-младший. Старший Збышко считался сильнее, хотя оба брата прославились громкими победами; в России Станислав не знал поражений в матчах французской борьбы. Надеюсь он стать победителем и в предстоящей схватке. Пусть Клементс развенчал кое-кого из «королей», но если они — «короли», то он — император!

Ничья со Збышко Цыганевичем для многих борцов была бы пределом желаний. Выиграть у него не удалось и Поддубному, который признавал: «Збышко положить никто не может». Но и Станислав Збышко не смог уложить Клементса Буля... Обе их встречи закончились ничью — это свидетельствовало о том, что Буль стал равным среди первых.

Дважды он завоевывал звание чемпиона России, и только мировая война помешала таланту его расцвести в полную силу и ограничила славу атлета пределами России. После Октябрьской революции К. Буль, как и Поддубный, остался верен родине. В 20-х годах Клементс выступает в составе различных чемпионатов, и хотя продолжает выигрывать (даже у Поддубного), но уже без особого блеска — сказываются последствия полученных на ковре травм; беспокоит радикулит — бич профессиональных атлетов.

В 40—50-х годах Клементс Буль работает тренером московского «Динамо», передает свой богатый опыт молодым борцам, сам растит чемпионов.

По воспоминаниям современников, Клементс Буль был образцом трудолюбия, строго соблюдал режим, вел здоровый образ жизни — не пил и не курил. Был скромный, сдержанный в обращении, вежлив. В свободное время любил поиграть в шахматы — большинство борцов предпочитали «бб» и бильярд.

В декабре 1945 года в Ленинграде торжественно отмечался шестидесятилетний юбилей отечественной тяжелой атлетики. В качестве почетных гостей на этом празднике силы и мужества присутствовали И. М. Поддубный, И. М. Заикин, И. В. Лебе-

дев и К. Буль — старая гвардия русского спорта.

...Еще при жизни о них слагали легенды. Но если жизнеописание Ивана Максимовича Поддубного издаются и переиздаются сравнительно регулярно, то другим в этом отношении повезло гораздо меньше. Нечасто встретишь на страницах печати имена Заикина, Елисеева, Буля. Сергей Иванович Елисеев был лучшим гиревиком дореволюционной России, одним из сильнейших тяжелоатлетов мира начала века, основателем сибирской тяжелой атлетики. С неподражаемым артистизмом поднимал различные тяжести чемпион мира по французской борьбе¹ Иван Михайлович Заикин. «Гроза чемпионов» — такое прозвище заслужил у современников двукратный чемпион России Клементс Буль, имевший в своем активе победу над самим Поддубным, когда последний находился в расцвете сил. Немногие, очень немногие могли похвастать чем-нибудь подобным.

Ныне здравствующий Григорий Ирмович Новак первым из советских штангистов завоевал звание чемпиона мира. Более того, он вообще был первым советским чемпионом мира. Став профессиональным атлетом, Новак до самого последнего времени выступал с трюками, которые никто не мог повторить. Те, кому сегодня за тридцать, еще могут помнить оригинальные номера, которые демонстрировали на арене цирка Петр Рублев и Николай Жеребцов.

Все они внесли немалый вклад в развитие отечественного спорта и получили право на добрую память не только нашего, но и более поздних поколений.

Ушла в прошлое профессиональная борьба...

«Ну и пусть! — решительно воскликнет иной товарищ. — Хотите видеть настоящую борьбу — идите в спортзал!»

Ан нет... Не спешит публика в спортзалы, хоть и вход свободный. И пусть на ковры выходят мастера спорта — места для публики чаще всего остаются пустыми.

В современной печати цирковую борьбу вспоминают редко — чаще ругают, чем хвалят. Недостатки у нее во все времена были. Но и достоинств насчитывалось немало! Профессиональная борьба как нельзя более наглядно агитировала за красоту, ловкость, силу и здоровье. Упрекать профессиональную борьбу за ее порой несколько условный характер — все равно что обвинять артиста в роли Гамлета за то, что он не «по-настоящему» убивает Полония,

Лаэрта, Клавдия... Цирковые борцы были прежде всего артистами. Демонстрация борьбы была настолько интересней, чем сама борьба, что стоило чемпионату посетить тот или иной город, как тотчас начиналось повальное увлечение борьбой...

Встречам на ковре, случалось, предшествовала договоренность между борцами: какие и на какой минуте провести приемы, кто должен проиграть. Что ж, сами борцы хорошо знали, кто из них выше «по гамбургскому счету». Но утверждать, что все встречи заранее обуславливались, было бы неверным. «Буровые» поединки не были редкостью, а насколько они были интересны! Говорят, что дядя Ваня в тех случаях, когда на ковер выходили выяснять отношения примерно равные по силам знаменитости, говорил, обращаясь к публике: «Выступают борцы огромной физической силы... Приемов не ждите!» И, действительно, подобные схватки могли длиться по часу и дольше, и часто заканчивались безрезультатно.

Да, борцы на сцене были артистами. Но не только артистами: немало среди них профессиональных атлетов, выдающихся имен. До вступления СССР в международную федерацию борьбы в 1949 году в нашей стране практиковались встречи между любителями и профессионалами. Последние обычно выступали в полутяжелой и тяжелой весовых категориях. Первенство профсоюзом 1949 года выигрывает Василий Янков, причем многие победы одерживает молниеносно. Владимир Плясуля в 1948 году становится чемпионом ВЦСПС по борьбе и штанге одновременно — совсем неплохо для «артиста»! Полутяжеловес Иван Куксенко (Ян Цыган) — неоднократный призер чемпионатов страны по классической борьбе, любимец публики — в 1938 году награжден орденом Трудового Красного Знамени. Александр Мазур свой путь к золотой медали чемпиона мира тоже начал на цирковой арене. Список этот можно продолжать.

Ушла профессиональная борьба — заметно снизился интерес к самой борьбе как таковой. Но может быть, с тяжелой атлетикой дело обстоит лучше? Да, зрители охотнее идут смотреть соревнования штангистов, если в них принимают участие... Василий Алексеев или равные ему по классу «короли помоста».

Подлинно атлетические номера на сегодняшний день почти исчезли с арены цирка. Кто от этого выиграл? Не праздная толпа — мы с вами лишились увлекательного зрелища. Спорт потерял одного из лучших своих агитаторов.

Куда же девать знаменитую русскую силу? Где показаться богатырям, на кого равняться самородным

Муромцам — не всем же быть рекордсменами мира и мастерами спорта?

Как не вспомнить выступления Петра Рублева, сына деревенского кузнеца из Гаринского района Свердловской области, прославившегося оригинальными силовыми упражнениями. На Центральном стадионе имени Ленина в Москве богатырски сложенный мужчина жонглирует двухпудовичками... Вся его одежда — спортивные трусы. Жонглирование сменяется выжиманием двух гирь «на попа». Под тонкой кожей играют великолепные мышцы. Атлет поднимает связку гирь зубами. Приседает с коромыслом на спине, к концам которого подвешены двенадцать двухпудовых гирь. Номера, достойные восхищения! А вот звонких аплодисментов не слышно — мало кто отважится снять перчатки в двадцатиградусный мороз... Да, именно при такой температуре происходило выступление Петра Рублева на празднике русской зимы в 1958 году. Незаурядная сила у русского богатыря сочеталась с отменной закалкой. Рублев до старости выступал с поднятием тяжестей: разменяв шестой десяток лет, он мог встать из полуприсяда с грузом до 512 килограммов!.. И это могли видеть все. Не стеснялись русичи показывать свою силу на публику.

Силач Петр Федотович Крылов голым кулаком дробил камни на арене цирка, поднимал пианино с играющим тапером и пляшущей танцовщицей. Александр Знаменский удерживал на спине лодку с семью гребцами. Геркулес из Гродно Яков Чеховский, бывший гусар, поднимал на спине лошадь. Елисеев отрывал от пола груз до 500 килограммов и более... Все известные нам силачи могли бы остаться обыкновенными людьми. Но они очень хотели стать сильными и много для этого сделали. Скольких зрителей заразили они своей страстью!

И у кого душа не радовалась, не вздымалась восторгом — при виде этой богатырской силушки?!

Рисунки
М. Паукера

¹ Сейчас — классическая борьба.

ТАК ПОГИБ ЕЖИК

**Мария
АНТОНОВА**

Однажды я отправилась в Среднюю Азию. Там, в Каракалпакии, на компрессорной станции газопровода Бухара — Урал работал мой сын.

Как-то днем мы с сыном гуляли в городском парке Кунграда. К нам подошел мальчик каракалпак с ежиком в руках. Ежик отличался от своих уральских собратьев: был меньше, светло-серой окраски. Особенно бросались в глаза непривычно большие ушки. Мальчик не говорил по-русски, а мы не знали его языка. Он протянул нам ежика, и я достала было кошелек, чтобы расплатиться. Но мальчик отрицательно покачал головой и дал понять, что ему нужна конфетка. Я насыпала ему горсть конфет, и он весело запрыгал по дорожке.

Ежик оказался почти ручным. Сын положил его за пазуху, и мы отправились в гостиницу. Правда, мы не знали, как наш новый спутник поведет себя в гостинице и как отнесутся к нему жильцы, и это нас настораживало. К счастью, все обошлось как нельзя лучше: студенты-практиканты, жившие в гостинице, встретили ежа с восторгом. Еж охотно брал у них из рук кусочки мяса и пил налитое в блюдечко молоко. Также быстро освоился он и с «новой квартирой»: по ночам топал крошечными ножками по комнате и на веранде, а днем спал на моей кровати, забравшись под одеяло.

Но вот наступило время возвращаться в Свердловск. Расставаться с ежиком мы не хотели. Как довести зверюшку? Ведь предстояло целые сутки ехать поездом до Ташкента, а там лететь на самолете.

Студенты достали коробку из толстого картона, прокололи в крышке дырки, и в этом домике «безбилетный пассажир» был доставлен в наш купейный вагон.

Я с опаской посматривала на проводника, который, казалось, на первой же станции может высадить моего «безбилетника», если он попадет на глаза. Весь день я держала ежа под одеялом, а вечером водворила в коробку. Ночью произошло неожиданное: ежик прогрыз коробку и пошел разгуливать по вагону. Сквозь сон слышу мужской голос: «Проснитесь, проснитесь...» Открываю глаза и вижу... проводника! «Тут, знаете, ваш ежик... Еще напугает кого-нибудь своими колючками, да и раздавить его могут невзначай», — говорит он, а сам улыбается.

В Ташкенте, пока я ждала посадки на самолет, ежик отоспался, а потом стал разгуливать по скамейке. От любопытных не было отбоя.

В самолет пришлось пронести ежа в сумке. Он вел себя мирно, только при подъеме и посадке сильно бился — возможно, ему, как и мне, закладывало уши.

Ноябрь в Свердловске встретил нас холодом и снегом. Вскоре ежик отказался от еды и перестал двигаться. Сын думал, что он заболел, понес его к ветврачу, и тот сказал, что зверек впал в спячку. Тогда мы устроили гнездо для малыша под батареей и подвели лампочку. Ежик наш ожил и начал бегать по комнате. Утром, стоило мне спустить ноги с кровати, он покусывал меня за пятки: я, мол, проголодался, пора завтракать. Вскоре научился забираться ко мне или к сыну на колени и очень любил, когда его поглаживали: складывал колючки, вытягивал черный носик и засыпал.

Посмотреть на ежика и его проделки постоянно приходила целая ватага ребятишек. Я ставила доску одним концом на спинку кровати, другим — на диван. Ежик карабкался по этой «горке» и скатывался вниз. Ребята хохотали до слез.

Понятно, что ежик стал совсем ручным. Дети привязались к нему, гладили, как котенка, и всячески оберегали. Мы жили в общежитии и старались не выпускать зверюшку из комнаты. Но однажды в общежитии появился новый мальчик... И вот случилась беда. Ежик выбежал в коридор, его увидел этот мальчик и стал пинать ботинком, как футбольный мяч. Так ежик погиб.

Станок Михаила Ивановича Калинина

На этот станок прикреплена медная пластинка с надписью:

«Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин в 1911—1913 годах... работал на этом станке шлифовщиком. Уволен с завода за «бунтарское» поведение царской администрацией. Настоящая надпись сделана в память посещения предприятия 18.X.23 г. главою первого рабочего государства».

Это было давно. Но годы не стирают память о событиях тех далеких дней...

После ссылки в 1911 году Михаил Иванович нелегально приехал в Петербург, был принят на работу. Свободных токарных станков не оказалось и было решено токаря попробовать на шлифовальном станке. Пробу он выдержал на «отлично».

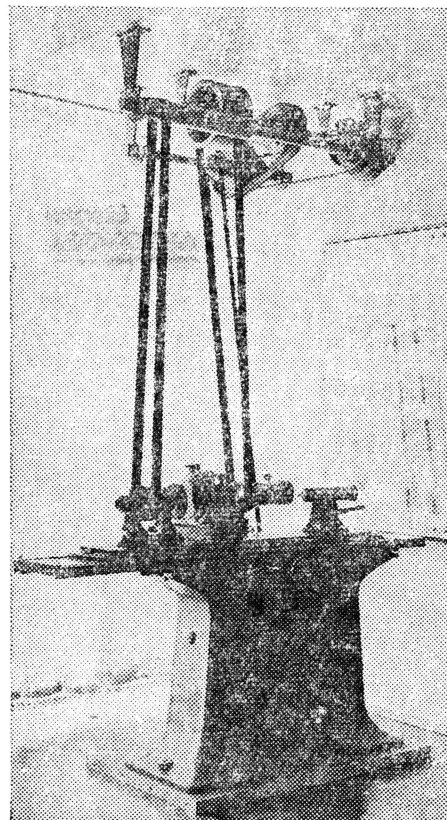
Старый, с полустертым номером «1696», с приводными ремнями, уходящими под потолок, этот станок верно послужил людям. На нем работали после Октябрьской революции. В годы Великой Отечественной войны на нем, получившем вместо ременной передачи индивидуальный привод, трудились круглые сутки. Этот исторический станок доверяли только лучшим рабочим завода.

Сейчас шлифовальный станок № 1696 стал экспонатом музея Свердловского машиностроительного завода имени М. И. Калинина.

На снимке: станок М. И. Калинина.

Сергей ШУМКОВ

Фото В. Донецкого

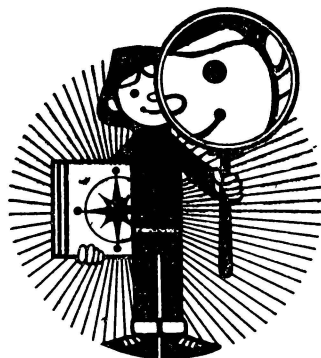

Ультрафарфор для Олимпиады-80

В дни Олимпийских игр из Москвы по многим каналам Центрального телевидения в десятки зарубежных стран будут вестись телевизионные передачи в цветном и в черно-белом изображении. Для отличного качества цветных передач нужны специальные, очень сильные прожекторы. А изоляторы для них делаются из особо прочного материала — ультрафарфора на Пермском заводе высоковольтных электроизоляторов.

На заводе, где изготавливаются олимпийские прожекторы, опытная продукция пермяков получила высокую оценку, и сейчас изоляторы для Олимпиады-80 запущены в серийное производство.

Владимир АБОРКИН

М И Р

НА ЛАДОНИ

Памятники писателям

В Москве воздвигнуто семнадцать памятников писателям и поэтам: А. Герцену, Н. Гоголю (два), М. Горькому, А. Грибоедову, Ф. Достоевскому, С. Есенину, И. Крылову, В. Маяковскому, Н. Огареву, А. Островскому, А. Пушкину, Ш. Руставели, А. Толстому, Л. Толстому, А. Фадееву, Т. Шевченко.

Увековечивание памяти писателей в бронзе и граните в России началось в 1832 году, когда в Архангельске был открыт первый в России памятник Михаилу Васильевичу Ломоносову, автор его — знаменитый скульптор И. П. Мартос.

Борис АЛЕКСЕЕВ

Временные картины

В Третьяковской галерее есть специальный зал, где выставлены полотна знаменитого русского художника В. Л. Боровиковского.

Как попал Владимир Лукич Боровиковский в столицу? Это — любопытная страница его биографии.

В 1787 году Екатерина II совершила путешествие в Крым. По пути следования царицы воздвигались арки, дворцы и даже деревни. Все эти липовые постройки впоследствии стали именоваться потемкинскими, по имени фаворита Екатерины Потемкина-Таврического, главного организатора «путевых сооружений».

В. Л. Боровиковский украшал своими временными полотнами «дворец» в Кременчуге, который посетила Екатерина II. Ей понравились картины В. Л. Боровиковского и она посоветовала вызвать художника из Миргорода в Санкт-Петербург.

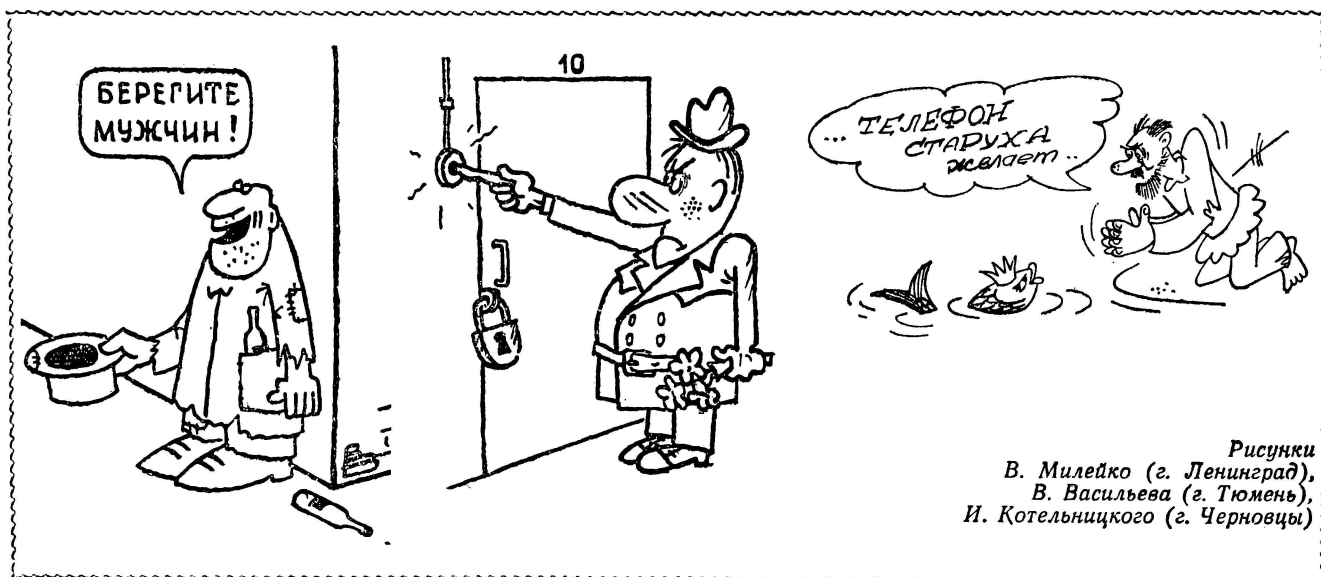
Кременчугские картины Боровиковского не сохранились и их нет сейчас в Третьяковской галерее.

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

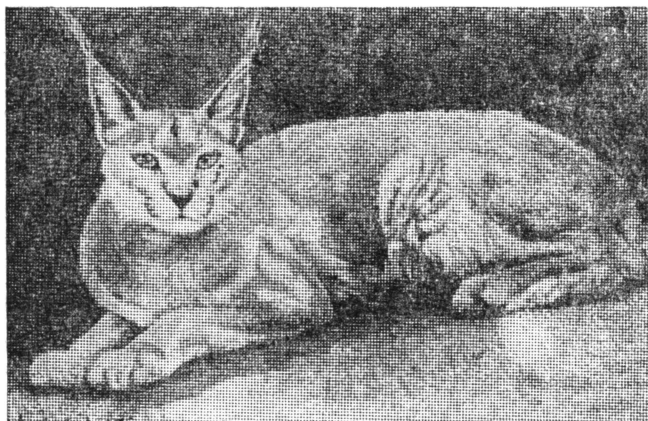
Из рода Лермонтовых

Одна из первых русских женщин, ставших в прошлом веке доктором наук, была Юлия Всеволодовна Лермонтова (ее отец принадлежал великому поэту троюродным братом). Труды Юлии Всеволодовны в области нефтехимии ценил Д. И. Менделеев, и они не потеряли своего значения до сих пор.

Ю. В. Лермонтова была дружна с другой замечательной русской женщиной — математиком Софьей Ковалевской.

Рисунки
В. Милейко (г. Ленинград),
В. Васильева (г. Тюмень),
И. Котельницкого (г. Черновцы)

Барханный каракал

Каракал, или барханный кот, славящийся своим мехом, с красивыми кисточками на кончиках ушей, безжалостно истреблялся в дореволюционное время — иностранные фирмы дорого платили за шкуры кота.

Сейчас, взятый под

охрану, каракал прекрасно себя чувствует в заповедном крае на территории Туркмении в зоне Каракумского канала. Каракал безбоязненно подходит к людям, будто узнал, что они заботятся о нем.

На снимке: туркменский барханный кот.

Загадочная даллия

Столяр Алексей Шапка из чукотского села Лаврентия разводит тропических аквариумных рыб. Самый большой, тридцативедерный аквариум он установил в красном уголке столярного цеха. Здесь живут гуппи, барбусы, меченосцы... Но более всего Шапка гордится тем, что у него живут рыбки, которых нет ни у одного другого аквариумиста. Это — даллии, обитающие на Чукотке и на Аляске.

Даллия — одна из загадочных рыб. Она удивительно легко переносит холода, закапываясь в ил. Замороженная в куске льда, оттаяв, оживает. В литературе описан случай, когда собака проглотила замороженную даллию, а потом отрыгнула живую, когда рыбка оттаяла у нее в желудке.

Едят даллии что и другие жительницы аквариумов, но сверх того им нравится и сырое оленье мясо.

Юрий СКОРОБОГАТОВ

Пролив Средний

Пролив между островами Ушишир и Расшуа, входящими в состав Курильской гряды, называется Средним. Однако отноше-

ния к слову «средний» он не имеет. Пролив назван в честь штурмана корабля «Диана» Василия Среднего. Так приказал назвать пролив командир «Дианы» В. М. Головин.

Неграмотный чемпион

Первый всероссийский турнир по шашкам был организован в Москве в 1897 году. Первыми чемпионами России стали москвичи С. А. Воронцов и Ф. А. Каулен.

В 1901 году Воронцов снова стал победителем

шашечного турнира. Знание чемпиона России он сохранил до 1917 года. Любопытно, что С. А. Воронцов был совсем неграмотным, он не мог даже записывать свои партии, не мог, естественно, читать специальную литературу.

Колодец в... море

Около греческого города Анвалоса, недалеко от берега, обнаружили на морском дне родники пресной воды. Но как ее добыть? Ученые предложили оригинальный способ. Водо-

носный участок моря огородили железобетонной стеной. В образовавшемся резервуаре пресная вода вытеснила морскую, и получился мощный источник драгоценной влаги.

Пирамиды

Всего в Египте открыто сто пирамид, из них шестьдесят семь расположены буквально рядом с Каиоом. Самыми большими являются пирамиды фараонов IV династии — Хеопса и Хефрена, наполовину ниже их пирамида Микерина. А вокруг них — целая россыпь пирамидок...

Пирамида Джосера в Саккаре ступенчатая. Пирамида Нимуса сделана из бетона. Подавляющее же большинство пирамид — геометрически безупречные тела, сориентированные строго по сторонам света. Сложены они из тщательно подогнанных друг к другу каменных облицованных блоков без всякого связывающего материала. Средний вес блоков — шесть тонн, некоторые каменные глыбы весят до тридцати тонн. Подсчитано, что только из камней, пошедших на сооружение одной пирамиды Хеопса, можно было бы поставить трехметровую стену вокруг... Франции.

Древнегреческий историк Геродот сообщает, что пирамиду Хеопса вместе с идущей к ней дорогой строили около двадцати лет, на строительстве было занято до ста тысяч человек.

Считается, что пирамида Хеопса — самая грандиозная из всех — была воздвигнута около пяти тысяч лет назад. Но эта цифра многими оспаривается.

Что же заставляло фараонов строить циклопические сооружения в виде пирамид? Это же целые крепости с замаскированными входами, с подземными коридорами, упорядоченными в массивные гранитные блоки. Только ли тщеславие и честолюбие фараонов, только ли их боязнь за загробную жизнь заставляли их делать пирамиды? Не является ли форма и мощь пирамид основой сохранения в них каких-то сведений?

Много загадок таят еще египетские пирамиды. Одни исследователи, толпящиеся вокруг них, ждут открытия сказочных драгоценностей. Но не более ли важным будет то, что в глубинах пирамид могут оказаться в первую очередь сведения о прошлой жизни человечества.

Валерий ЯСАКОВ

Песни Прокошиной

Широко известны строки М. В. Исаковского:

Спой мне, спой, Прокошина,
Что луга не скошены,
Что луга не скошены,
Что луга не скошены,
Стежки не исхожены.
Пусть опять вспоминается
Все, что к солнцу тянется.

Эти слова поэт посвятил Александре Прокошиной, народной артистке РСФСР, певице Государственного хора имени М. Е. Пятницкого. Блестяще исполняла она раздольные и задумывные песни «Вдоль деревни», «Белый снегом», «И кто его знает», «Провожанье», «Про пехоту», «Здравствуй, милая мама»...

Народная артистка А. В. Прокошина теперь не поет

в хоре. Она работает с молодыми исполнителями. И не только в своем знаменитом хоре. Александра Васильевна помогает сельским народным хорам. Один из ее подопечных коллективов — хор колхоза «Искра» Котельничского района Кировской области, носящий название «Искорка».

Недавно колхозный ансамбль «Искорка», удостоенный звания народного, выезжал на гастроли в Германскую Демократическую Республику, где блестяще выступил с интересной программой.

На снимке: А. В. Прокошина с колхозным ансамблем «Искорка».

Владимир АБОРКИН

Фото Е. Загуляева

Лебединая тундра

Сэр Питер Скотт, сын знаменитого капитана Роберта Фолкона Скотта, сумел и сам прославить свое имя. Он — известный в мире орнитолог, автор многих книг, рассказывающих о его путешествиях, талантливый художник-анималист. Но, пожалуй, более всего он знаменит как ревностный защитник животного мира нашей планеты, сэр Питер — один из создателей «Красной книги», вице-президент Всемирного фонда охраны дикой природы.

Что же привело сэра Питера Скотта на далекий и суровый Ямал, где он недавно побывал? Основное население его птичьего резервата в Слимбридже, в имении Скотта близ Лондона — лебеди, причем, самые редкие из них — тундровые. Родина этих птиц — западное побережье Ямальского полуострова.

Вертолет Салехардского авиапредприятия доставил международную экспедицию орнитологов к устью Юрибея. Ученые встретили

почти сотню лебедей, им удалось отыскать и несколько гнезд, что представляется особенно трудным — характер у мам-лебедих весьма осторожный и скрытный. Часто встречались на пути экспедиции утки-морянки, гуси, куропатки, попадалась краснозобая казарка. Все эти орнитологические достопримечательности были не только сфотографированы, но и засняты на киноленту. Однако птиц со слимбриджской «пропиской» —

кольцом или желтым пером — английским ученым увидеть не удалось. Это и понятно. Из семитысячной популяции тундрового лебедя помечено всего чуть больше десяти процентов.

Сэр Питер Скотт заметил, однако, что он не потерял надежду встретиться со своими мечеными любимцами на их родине. Он выразил желание приехать на Ямал еще раз, хотя ему уже семьдесят лет.

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

КАСЛИНСКОЕ ЛИТЬЕ.

Жанна д'Арк. (Из собрания Свердловской картинной галереи.)

Фото А. Нагибина

«Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство...» Выполняя этот завет К. Э. Циолковского, 12 апреля 1961 года человек Земли впервые покинул ее пределы — вырвался в открытый Космос...

СВОЙ АПРЕЛЬСКИЙ НОМЕР МЫ ЦЕЛИКОМ ПОСВЯЩАЕМ КОСМОСУ. ТРЕЗВЫМ РАСЧЕТАМ УЧЕНЫХ И БЕЗУДЕРЖНЫМ МЕЧТАМ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ. НЕЛЕГКИМ ШАГАМ НА ПУТИ К ЗВЕЗДАМ, БЛИЖНИМ И ДАЛЬНИМ ПЕРСПЕКТИВАМ ОСВОЕНИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА...